

МИНИСТЕРСТВО
ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО
СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ РСФСР
СЕВЕРО-ОСЕТИНСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
М. К. Л. ХЕТАГУРОВА

**ВАРИАТИВНОСТЬ
ЕДИНИЦ
РАЗНЫХ УРОВНЕЙ
ЯЗЫКОВОЙ
СТРУКТУРЫ**

*Межвузовский сборник
статей*

918818

ОРДЖОНИКИДЗЕ
1978

Л. К. Багаева
СОГУ

**Вариантность
частного
отрицания
в разносистем-
ных языках**

(На материале англий-
ского и осетинского язы-
ков).

Явления объективной действительности выступают как положительные или отрицательные, и в любом высказывании всегда что-то утверждается или отрицается.

Известно, что в зависимости от членов предложения, к которым относится отрицание, исследователи издавна различали два вида отрицания — общее и частное. Общее отрицание, выражающее негативную связь между двумя главными членами предложения, делает все высказывание отрицательным.

Частное отрицание не касается смысловой стороны предикации, и предложение, содержащее такое отрицание, остается утвердительным. В частно-отрицательном предложении отрицание относится не к сказуемому, а к какому-нибудь другому члену предложения — дополнению, обстоятельству, а иногда и подлежащему. Отрицание может относиться к определению, стоящему при существительном, которое играет роль подлежащего или дополнения или входит в состав обстоятельства.

В английском языке предложения такого типа встречаются очень редко. Б. А. Ильиш¹ считает, что они несвойственны всей структуре английского языка, что предложения «I was reading not an English book», «I lived not here», практически невозможны. В английском языке, по его словам, эти мысли будут выражены так: «I was not reading an English book, I was reading a

Russian one», «I did not live here, I lived in another city».

В английском языке, несомненно, имеется тенденция строить предложение таким образом, чтобы отрицание относилось к сказуемому, иначе говоря, чтобы отрицательным было все предложение в целом. В связи с этим Б. А. Ильиш делает вывод: «Таким образом, отрицание, которое относилось бы только к одному члену предложения, в английском языке в сущности невозможно. Отрицание данного члена предложения заменяется отрицанием всего предложения, включающего данный член»². И далее: «При таком построении сначала излагается отрицательное суждение, а затем — дополняющее и разъясняющее его утвердительное, и избегается несвойственный английскому языку тип предложения, в котором отрицание относится к одному члену предложения»³. Чтобы доказать данное положение, Б. А. Ильиш приводит стих из «Венецианского купца» В. Шекспира:

«All that glitters is not gold».

В этом предложении с именным сказуемым отрицательная частица поставлена так, что она относится ко всему предложению, хотя логически точнее было бы поставить ее при подлежащем.

«Not all that glitters is gold».

При буквальном понимании шекспировского стиха получается заведомо неправильный смысл: «все то, что блестит, не золото», между тем, имеется в виду другое: «не все то золото, что блестит».

Другие лингвисты⁴ высказывают следующую точку зрения по этому вопросу. Частное отрицание встречается в современном английском языке несравненно реже, чем общее. В английском языке оно менее обычно, чем в русском. Но тем не менее, считают они, исследование текстов показывает, что оно все же встречается в современном английском языке и не является в нем редкостью.

Мы склонны разделить эту точку зрения, так как по нашим наблюдениям частное отрицание действительно имеет место в английском языке — об этом свидетельствуют многочисленные примеры из английской литературы, однако, нельзя не согласиться и с тем, что в современном английском языке более распространено общее отрицание.

Частное отрицание выражается в современном английском языке частией «not» (без последующего детерминатива any, one) при подлежащем или дополнении, или той же отрицательной частицей при обстоятельственных словах.

I noticed that, just before the conference, Getcliffe looked at the other pupils *and not at me*.

(C. P. Snow, «Time of Hope».)

Did anyone give more than ten shillings?

No. *Not in our form*.

(Там же).

«*Not many of them* will do better than that»,—said my mother contentedly.

(Там же).

There will be bad weather in three or four days,—he said. But *not tonight* and *not tomorrow*.

(E. Hemingway, «The Old Man & the Sea».)

В осетинском языке частное отрицание выражается отрицательными частицами *нæ*, *нал*, передающими отрицание какого-либо факта, за которыми, как правило следует противительный союз *фæлæ*, противопоставляющий отрицательному факту другой факт. Союз *фæлæ* может быть опущен, но тогда противопоставление, заключающее в себе утверждение, выражается интонацией.

Абоны лæджыхъæд канд махæн нæ, фæлæ фæсфæста-гагтæн дæр царды йаргъ кад у.

Это мужество является славой *не* только нам, *но* и потомкам.

(К. Хетагуров, «Осетинская лира»).

Ех, Нади, радзурдзынæн дын сæ искуы, искуы дæр нæ, фæлæ тагъд рæстæджы...

Эх, Надя, когда-нибудь я расскажу тебе об этом, и не когда-нибудь, а скоро...

(Т. Епхив, «Вперед».)

Как указывалось выше, в английском и осетинском языках частное отрицание может относиться к различным членам предложения: подлежащему, дополнению, обстоятельству времени, места, образа действия, причины и цели, но по сравнению с английским языком в осетинском языке частное отрицание имеет некоторые особенности. При выражении частного отрицания в английском языке отрицательная частица «not» употребляется *перед* отрицаемым членом предложения.

Not long afterwards I took my chance and forced myself upon him.

(C. P. Snow, «Time of Hope».)

I shall leave here when my work is done and *not before*.

(J. Aldridge. «Diplomat».)

В осетинском же языке средства выражения отрицания (частицы *нæ*, *нал*) ставятся *после* отрицаемых слов.

Зарифæ: Бузныг, Стефан. Мах зонæм канд гитлерон Герман нæ, фæлæ Розæ Люксембург, Карл Либкнехт, Эрнст Тельмæны Герман дæр.

Зарифа: Спасибо, Стефан. Мы знаем не только гитлеровскую Германию, но и Германию Рёзы Люксембург, Карла Либкнехта и Эрнста Тельмана.

(Т. Бесаев, «Поэма о героях».)

Æлгъ æвзæр адаймагыл хъæуы, хуызмæ гæсгæ нæ фæлæ.

Презрения заслуживают дурные качества, а не внешность человека.

(Т. Гурьев, «Из заграничных записок».)

Но в то же время и для английского, и для осетинского языков характерна тенденция употреблять вместо частного отрицания общее отрицание.

I know you *did not* leave me because you doubted.

(E. Hemingway, «The Old Man & the Sea».)

Сафа: Æлæ хæстæгæй дæр... кæрæдзи дыууæ боны нæ зонæм.

Сафа: Но и без родства тоже ... мы друг друга два дня *не знаем* (т. е. мы друг друга знаем не два дня).

(Е. Уруймагова, «Враги».)

Английское предложение «He was not waiting for me, he was waiting for someone else» по-осетински звучит так:

Уый мæнмæ нæ 'нхъæлмæ каст, уый æндæр кæмæдæр 'нхъæлмæ каст. (Досл. Он меня не ждал, он кого-то другого ждал).

А значение и английского, и осетинского предложения: «Он ждал не меня, а кого-то другого».

Различные типы отрицания, т. е. общее и частное, связаны между собой, и эта связь ясно видна в ряде случаев, когда характер отрицания допускает различное толкование, например:

«I said nothing. It was *not* my affair».

Здесь «not» может быть отнесено либо к глаголу «was» либо к «My affair».

То же и в следующих примерах:

You are *not* the visiting sort, Mr. Mac Gregor.

(G. Aldridge, «Diplomat».)

I had *not* long to wait.

(C. P. Snow, «Time of Hope».)

«It was *not* their turn to-day, said the coast-guard.

(D. Maurier, «Rebecca».)

Как указывалось выше, Б. А. Ильиш считает, что «отрицание, которое относилось бы только к одному члену предложения в английском языке в сущности невозможно. Отрицание данного члена предложения заменяется отрицанием всего предложения, включающего данный член»⁵.

Не подлежит сомнению, что тенденция к употреблению общего отрицания вместо нужного по смыслу частного отрицания в английском языке существует, что объясняется, по-видимому, большой распространенностью общего отрицания. Но мы полагаем, что говорить о невозможности частного отрицания в современном английском языке нет достаточных оснований, так как встречаются примеры, доказывающие обратное.

Эта тенденция к употреблению общего отрицания вместо

частного отрицания является специфической особенностью английского и осетинского языков.

ЛИТЕРАТУРА И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ильиш Б. А. Современный английский язык. М., 1948, с. 255.
2. Ильиш Б. А. Современный английский язык. М., 1948, с. 255.
3. Ильиш Б. А. Современный английский язык. М., 1948, с. 258.
4. Евтуховская Н. Н. К вопросу о частном отрицании в современном английском языке.— В сб.: «Вопросы германского языкознания», вып. 1, Киев, 1961.
5. Ильиш Б. А. Современный английский язык. М., 1948, с. 249—259.

Ф. Г. Бутаева
согу

О некоторых
факторах,
обуславливающих перевод
ломаной речи

Настоящая статья посвящена исследованию тех причин, которые оказывают влияние на выбор того или иного варианта перевода ломаной речи в художественной литературе. Этот вид речевой характеристики образа очень специфичен и пока что мало изучен, хотя в целом о необходимости адекватной передачи речевых характеристик написано немало.

В первую очередь закономерно возникает вопрос, что такое ломаная речь, чем она отличается от всякой другой и в чем особенности ее перевода. В данной работе л о м а н о й мы называем речь иностранцев на неродном языке, в которой имеются фонетические, лексические или грамматические отклонения от речевых норм этого языка. На последнюю особенность ломаной речи указывает Я. И. Рецкер в статье «Передача контаминированной речи в переводе и роль традиции»: «Конечно, под нарушением языковых норм нельзя понимать использование просторечия, диалектов, жаргонов. Эти периферийные слои языка подчиняются своим нормам и не имеют ничего общего с намеренным или ненамеренным коверканием разговорной речи, рассматриваемым в данной статье».

Именно эти отклонения свидетельствуют о том, что перед нами не носитель языка, а иностранец. При воссоздании ломаной речи перед переводчиком стоит довольно трудная задача — передать средствами

другого языка как содержание, так и форму этой речи. И форма здесь имеет немаловажное значение потому, что она уже сама по себе несет вполне определенную информацию. Вот почему проблемам воспроизведения формы ломаной речи уделено в этой статье основное внимание.

Подчас перед переводчиком могут возникнуть на первый взгляд непреодолимые трудности. Как быть, если для иностранца, коверкающего чужую речь, родным является язык перевода? В этой связи хотелось бы упомянуть об одном любопытном случае, когда переводчики удачно вышли из подобного затруднения. Речь идет о переводе пьесы Вс. Иванова «Бронепоезд 14-69». В одном из действий пьесы описывается следующий эпизод. Русские партизаны берут в плен американского солдата. Пленный знает по-русски не более 3—4 слов. Но даже при таком скудном знании русского языка партизанам удается четко определить классовую принадлежность пленного при помощи интернациональных слов. Восторженная или негативная реакция американца на слова, которые произносят ему крестьяне, и является критерием, по которому определяются его симпатии: «Республик? Совет? Ура!..», «Империализм? Империализм долой!» («Бронепоезд 14-69», с. 44, 45.). Вся сцена допроса американского солдата проникнута идеей международного братства трудящихся всех стран. Переводчики на английский язык Гибсон Коуэн и А. Т. К. Грант, правильно оценив замысел автора, но будучи не в силах заставить американца говорить на ломаном английском, превращают пленного из американца в канадского француза. Таким путем им удается воспроизвести тонкости этой сцены пьесы. Другое дело, что ломаная речь в этом переводе как американца, так еще более важного персонажа, китайца Син-Бин-у, подверглась в своем содержании значительным изменениям. Сейчас речь идет не об этом, а о том, что выбор такого варианта перевода, какой избрали эти переводчики, вполне допустим при переводе ломаной английской речи на английский язык.

Особенности фонетического, лексического и грамматического строя и языка оригинала и языка перевода предоставляют переводчикам самые широкие возможности для варьирования ломаной речи в переводе. А это необходимо для того, чтобы, с одной стороны, полнее передать замысел автора и, с другой стороны, добиться того, чтобы для читателей переводов ломаная речь звучала так же естественно, как и в оригинальных произведениях. Для этой цели было бы интересно провести сравнение различных переводов одного и того же текста. Но, к большому сожалению, мы пока не располагаем подобным материалом и поэтому ограничимся разбором переводов пьесы Д. Голсуорси «Дебри» (перевод Л. В. Хвостенко), пьесы Э. Хемингуэя «Пятая колонна» (перевод Е. Калашниковой и В. Топер) и рассказа Д. Лондона «Батар» (перевод М. Княгиной-Кондратьевой).

Действие пьесы Д. Голсуорси «Дебри» происходит в Африке, и здесь английский язык коверкают чернокожие туземцы. Для драматурга ломаная речь — это средство, подчеркивающее рабское положение африканцев, вынужденных в своей стране говорить на чужом языке. Первое, что бросается в глаза при чтении их ломаной речи это то, что из глагольных форм они чаще всего употребляют инфинитив без частицы *to*.

I go home. If Harrick angry at me, then I do what you say—stay behind—come to you, you send me follow.

(«The Forest», p. 754.)

Я *иди* домой. Если Хэррик сердитый на меня, я *делаю*, как вы сказали. *Оставайся* здесь, *иди* к вам, вы *посылай* меня потом.

(«Дебри», с. 359.)

Как явствует из перевода, Л. В. Хвостенко использует не определенную форму, а повелительное наклонение глаголов. Это хорошо подходит образам африканцев, ведь Амина, реплики которой приведены выше, и ее соплеменники — это слуги, почти рабы, и им в силу их положения чаще всего приходится слышать приказы и требования типа «иди сюда», «принеси то». Естественно, что в своей речи они употребляют во всех случаях, для всех лиц и времен ту форму глагола, которую чаще всего слышат. Тем более что в английском языке, как известно, инфинитив без частицы «*to*» и повелительное наклонение глаголов совпадают по форме. Если сравнить из этих реплик такие предложения, как «*use letter*» и соответствующее ему «*бери письмо*», можно заметить также и то, что отсутствие артикля передается в русском лексико-грамматической неправомерностью. Смешение глаголов «*брать*» и «*взять*» очень характерно для иностранцев.

В следующем примере:

Ya, Mist'Strood, take me with Herrick, I know forest. Good traveller, Mist'Samway—not? I cook for you—know good water—make handage—mend your clo's—keep watch.

(«The Forest», p. 753.)

— Да, миста Струд. Возьмите меня с Хэрриком. Я *знаю* лес. Ходи хорошо. Миста Сэмуэй, правда? Я еду готовь. *Делай* повязка, чини одежда. Сторожи палатка.

(«Дебри», с. 358.)

Мы сталкиваемся с тем, что в речи Амины проскальзывают два грамматически правильных предложения: «*ya, Mist' Strood, take me with Herrick. I know forest*». Этот факт вовсе не свидетельствует о том, что она вдруг заговорила грамотно. У нее это вышло случайно, поэтому-то в переводе ее речь остается ломаной: «Да, миста Струд. Возьмите меня с Хэрриком. Я *знаю* лес». Здесь очень уместна несуществующая в нормальной русской речи форма инфинитива «*возьмите*». Кроме того, нам

встречаются ошибки в падежных формах существительных: «делай повязка», «чини одежда», «сторожи палатка». Эта распространенная ошибка в речи иностранцев из этого и других произведений.

В пьесе Д. Голсуорси в речи африканца-носильщика кое-где появляется неверное произношение слов: «*ribber*», «*hab*», «*dis*» («*The Forest*») вместо *river, have, this*. И как ни мало количество слов этого носильщика, можно легко отыскать примеры, когда те же самые звуки в аналогичных и даже тех же самых положениях произносятся правильно: «*fever*», «*caravan*», «*this*». («*The Forest*», p. 771).

Эти ошибки едва ли можно назвать акцентом или хотя бы дефектом речи. Они слишком случайны и редки, поэтому неудивительно, что Л. В. Хвостенко никоим образом не отражает их в своем переводе. В данном случае мы видим, как неясность авторского замысла приводит к тому, что переводчик совсем отказывается от воспроизведения фонетических ошибок.

Иначе обстоит дело в рассказе Джека Лондона «Батар». Французский акцент с его характерными особенностями очень живо передан писателем. Герой рассказа, француз Леклер, говоря по-английски, не различает долгие и краткие гласные: «*heem*», «*leettle*», «*queeck*», «*spik*» вместо *him, little, quick, speak*. Временами он явно делает ударение на последнем безударном слоге «*museek*», «*plentee*», очевидно, под влиянием родного языка. В его речи имеются и другие фонетические ошибки. Так, он произносит: «*Ah*», «*toch*», «*de*», «*t'ink*», «*haf*», и т. д., *much, the think, have*. Эти фонетические искажения почти невозможно передать аналогичным образом, в русском языке. И действительно, в переводе рассказа мы находим только один вид фонетических ошибок, да и то неудачный — удвоение согласного [т] в указательных местоимениях «эт-то», «эт-тот», например: «*Dat*», *said Leclere dryly*, «*dat is my biz'ness, M'sieu*». («*Bâtard*», p. 143).

Эт-то,— сухо проговорил Леклер,— Эт-то мое дело, мсье.

(«Батар», с. 297).

Вряд ли подобное явление в фонетике русского языка можно отнести к разряду иностранного акцента. Оно скорее напоминает заикание. На наш взгляд лучше было бы совсем отказаться от воспроизведения фонетической ломанности в этом переводе.

Нужно отметить и тот факт, что переводчица М. Княгина-Кондратьева стремится по возможности компенсировать фонетические потери, если так можно выразиться, на грамматическом или лексическом уровне. Рассмотрим, например, сцену казни Леклера. Перед повешением он просит золотоискателей об одной услуге:

«Bot one t'ing», he said, «a leetle, w'at you call favor, — a leetle favor, dat is eet. I gif my feefty t'ousand dollair to de church. I gif my husky dog, Bâtard, to de devil. De leetle favor? Fors' you hang heem, an' den you hang mee. Eet is good, eh?»

(«Bâtard», p. 152).

В оригинале грамматических ошибок в этой реплике Леклера нет, зато в переводе их масса:

«Но вот что,— сказал он,— маленькая... как это вы называть... Милость... да, вот именно, маленькая милость.... Я давать свои пятьдесят тысяч долларов церкви, я давать свои эскимосский пес Батар черту. Маленькая милость. Сперва вы вешать его, а потом вы вешать меня. Эт-то хорошо, да?»

(«Батар», с. 306.)

Здесь есть и употребление инфинитива вместо нужной спрягаемой формы глагола и неправильные падежные формы. Перед нами явная компенсация фонетических ошибок оригинала грамматическими в переводе.

Еще* пример:

«Now we will haf a leetle museek», he would say.

(«Bâtard», p. 149.)

Здесь сама форма оригинала натолкнула переводчицу на калькирование английского выражения «haf a leetle museek».

«Теперь мы будем *иметь немного музыка*,— говорит он»

(«Батар», с. 302.)

Оно, без сомнения, воспринимается как нечто чужеродное русскому языку, в котором глагол «иметь» не сочетается с существительным «музыка». Этот вариант хорош еще и потому, что иностранцы очень часто калькируют в своей речи.

Хотелось бы привести еще одно удачное место из этого перевода. Сам полуживой, Леклер приносит к доктору умирающего Батара:

«Merci non», said he. «Do you fix firs' de dog. To die? Non. Eet is not good. Becas' heem I must yet break. Dat fo' w'at he mus' not die».

(«Bâtard», p. 150.)

«Merci поп»,— отказался тот.— Вы сначала лечить собаку. Издохнуть? Нет, нельзя. Я буду его обломать. Вот почему он не надо издохнуть».

(«Батар», с. 300.)

Здесь заслуживают внимания как использование неправильной видо-временной формы глагола «буду обломать» так и непривычное для русского уха «Вот почему он не надо издохнуть». Хотя, строго следуя оригиналу, можно было бы перевести и

«Вот почему он не должен издохнуть», но это была бы уже не ломаная речь.

Можно смело сказать, что как перед читателем оригинала, так и перед читателем перевода этого рассказа предстает иностранец, плохо владеющий неродным языком. Перевод не так уж много теряет благодаря тому, что переводчица умело компенсирует неизбежные при всяком переводе потери.

В пьесе Э. Хемингуэя «Пятая колонная», как и у Д. Голсуорси, на ломаном языке говорит африканка Анита. Ее коверканная речь несет уже иную смысловую нагрузку — она производит комический эффект. Вот одно из ревивных замечаний мавританки Аниты в адрес соперницы:

What she want with you? She take a man just like you pick a flowers. She don't want. She just pick to put in the room. She just like you because you big too. Listen. I like if you was a dwarf.

(«The Fifth Column», p. 150.)

В этом речевом отрезке множество грамматических ошибок. Тут и неверное лицо глагола «she take», «she pick», и неправильный порядок слов в вопросительном предложении «What she want with you?», и употребление неопределенного артикля с существительным во множественном числе «a flowers», и опущение глагола-связки to be — «because you big too», и неверная форма глагола to be в сослагательном наклонении. Некоторым из этих ошибок просто нет соответствия в русском языке. Как же они выглядят в переводе? А вот как:

«Что ей нужно от тебя? Она брать мужчина, как цветы рвать. От скука. Просто рвать цветы и поставить в комната. Ты ей нравился потому, что ты тоже большой. Слушай, мне ты нравился даже если карлик.

(«Пятая колонна», с 64).

Есть сходство в приемах — неумение обращаться с лицом, временем и наклонением глагольной формы: «она брать», «просто рвать», «Ты ей нравился», «Слушай, мне ты нравился даже если карлик». Кроме того, имеются ошибки в употреблении падежных форм: «от скука», «поставить в комната». Мы видим, что переводчики Е. Калашникова и В. Топер прибегают к грамматическим трансформациям, чтобы за счет строя русского языка передать то, чему из английского в нем нет точных соответствий.

Желая принять ванну, Анита спрашивает:

«I take a bath?»

(«The Firth Column», p. 94.)

«Можно я буду принять ванна?»

(«Пятая колонна», с. 99.)

Неправильная видо-временная форма весьма характерна для русской ломаной речи и поэтому очень уместна в переводе.

Обнаружив, что в ванной есть горячая вода, Анита восклицает:

«Is warm water».

(«The Fifth Column», p. 94.)

«Горячий вода идет».

(«Пятая колонна», с. 99.)

В этом переводе мы вновь находим характерную для плохой иностранной речи ошибку — неумение согласовать слова в роде. И на этот раз переводчики умело пользуются возможностями русского языка.

Влияние контекста на тот или иной вариант перевода можно наглядно проиллюстрировать следующим образом. Давайте проследим, каким путем воспроизводят переводчики такой распространенный прием ломаности, как употребление иностранцами инфинитива без частицы *to* вместо необходимой по ситуации формы глагола. Разумеется, мы не будем брать во внимание все другие ошибки, имеющиеся в тексте.

Во-первых, инфинитиву может соответствовать инфинитив, что вполне свойственно неуклюжей ломаной речи:

Dis taim Ah *break* you!

(«Bâtard», г. 146.)

На этот раз я тебя *обломать!*

(«Батар», с. 300.)

How you eat?

(«The Fifth Column», p. 8.)

А что вы кушать?

(«Пятая колонна», с. 30).

Во-вторых, инфинитив передается, как уже упоминалось выше, повелительной формой глагола:

I *kill* you one day.

(«The Forest», p. 764.)

Я *убей* тебя когда-нибудь.

(«Дебри», с. 374.)

В-третьих, в переводе часто встречается в таких случаях несогласование в роде или числе между подлежащим и сказуемым. Это особенно относится к тем случаям, когда вместо инфинитива должна была быть употреблена прошедшая форма глагола:

She *make* her hands like this.

(«The Forest», p. 763.)

Она *делал* руками вот так.

(«Дебри», с. 372.)

Listen that big blonde *make* you crazy already.

(«The Fifth Column», p. 51.)

Слушай, *эта блондинка уже делал* тебя сумасшедший.

(«Пятая колонна», с. 65.)

Soon we fall down—no able carry load.

(«The Forest», p. 771.)

— Скоро *мы упал* — не могу нести поклажа.

(«Дебри», с. 352.)

В-четвертых, мы находим в переводе неверные видо-временные формы глагола. По контексту вместо инфинитива в оригинале требуется будущее время глагола:

I *scratch* your eyes out if you think that.

(«The Fifth Column», p. 9.)

Я вам *буду выцарапать* глаза, если вы думал, я хуже.

(«Пятая колонна», с. 30.)

Ah, fix you; Añ fix you plentee, by Gar!

(«Bâtard». p. 145.)

Я тебе задать, я тебе *буду всыпать* досыта, клянусь бог!

(«Батар», с. 299.)

Приведенные выше примеры показывают, что опираясь на контекст, переводчики варьируют перевод той или иной погрешности речи иностранцев с той целью, чтобы она была естественней и понятней русскому читателю.

Тот факт, что переводчики всех перечисленных нами произведений часто прибегают к таким сугубо русским видам ломаности как искажение видо-временных форм глагола, отсутствие согласования в роде, числе и падеже свидетельствует о том, что им хорошо знакомы литературные традиции их родного языка, а это несомненно положительно сказывается на качестве перевода, вызывая у читателей впечатление оригинальной ломаной речи.

Это небольшое исследование переводов ломаной речи позволяет нам сделать следующие выводы. В значительной мере на перевод ломаной речи влияет то, иностранцу какой национальности она принадлежит и на какой язык переводится, какой смысл вложен самим писателем в образ иностранца, насколько поддаются воспроизведению те или иные особенности его речи. Кроме того, большую роль в переводе играет контекст, умелое применение лингвистических возможностей и устоявшихся традиций языка перевода.

ЛИТЕРАТУРА И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Рецкер Я. И. Передача контаминированной речи и роль традиции. «Тетради переводчика», 1968, № 5, с. 92.

2. В статье принята следующая система ссылок на источники, послужившие иллюстративным материалом. Рядом с примерами приводится только название произведения и страница, на которой этот пример выписан из следующих произведений:

John Galsworthy The Forest, «The Plays of John Galsworthy», Duckworth, 3 Henrietta Street, London, W. C.

Jack London. Batard. «Short Stories», M., Foreign Languages Publishing House, 1963.

Ernest Hemingway. The Fifth Column. «The Fifth Column and the First Forty-Nine Stories», New York, Charles Scribner's Sons, 1938.

Джон Голсуорси. Дебри. Перевод Л. В. Хвостенко. Собрание сочинений в 16 томах, том 15. М., «Правда», 1962.

Джек Лондон. Батар. Перевод М. Княгиной-Кондратьевой. Собрание сочинений в 14 томах, том 3. М., «Правда», 1961.

Эрнест Хемингуэй. Пятая колонна. Перевод Е. Калашниковой и В. Топер. М., «Художественная литература», 1968.

Иванов В. В. «Бронепоезд 14-69». М., «Искусство», 1966.

С. Я. Гельберг

Удм. ГУ

Об одной
разновидности
бессоюзных
сложных
предложений с
пояснениями

Среди бессоюзных сложных предложений есть такие, в которых семантические отношения между частями¹ несводимы ни к сочинению, ни к подчинению. В них выражается особый вид синтаксической связи, которую «следовало бы рассматривать как связь пояснительную²». В бессоюзных сложных предложениях с пояснением части взаимно дополняют друг друга, содержание предыдущей определяет последующую (или наоборот), т. е. их коммуникативная направленность носит специфический характер. Поясняющая часть заключает в себе разъяснение, конкретизацию определенного участка высказывания, заключенного в поясняемой части, независимо от того, стоит ли она перед поясняемой частью или после нее.

Предложение типа: *That was the essence: they were innocent people* (1, 3) несводимы к союзным, так как подстановка конъюнктора в них невозможна. В семантическом отношении вторая часть подобных предложений представляет собой пояснение отдельной лексемы (как в приведенном примере) или нескольких лексем поясняемой части. Как, например: *That's another thing he does: he pretends to be a year older than he is.* (7, 20).

Такие пояснительные отношения между частями бессоюзного сложного предложения можно назвать «чистым» пояснением, формальным показателем которого является обратимость бессоюзной связи в

союзную, а также характер лексем, обуславливающих семантическую незавершенность поясняемой части. Абстрактный характер этих лексем типа *thing, fact* требует пояснения, уточнения. There is one *thing* we can be sure of: we can only wait a week (2, 3).

Поясняющая часть является по структуре полным двусоставным предложением и может быть прочитана в одну синтагму³.

Поясняющая часть может быть и неполносоставной. Неполнота возникает как необходимость «разгрузить»⁴ предложение, так как недостающие элементы ясны из предыдущей части.

Например: 1. Even of the animals, a few will be saved: *two of a kind male and female, two of a kind.* (3, 53).

2. *A few miners* were already in the streets; *the first* of the night shift moving out. (4, 98).

В первом предложении глагольная группа (VP)⁵ может быть полностью восполнена из поясняемой (первой) части: *two animals of a kind, will be saved.*

Во втором предложении восполнение глагола-связки «were» создает полноту второй поясняющей части. Сжатая структура поясняющей части в известной мере реализует стремление языка к устранению избыточных элементов⁶, которые легко восполняются из окружающего контекста путем трансформации развертывания (Т-развертывания). Восполнение недостающих элементов трансформирует неполносоставную часть в предложение. Наличие таких неполносоставных частей делает речь более компактной и экспрессивной, т. е. играет определенную стилистическую роль.

Особенностью неполносоставных частей является позиционное размещение лексем с обобщенным значением. Они находятся в препозиции и постпозиции к поясняющей части. В предложении «He carried his violin case tucked beneath his arm—a *fact* which of itself gave him an unworthy aspect in Ferdinand's eyes». (5, 124) существительное *fact* находится в постпозиции, разъясняется всей предыдущей частью и может быть развернуто в предложение путем Т-развертывания.

It was a *fact*. Восполнение избыточных элементов типа *it was*, пустых в семантическом отношении свидетельствует об особом свойстве лексем с обобщенным значением. Они подхватывают содержание поясняемой части или какого-то ее отрезка и как бы продолжают начатую мысль. Предлагаем назвать их возобновляющими словами⁷. В семантическом отношении они тесно связаны с содержанием предыдущего высказывания, в синтаксическом плане они являются членами предложения, их невозможно заменить или опустить, интонационно они выделяются паузой и находятся под ударением в предложении.

Возобновляющими словами могут быть не только существительные с абстрактным значением, но и существительные, относящиеся к одной тематической группе, окказиональные сино-

нимы или перифразы, т. е. слова, близкие по значению к тому слову, которое они «возобновляют», «подхватывают».

Например:

1. At seven thirty the dinner *gong* boomed up and down the valleyways — always a welcome *sound* since meals were rich and plentiful, the native curries delicious. (15, 94.) (it was a sound).
2. Fanny was Laura's *maid*; a good affectionate *girl* who had been with her for years — *the only person* in the house, whose fidelity and devotion we could both depend on. (12, 237.) (she was the only person...)
3. «Selene» was racing up a narrow *canyon* which presently widened into a roughly oval amphitheater about two miles across — *the heart* of an extinct volcano, a *crater* flooded with dust so that the tourists from Earth could ride. (2,150.) (it was the heart of...)

Во всех предложениях развернутое определение к возобновляющему слову в виде придаточных предложений создает отрезок речи значительной длины, что также придает всей поясняющей части характер самостоятельного предложения.

Во втором предложении имя собственное поясняемой части дополняется содержанием последующих частей, с которыми оно соотносится по смыслу, а субстантивные сочетания «a good affectionate girl», «the only person» кореферентны с субъектом действия. Возможность введения «пустых составляющих» she was свидетельствует о скрытой предикации подобных частей и их преобразовании в предложения.

И. М. Оицз⁸, определяя возобновительные элементы как буквальное повторение слова или его синонима указывает, что они могут опускаться в предложении без ущерба для смысловых отношений. В английском языке опущение возобновляющих слов невозможно (см. вышеприведенные предложения).

Опущение возобновляющих слов при повторах меняет тип предложения, его коммуникативную направленность, превращая бессоюзное предложение в союзное, пояснительную связь в подчинительную. Так, в предложениях:

1. Outside I exercised him on a lead like a dog, he soon showed preference for certain corners at which dogs of all sorts had left stimulating *messages*; *messages* that were, perhaps, the more fascinating for being, as it were, in a foreign language. (16,29).
2. In its place was an even, smooth *feeling* — *the feeling* she once had in a small boat, on a quiet pond, in summer, letting her had trafl in the water. (6,297).

Возобновляющие слова *messages*, *feeling* несут важную лексическую значимость. Они имеют особое ударение при повторе, а

пауза перед повтором, наличие артикля и значение числа являются формальными признаками их детерминации. Применение Т-развертывания доказывает, что неполносоставные части с возобновляющими словами представляют собой структуры, близкие к простому предложению

Категория определенности-неопределенности проявляется при повторе как средство уточнения информации о лице, предмете, явлении, выраженном существительными, связанными общностью денотата. Так, в предложении:

However as Hilma still debated the idea of bathing her feet in the creek, *a train* did actually thunder past over—head—the *regular evening Overland—the through express*, that never stopped between Bakerfield and Fresno. (17,308.) (it was the regular evening

Overland),— возобновляющие субстантивные сочетания *the regular evening Overland, the through express* вводят новую информацию о существительном *train*, поясняют характерные признаки существительного, классифицируют его значение.

Категория неопределенности (употребление неопределенного артикля) при повторе существительного сужает значение существительного, ограничивает его, фиксируя внимание на одной какой-либо разновидности из класса однородных предметов (явлений), например:

1. *The order* was, as usual, to fight to the last man — *an order* Klemm—Borowski hated to give because it had been repeated so often during this war. (6,567) (it was an order...)
2. For the first time he felt some of *the fear* that the other men had carried with them all the time—*a fear* of a life that was too complex for them. (18, 269) (it was a fear...)
3. But Hilma's greatest charm was *her simplicity—a simplicity* that was not only in the calm regularity of her face, with its statuesque evenness of contour. (17,91) (it was a simplicity...)
4. Like many other Preserves in Canada, James Bay was a *large forest area*, declared closed to all trappers except a certain number of Indians; *an area* which was stocked with young beaver and protected in such a way that the beaver multiplied rapidly and ensured a steady crop. (19,105) (it was an area...)

Соотношение артиклей представляет разнородную картину (the—a, a—an, a—the, нулевой артикль в обеих частях) и зависит от коммуникативной направленности предложения.

Ограничение пояснения существительного может осуществляться указательным местоимением (соотношение that—the

как в предложении: She had learned to dread *that* tone of his voice; *the* tone he used when he was planning «to put something over» in a business deal. (18, 144) (it was the tone...). Копрелация артиклей при возобновляющих словах создает определенный стилистический эффект. Возобновляющие слова могут указывать на разновидности предметов, лиц, явлений.

1. I came up here to my room to go over my whole warm satisfying day; *the kind* I hadn't known for years. (7, 197).
2. He had read some of her human-interest stories, on the Italian company—*the kind of stories* that hit him the wrong way. (6,34).
3. It was not a very distinguished company, but it included a number of *people* who were about as successful as himself—*heads* of small business who traded at his bank, *dealers* in dry goods, leather, groceries (wholesale) and grain. (8, 43).
4. There are only *two kinds of people* who are really fascinating—*people* who know absolutely everything and *people* who know absolutely nothing. (9,110).

Применение Т-развертывания для их формализации:

- 1) it was the kind ...
- 2) they were the kind of ...
- 3) they were heads ...
- 4) there are people ...

путем введения избыточных элементов субъектно-предикатной группы, пустых в семантическом отношении, показывает, что такие предложения самобытны и являются одной разновидностью бессоюзных сложных предложений с пояснением.

Своеобразие частей с возобновляющими словами состоит в чисто пояснительной зависимости от предыдущей части, в интонационной изоляции, дистантной позиции возобновляющих слов, в невозможности перестановки частей и подстановки союзов. Все названные критерии препятствуют тому, чтобы «прикрепить» их к придаточным предложениям. Они представляют собой особые предложения.

Может возникнуть представление о том, что такие части являются членом предложения — приложением⁹.

Однако есть следующие основания считать их частями бессоюзного предложения с пояснением.

1. Образуется слишком большой разрыв между лексемами, разделенными знаками препинания¹⁰ (точкой с запятой, тире, двоеточием), что не является чертой члена предложения, даже обособленного.

2. Возможность восполнения субъектно-предикатной группы из предыдущей части или избыточных элементов it(there) is (was) свидетельствует о трансформации части в полносоставное предложение.

3. Характер коммуникативной направленности первой части делает невозможным перестановку частей и подстановку союзов.

4. Части с возобновляющими словами, обычно более весомые в семантическом отношении, несут большую информацию, чем поясняемая часть.

Возобновляющие слова могут быть местоимениями:

1. His mouth was a bitter line: *something* new on Bing's face. (it was ...) (6,78).
2. There were many men, too, in civilian clothes—*some of them* soldiers home on leave, *some of them* governmental workers, *some of them* anybody's guess. (11,328) (some of them were ...).
3. Then one day a little later, Clyde had occasion to note that his mother was in communication with some one by mail—*something* rare for her. (10,93) (it was something ...),

прилагательными:

1. My wife is very *good* at it—much *better* in fact, than I am. (9,25) (she is ...).
2. It was splendid, splendid—*better* than he had ever hoped. (4,251) (it was ...).

Функция прилагательных в качестве возобновляющих слов аналогична функции существительных с той разницей, что уточняется, поясняется не носитель признака или качества, а сам признак или качество. Усиление признака достигается не только формами степеней сравнения (как в приведенных выше примерах), но и усилительными частицами, местоимениями.

Например:

It was a *serious telegram*—much *too serious* to show to Marshal. (1,16) (it was ...),
And how delightful other people's emotions were—*much more delightful* than their ideas, it seemed to him. (9,34).

Поясняющая часть — неполносоставная с возобновляющими словами, продолжает повествование, раскрывая нарастание признака.

Сказать, что возобновляющие слова — приложение, нельзя, так как они не синонимичны, несут другую (новую) информацию и имеют усилительное значение.

Анализ бессоюзных сложных предложений с пояснением дает возможность выделить одну разновидность при их классификации, а именно, пояснительные предложения с возобновляющими словами.

Подобные предложения являются неполносоставными, их сжатая структура реализует, в известной мере, стремление языка к устранению избыточных элементов, т. е. таких элементов, которые легко восполняются из окружающего контекста. Для идентификации предложений с возобновляющими элементами

применена Т-развертывания, которая допускает введение таких элементов, как обороты с глаголом существования или повторение субъектно-предикатной группы. Трансформация развертывания является критерием определения пояснительных предложений с возобновляющими словами. По самой своей сущности возобновляющие слова в сжатой форме содержат экспликацию того, на чем следует фиксировать внимание в пояснительном предложении.

Для подобных пояснительных предложений характерно наличие определительных придаточных предложений (реже обстоятельственных) в функции пояснения к возобновляющим словам.

Пояснительный характер подобных предложений подчеркивается отношениями разных оттенков (синонимичные, тематические, перифрастические), так как раскрытие содержания элементов одной части зачастую происходит путем формулирования мысли иными словами.

ЛИТЕРАТУРА И ПРИМЕЧАНИЯ

1. В синтаксической литературе существует множество терминов для обозначения предложений, составляющих сложные комплексы. Англ. термин «clause», который обозначает компонент сложного предложения, переводится «часть», «предложение». Мы будем использовать термин «часть» как более однозначный, чем «предложение».

2. Поспелов Н. С. О грамматической природе и принципах классификации бессоюзных сложных предложений.— В сб.: Вопросы синтаксиса современного русского языка. М., 1950, с. 350—351.

3. Аксенова Г. Н. Интонационная характеристика бессоюзных сложных предложений пояснительного типа. Уч. зап. 1 МГПИИЯ, т. 2, 1969.

4. Термин Адмони В. Г. Язык как единство системы отношений и системы построения ФНЗ, 1963, с. 7.

5. Хомский Н. Синтаксические структуры.— В сб.: «Новое в лингвистике». Вып. 2, 1962, М., с. 437.

6. Глаголев Н. В. Языковая экономия и языковая избыточность в синтаксисе разговорной речи (на материале современного немецкого языка). Автореферат канд. дисс. М., 1967.

7. Ср. Оицэ И. М. Сложные предложения с пояснением в современном русском языке. Канд. дисс., М., 1965.

8. См. Оицэ И. М. Указ. дисс., с. 248—251.

9. Ср. Сапрыкина И. Г. Типы оппозиционных структур в современном английском языке. Автореферат канд. дисс., М., 1966.

10. На основе 3-х критериев, в том числе и пунктуационного, Г. Н. Аксенова определила интонационную характеристику бессоюзных сложных предложений с пояснением, считая предложением каждую часть, которая может быть прочитана в одну синтагму. В данном случае речь идет о предложе-

ниях сложного типа, поскольку части могут быть прочитаны в более чем одну синтагму.

СПИСОК ПРОИЗВЕДЕНИЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. W. Haggard, *The High Wire*, N. Y., 1963.
2. A. C. Clarke, *A Fall of Moondust*, N. Y., 1961, RDCB v. 4.
3. Th. Wilder, *The Skin of our Teeth*, N. Y., 1958.
4. A. Cronin, *The Citadel*, M., 1963.
5. D. G. Murray, *Aunt Rachel*, L., 1912.
6. S. Heym, *The Crusaders*, M., 1951.
7. E. O.-Connor, *The Edge of Sadness*, N. Y., 1961.
8. Th. Dreiser, *The Financier*, M., 1954.
9. O. Wilde, *The Picture of Dorian Gray*, M., 1963.
10. Th. Dreiser, *An American Tragedy*, M., 1949, v. 1.
11. *Modern American Short Stories*, M., 1961.
12. W. Collins, *The Woman in White*, L., 1860.
13. J. Gal'sworthy, *In Chancery*, M., 1949.
14. R. Aldington, *Death of a Hero*, M., 1958.
15. A. Cronin, *The Judas Tree*, N. Y., 1961, RDCR, v. 4.
16. G. Maxwell, *Ring of Bright Water*, N. Y., 1961, RDCB, v. 4.
17. F. Norris, *The Octopus*, M., 1962.
18. *This is America*, M., 1951.
19. Aldridge, *The Hunter*, M., 1958.

Г. Е. Гончаренко
чигу

Окказиональ-
ное словообра-
зование и
оказиональное
варьирование
на базе устой-
чивых соче-
таний слов

Индивидуально-авторское преобразование устойчивых оборотов нередко сопровождается окказиональным словообразованием и окказиональным варьированием. В основе этих явлений лежат системные связи, существующие на самых различных уровнях.

Обращение к этим связям может помочь «обнаружить законы образования фразеологических единиц разных типов, внутренние связи слов и их значений»...¹.

Приведем несколько примеров, представляющих собой авторскую трансформацию устойчивого сочетания слов, сопровождающуюся окказиональным словообразованием и окказиональным варьированием:

Надо иметь *терпениум мобиле*; Почему так горячи литераторы за чайным столом, так умны и обаятельны? И почему так сладковаты и безубойны на кафедре? Почему полны смиренномудрия и любви? Откуда это *терпениум мобиле*?² Но баб любил ненормально... Все деньги на них просаживал... и все денег ему не хватало, видать, темперамент у него был больше заработка... Он сам себя называл—«перпетуум кобеле»³. Происходит это от робости. И она крепнет, она становится даже стилем работы, вырастая в *перпетуум-робость*⁴.

Здесь действенными являются и фразеологическая модель, и словообразовательная модель, используемые в определенных стилистических це-

лях. Это результат внутренних взаимосвязей системы.

Языковые модели обеспечивают «серийное производство речевых единиц, а следовательно, быстрое, оперативное конструирование речи»⁵.

При окказиональном словообразовании, как правило сопровождающемся окказиональным варьированием, возникает необходимость в толковании созданных по случаю слов. Отправной точкой в этой ситуации является устойчивое сочетание слов, послужившее базой для окказионального слова.

В этом случае предполагается обращение к известному устойчивому обороту в ассоциативном плане и обращение к содержанию устойчивого оборота, находящегося здесь же, в контексте.

Например: В общем, даешь гражданских судомоек! Воинам — *воинво*, судомойкам — кастрюли. Тем более, что новая кухонная программа обошлась бы Соединенным Штатам в сущие пустяки... Сенаторы одобрили кастрюльную программу... и знают, в каких кастрюлях какие каши завариваются»⁶.

Здесь необходимо обращение к известному библеизму «касарю — кесарево», но самого оборота в контексте нет.

Второй вариант можно проиллюстрировать таким примером (заголовком статьи): «*Непроходимцы мимо.*» Для него в тексте имеется отправная точка — устойчивый оборот: ... «Звонят в соседские квартиры с требованием включиться, не стоять в стороне, *не проходить мимо* и поставить свою подпись»⁷. Здесь в самом тексте есть устойчивый оборот, на базе которого и образовалось окказиональное слово. Поэтому понимание значения окказионального слова не вызывает затруднений.

Р. Н. Попов убедительно доказывает, что «... на почве фразеологических единиц отчетливо прослеживаются три способа словообразования: вычленение компонентов фразеологических единиц, не осложненное аффиксацией и осложненное аффиксацией; основосложение компонентов, осложненное аффиксацией и неосложненное; объединение компонентных словоформ в сложное слово без аффиксации и с помощью аффиксации»⁸.

Окказиональное словообразование использует все эти способы, особенности их связаны с возникновением окказиональных слов и окказиональных оборотов, которые могут сохранять и не сохранять значение субстратной единицы. При этом можно наблюдать отношения тождества и отношения противоположности. Кроме того, тесно связанными оказываются структурный и семантический планы.

Например: Мой пример оказался на редкость *незаразительным*,⁹ И, урезанные кругом в правах и возможностях, слушают канонаду... смелые ..., но *неполномочные* люди¹⁰. Человек человеку враг? Хорошо. А *нечеловек нечеловеку* кто? Невраг¹¹.

Все слова с приставкой не в приведенных примерах являются созданными по случаю. В основе такого рода образований

наблюдаются отношения противопоставления. Обычно при этом не требуется никаких промежуточных операций, поэтому здесь можно говорить о контактном окказиональном образовании.

Дистантное образование требует промежуточных операций, например: Сэкономив, как писал один курьер, «на *невзятии такси*», Катафалкин выпил четыре кружки пива...¹².

Устойчивое сочетание слов «взять такси» явилось отправной точкой для сочетания «не взять такси», отсюда — *невзятие такси*.

Таким образом, образование окказионального слова связано с окказиональным преобразованием устойчивого сочетания слов.

Явления тождества, прямого следования исходному образцу наблюдаются при сохранении значения субстратной единицы.

Например: И несносный начальник ..., которого недавно считал человек сычом, *ущемителем* прав ..., кажется ему светлым гением¹³; В редакцию приходит все же *щекотальщик* нервов¹⁴; Я тебя привлеку! — *Привлекальщик* ... Я век прожил...¹⁵

Все окказиональные слова заданы устойчивыми сочетаниями слов: Ущемлять права — *ущемитель* прав, щекотать нервы — *щекотальщик* нервов, привлечь к ответственности — *привлекальщик*.

Первые два примера окказиональных слов отличаются тем, что употребляются с управляемым существительным, последнее слово этого существительного не имеет. Эта особенность очень важна.

Дело в том, что окказиональное слово должно взаимодействовать со своим лексическим окружением, чтобы быть правильно понятым.

Например, слово *привлекальщик*, взятое изолированно, представляется семантически двуплановым. Слово «привлекать», которым оно мотивируется, имеет в словаре шесть¹⁶ значений. *Привлекальщик* — это тот, кто привлекает к себе, так можно толковать значение слова. И *привлекальщик* — это тот, кто привлекает или собирается привлечь к ответственности. Контекст помогает устранить двуплановость.

Таким образом, для верного понимания слова необходим контекст, необходима соотнесенность с целым устойчивым сочетанием слов или отдельным словом.

При образовании на базе устойчивых оборотов окказиональное слово, сохраняющее связь с одним из компонентов, воспринимается как семантически одноплановое.

Это справедливо в отношении таких примеров, как *ущемитель* прав, *щекотальщик* нервов, *непроходимцы* мимо.

Особенности взаимодействия языкового и речевого накладываются на восприятие слова носителем языка, и это тоже следует учитывать.

Именно с этим явлением связаны особенности семантическо-

го варьирования. Обратимся к последнему примеру — не проходить мимо — *непроходимцы* мимо.

Особенности восприятия этого слова связаны с существованием на уровне языка нормированного «проходимец», которое, как и окказиональное *непроходимец*, относится к словообразовательному гнезду, формируемому словом «проходить».

Но на лексико-семантическом уровне эти слова не представляются парой, связанной отношениями антонимии. Проходимец — «мошенник, негодяй»¹⁷; *непроходимец* мимо — это граждански активный человек.

Но можно найти и отметить те семы, которые делают эти два слова безразличными друг другу в плане сравнительной характеристики их содержания. Это возможно при таком толковании: *непроходимец* мимо — это тот, кто не проходит мимо, не оставляет в беде, граждански активный человек, и уже поэтому не являющийся проходимцем; проходимец — это мошенник, негодяй плюс равнодушный к чужой беде человек, тот, кто способен пройти мимо.

Эти отношения устанавливаются на уровне речи, но они являются показателем системности связей между языковым и окказиональным.

Общеизвестно, что «...ни один исследователь не может пройти мимо того факта, что язык существует только в речи и через речь и никаких других форм существования не знает. Следовательно, лексика, или словарный состав языка как его часть должна извлекаться, как «металл из руды», из бесчисленных реальных произведений речи»¹⁸.

В произведениях речи встречаются образования, требующие толкования и устойчивого сочетания слов и окказионального слова, например: — Мы должны *крутить динамо* — обманывать, разыгрывать... Надо искать дураков... И вряд ли нужно излагать дальше, как сообразительные проходимцы *крутили динамо* ... это было место, где *динамисты* назначали друг другу свидания и разрабатывали планы дальнейших походов¹⁹.

Здесь в тексте объясняется и значение оборота, и значение окказионального слова. Вне текста это слово допускает разные толкования (например, *динамист* — окказиональное от названия спортивного общества «Динамо»).

Семантическая многоплановость возникает при установлении отношений мотивирующего и мотивированного для окказионального слова.

При окказиональном варьировании мы наблюдаем особенности, проявляющиеся не только на семантическом уровне, но и на фонетическом, морфологическом и т. д.

Например: Пресса открыла ужасные неполадки в раскладушечном деле. Тысячи дачников и дачниц, которые приобрели эти *прохвостовы* ложа, ругались очень крепкими словами;²⁰

Есть еще и такая фраза: «Се ля ви» — такова жизнь. Ненавижу я этот «селявизм» и очень уважаю тех, кто одерживает победу над собой»²¹; Иные колхозы в районе... не справлялись с планом. В основном из-за *спустярукавной* организации труда²².

Как видно из примеров, творческое преобразование устойчивых оборотов связано с окказиональным словообразованием и окказиональным варьированием.

Окказиональным варьированием нередко сопровождаются новообразования в окказиональных словосочетаниях, образованных по модели устойчивого оборота и сохраняющих при этом обобщенное серийное значение оборота-субстрата.

В этом плане особый интерес для анализа представляют примеры окказионального образования и варьирования, связанные с действительностью данной фразеологической модели, т. е. исходного образца для анализируемых окказиональных оборотов.

В художественной и публицистической литературе последних лет нередки окказиональные преобразования известного библензма «кесарю — кесарево». Известно, что устойчивые обороты «библейского происхождения, наряду с фразеологизмами других типов, могут подвергаться окказиональным обновлениям в стилистических целях»²³.

Эти окказиональные обновления существуют рядом с примерами стандартного употребления.

Например: Ну, а если говорить все-таки не о рублях, а о деле?... Может быть, все-таки «богу — богово, а кесарю — кесарево»?²⁴

Это пример стандартного употребления устойчивого оборота. На его базе появились следующие окказиональные обороты: Главку отдай *главкиво*, тресту — *трестово*, а СМУ — *смутово*²⁵; ...досмотрим, как относится к проблеме... сам Н. Винер. В интереснейшей книге «Акционерное общество Бог и Голем» он заклинал: «Отдайте же человеку — *человеческое*, а вычислительной машине — *машинное*»²⁶; Человеку — *человеческое*, а автомату — *автоматово*²⁷; Я верю в будущее советской оперы. В то, что появятся новые спектакли, поставленные смело, талантливо, но с обязательным соблюдением одного правила: опере — *оперное!*²⁸ С бытом ему все ясно. Быту не дозволено закрепить истину ум и душу: «быту — *бытово*», воинственно заявил он;...²⁹ Оставим Главпиву — *главпиво*, а всем прочим — просто пиво³⁰. Отдадим каждому свое: железной дороге — *дорогово*, верблюду — *верблюдово*³¹. Явно тормозит заводская деятельность работу института, и давайте отдадим кесарю кесарево, а химику — *химиково*³².

Анализируемые окказиональные фразеологизмы являются воспроизведениями по языковой модели, обусловленными в своем компонентном составе материалом контекста. Прямые лексические значения слов из данных текстов и лексико-се-

мантические связи внутри фразеологизма, сталкиваясь, дают экспрессию, по смыслу они соотносятся и с моделью, и со словами из контекста.

Здесь окказиональное варьирование связано с особенностями употребления по случаю. Свое выражение оно находит в индивидуальных реализациях обобщенного значения стандартного оборота в каждом отдельном случае употребления.

Ведущие компоненты рассматриваемых оборотов — имена прилагательные. Все они являются образцами окказионального образования или окказионального употребления. Их образование и употребление связано с различного рода варьированием.

Это может быть варьирование на семантическом уровне. Так, прилагательные *оперное*, *машинное* приобретают значение принадлежности.

Это значение более ожидаемо в образованиях от одушевленных существительных, например, человеку — *человеческое*, генералу — *генеральское*, солдату — *солдатское*³³, но на уровне трансформированного оборота его приобретают и прилагательные, мотивированные неодушевленными существительными. Это одна из особенностей окказионального словообразования.

По-видимому, здесь можно говорить и о морфологическом варьировании, так как налицо переход относительных прилагательных в притяжательные.

Тесно связанными оказываются уровни морфологии и словообразования. Словообразование здесь преодолевает семантические ограничения модели притяжательных прилагательных на -ов, -ев. Опора на образование по аналогии дает прилагательные на -ов притяжательного типа склонения не только от одушевленных существительных, но и от неодушевленных, а также от аббревиатур.

Так, безусловно, не могут быть кодифицированы нормой такие образования, как *дорогово*, *главпиво*, *автоматово*. Это собственно окказиональные слова, об этом свидетельствует недостаточность объема семантических компонентов данных образований.

Образования типа *воиново*, *пекарево*, *инженерово*, *слесарезо*, *гулливерово*³⁴ являются потенциально-языковыми, так как они запрограммированы в языковой потенции. Такие образования свойственны художественной речи.

Изменения на морфологическом уровне можно наблюдать в паре «СМУ — *смупово*», где происходит расширение основы за счет неморфемного элемента — интерфикса *т*.

Исследователи отмечают как возможные такие варианты: *смукровский*, *смуповский*. «Как же образовать прилагательное от сокращенного названия строительно-монтажного управления — СМУ?... Простой способ образования нового слова с помощью одного лишь суффикса и необходимого окончания: *смук-ский*, но это, оказывается не лучший способ, чего-то не-

достаёт на границе морфем; суффикс -ск-, как известно, не может присоединяться к гласной... Легче сказать смуковский или смутовский»³⁵.

Оборот «СМУ — смутово» интересен с точки зрения его семантики, так как здесь наблюдается семантическая двуплановость.

«Воздать СМУ—смутово» — это не только отдать принадлежащее, положенное, но это еще и «отдать неизвестно, непонятно, что», так как в языковом сознании говорящего (в данном случае читающего) это слово ассоциируется со словом «смутный» — «неясный», «непонятный»³⁶.

Это особенно убедительно прослеживается на примере подписи к сатирическому рисунку, изображающему недостроенный, заброшенный строительный объект.

— А кто начал строить этот объект, хоть помнишь?

— СМУ...тно.³⁷

Здесь наблюдается варьирование сразу на нескольких уровнях: во-первых, это совмещение значений разных слов — аббревиатуры СМУ и наречия смутно, отсюда семантическая двуплановость, во-вторых, это использование возможностей орфографии. «В частности, орфография может способствовать сохранению границ морфологических элементов в составе слова, даже восстановлению их, если они стираются в живом языке. Поэтому, используя различные орфографические варианты слова, пишущий может варьировать «внутреннюю форму слова», сближая его в фономорфологическом плане с разными словами или с разными формами одного и того же слова и варьируя таким образом его экспрессивно-стилистические возможности»³⁸.

Экспрессия окказиональных слов, возникших на базе устойчивого сочетания слов, тесно, неразрывно связана с экспрессией всего окказионального оборота.

Возможности окказионального варьирования на различных уровнях зависят от тех отношений, которые связывают компоненты фразеологической единицы.

«Поскольку каждый член фразеологической единицы является одновременно и лексемой, и семемой, и словоформой, а сама фразеологическая единица является словосочетанием или предложением, то между членами фразеологической единицы существуют одновременно отношения лексические, семантические, парадигматические и синтаксические. При этом все четыре линии зависимости пересекаются в одной и той же фразеологической единице»³⁹.

Варьирование фразеологических единиц возникает в процессе речевого употребления. Особенно оно характерно для произведений сатирической публицистики.

Взаимосвязанность единиц фразеологической и словообразовательной систем находит свое отражение в окказиональном

фразообразовании и окказиональном словообразовании на базе устойчивых сочетаний слов.

Исследование этого явления важно потому, что оно помогает выявить скрытые возможности системы на уровне языка/речи.

ЛИТЕРАТУРА И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Архангельский В. Л. Устойчивые фразы в современном русском языке. Изд-во Ростовского ун-та, 1964, с. 65.
2. Ильф И., Петров Е. Записные книжки. Собр. соч. в 5-ти т., ГИХЛ, М., 1961, т. 5, с. 192; Мы уже не дети, т. 3, с. 186.
3. Вайнеры А. и Г. Гонки по вертикали. «Искатель», 1974, № 2, с. 75.
4. Моралевич А. Без бубенцов.— В сб.: Без бубенцов. Изд-во «Правда», М., 1972, с. 3.
5. Гаврин С. Г. Проблемы фразеологического моделирования.— В сб.: Проблемы образования фразеологических единиц. Тула, 1976, с. 59.
6. Лукьянов Л. Вселенская кухонная программа. «Крокодил», 1972, с. 10.
7. Макаров Ан. Непроходимцы мимо. «Неделя» № 50 (718), с. 15.
8. Попов Р. Н. Взаимодействие в языке лексической и фразеологической систем. РЯШ, 1973, № 4, с. 72.
9. Пархомовский Э. Бумеранг на дороге.— В сб.: Смехом по огредам. Изд-во «Известия», 1966, с. 371.
10. Моралевич А. Любовь № 15.— В сб.: Маэстро, точите лопату! Изд-во «Правда», М., 1969, с. 15.
11. Бахнов В. Внимание: АХИ! Изд-во «Молодая гвардия», 1970, с. 226.
12. Белов Л. Муки Танталова. Изд-во литературы и искусства им. Гафура Гуляма, Ташкент, 1973, с. 124.
13. Моралевич А. Из варяг в греки.— В сб.: Маэстро, точите лопату. Изд-во «Правда», М., 1969, с. 7.
14. Моралевич А. Доктор Паук. Изд-во «Правда», М., 1975, с. 5.
15. Белов В. Рыбацкая байка.— В сб.: Целуются зори, М., «Молодая гвардия», 1975, с. 51.
16. Ожегов С. И. Словарь русского языка. Изд-во «Советская энциклопедия», М., 1973, с. 540.
17. Ожегов С. И. Словарь русского языка, с. 577.
18. Медникова Э. М. К критике некоторых современных методов лингвистической семантики. «Вопросы языкознания», 1969, № 3, с. 46.
19. Егоров В. Операция «Динамо».— В сб.: Карусель. Изд-во «Советская Россия», М., 1974, с. 120, 121.
20. Ильф И., Петров Евг. Добродушный Курятников. Собр. соч. в 5-ти т., ГИХЛ, М., 1961, т. 3, с. 84.
21. Томан Н. Именем закона.— В кн.: Эшелоны идут под откос. Изд-во «Детская литература», М., 1971, с. 496—497.
22. Эдель Э. р. Табачные пираты. «Крокодил», 1976, № 33, с. 13.
23. Кунины А. В. Английская фразеология. М., 1970, с. 212.

24. Соколов В. Прибыль от «дареного коня». «Литературная газета», 17 октября 1973, № 42, с. 12.
25. «Крокодил», 1972, № 8.
26. Яковлев Н. Н. Продавшийся, «Литературная газета», 20 февраля 1974 г. № 8, с. 15.
27. Божко А., Городинская В., Год в «Звездолете», М., «Молодая гвардия», 1975, с. 135.
28. Козловский И. С. Если любить оперу..., «Правда», 24 марта 1975 г., № 83 (20687), с. 4.
29. Кичанова И. Право на взыскательность, «Комсомольская правда», 16 мая 1975 г., № 114 (15312), с. 2.
30. Надеин В. Пива нет, потому что... «Неделя», № 30 (802), 1975, с. 15.
31. Рубинов А. Вокруг поезда, «Литературная газета», № 27, 7 июля 1976 г., с. 13.
32. Спасский С. в. Двадцать пять, «Крокодил», 1976, № 2, с. 2.
33. Гончаренко Г. Е. Оказиональные фразеологизмы и окказиональное словообразование.— В сб.: Некоторые вопросы грамматики, Грозный, 1975.
34. Попов Р. Н. Фразеологизмы современного русского языка с архаичными значениями и формами слов. М., «Высшая школа», 1976, с. 178.
35. Мошева А. А. Фонетические явления на стыке корня и суффикса.— В сб.: «Вопросы грамматики». Ученые записки № 243, Пермь, 1972, с. 126.
36. Гончаренко Г. Е. Там же, с. 87.
37. «Грозненский рабочий», 23 ноября 1975 г., № 275 (15608), с. 4.
38. Ахманова О. С. Очерки по общей и русской лексикологии. Учпедгиз, М., 1957, с. 210.
39. Архангельский В. Л. О понятии устойчивой фразы и типах фраз.— В сб.: Проблемы фразеологии, изд-во «Наука», М.-Л., 1964, с. 108.

Т. Д. Гринштейн
СОГУ

К вопросу о
синтаксической
природе
парцеллятов

Одним из недостаточно исследованных явлений синтаксиса современного французского языка можно считать явление парцелляции, в основе которой лежит принцип актуализированной сегментации высказывания средствами интонации, когда любой отрезок синтагматического ряда может быть коммуникативно выделен в самостоятельное высказывание. При данных обстоятельствах происходит не просто деформация синтаксической иерархии предложения и разрушение его межпредложенческих связей, но и выделение в нем интонационно независимых сегментов, которые приобретают при этом самостоятельность семантическую¹.

Таковы в общих чертах свойства парцеллированных предложений, которые состоят из центральной части сообщения и присоединяемого парцеллята, — синтаксически несамостоятельного, но приобретающего, благодаря интонационному выделению, некоторую коммуникативную законченность. Обычно в роли парцеллята выступают либо цельнооформленные, грамматически законченные предложения, либо отдельные словосочетания, получающие в процессе интонационной актуализации некое предикативное значение² и функционирующие в качестве составного элемента сложного предложения:³

A Poitiers, on l'appelait le grand Vieau, et cela l'hu-

miliait, tout l'humiliait, y compris que son père fût un paysan (R,51) C'était un village amusant, je m'en rends bien compte aujourd'hui; avec des petits coins tranquilles, des ruelles, de la mousse des détours, tout le fromage du pittoresque (Mort, 27).

Существенное конструктивное значение в установлении семантических отношений между центральной частью высказывания и присоединяемой синтагмой принадлежит их большей или меньшей грамматической цельноформленности. Включающий формант, всегда в препозиции, синтаксически независим в любом окружении; что касается присоединяемого сегмента, то степень его синтаксического сцепления с центральной частью высказывания прямо пропорциональна его формальной завершенности или незавершенности. Наибольшим синтаксическим расщеплением обладают те структуры, парцеллят которых представлен предикативным ядром со всеми возможными в нем замещенными позициями. Экспрессивная значимость таких предложений, естественно, невелика. Более экспрессивна и, вероятно, поэтому более многочисленна другая структурная разновидность дислоцированных предложений, в частности, тех, которые строятся по принципу коммуникативного выделения в них в отдельную синтагму либо одного из членов высказывания, либо целого словосочетания, не составляющего, однако, законченной в структурном отношении предикативно-целостной единицы.

В силу некоторых семантических свойств парцеллированные конструкции проявляют определенные аналогии с предложениями, оформленными по типу синтаксического пояснения⁴. Оба вида предложений характеризуются тем, что логические отношения между включающей и включаемой частями представлены чаще всего как отношения эксплицитного тождества.

(Voilà Electre en deux phrases. Pas une parole qui ne soit perfidie ou insinuation. Electre, 41).

Тем не менее, предложения с пояснительной связью частей и бессоюзная парцелляция не могут рассматриваться как синтаксические единицы одного ряда, поскольку их различия более существенны, нежели их сходство. В парцеллированных конструкциях актуализированная синтагма соотносится либо со всей предшествующей предикацией в целом, и тогда присоединяемый компонент выступает по отношению к включающей предикации новым членом⁵, либо с одним из ее элементов, который, однако, не может рассматриваться в качестве антецедента, поскольку соотносимая с ним актуализированная синтагма является не более как его репризой с ярко выраженным оценочным значением. Присоединяемый сегмент, представляющий собой новый по отношению к базовой предикации член, обладает тем не менее достаточно конкретной синтаксической самостоятельностью, которая принимает форму либо чисто

грамматических связей, осуществляемых, например, при помощи средств согласования в роде и числе (*Il reste les heures de travail. Les plus longues, les plus ennuyeuses*)⁶, либо связей чисто лексических, обусловленных соотношением двух лексем, передающих те или иные логические отношения (*Je la connaissais dans le temps. Avant la guerre, je crains. SB, 19*). Синтаксическая связь парцеллята с центральной частью высказывания достигается также отсутствием синтагматически подчиняющего глагола, который составляет иерархическую вершину присоединяемого сегмента:

Je me rendis chez Luc sans un grand enthousiasme. Même avec effroi: il allait falloir parler, être aimable, recréer à leurs yeux (Sourire, 21).

В тех предложениях, в которых вычленяемая часть распространяет один из членов центральной предикации, связь частей осуществляется исключительно средствами репризы того члена, с которым непосредственно контактирует присоединяемая синтагма. Репризируемый актуализированный сегмент может иметь самое различное экспрессивно-эмоциональное значение: уточняющее (*Nous serons très gais ensemble. Seulement gais. Sourire, 34*) ограничительное (*Une femme qui montre sa gorge. Pas tout rien qu'une gorge. Topaze, 218*); оценочное (*C'est un nommé Gustave Dujardin qui habite la maison à côté de celle de la vieille. Un pas grand' chose, ce Dujardin. Tête, 120*); эмфатическое (*Il faut défendre mon père, c'est un grand enfant. Un grand enfant. Tristesse, 95*).

Весьма существенное различие пояснительных и парцеллированных конструкций состоит также и в их интонационном оформлении. Поясним сказанное на примере рассмотрения парцеллированных конструкций с атрибутивным значением.

Некоторые исследователи справедливо полагают, что дву-членные образования, строящиеся по принципу сочетания антецедента в первом компоненте и коррелирующего с ним местоимения *elle* во втором, представляют собой одну из разновидностей парцеллированных конструкций⁷. Например: *Nous sommes arrivés à notre ancienne première ligne, celle d'où nous sommes partis pour l'attaque (Feu, 351)*.

Однако анализ языкового материала убеждает нас в том, что не всегда модели с коррелятом *celle* могут расцениваться как подлинные парцелляты. При определенных синтаксических условиях данный тип конструкций во многом сближается с пояснительными предложениями. Безусловно, четкую демаркационную линию между значением пояснительности и присоединительности, содержащейся в формально идентичных структурах, провести трудно. Но все же попытаемся это сделать.

Интонационная линия пояснительных предложений состоит из двух взаимодополняющих каденций. Первая из них, отме-

ченная конечным повышением тона и явной незаконченностью, как бы предсказывает, что предложение будет продолжено. В присоединительных конструкциях, складывающихся тоже из двух интонационных групп, в результате смещения высоты тона в каждой из них происходит изменение глубины паузы между частями предложения и, как следствие этого, нарушение его синтаксической компактности.

Пауза, по мнению многих исследователей, является одним из важных способов синтаксического членения речевого потока. В ряду средств синтаксической связи («des éléments de relations») вместе с предлогами, союзами, союзными словами и относительными местоимениями должны занять свое место и чисто акустические элементы связи — паузы, выполняющие в предложении не менее значительную синтаксическую роль, чем их только что перечисленные материальные аналоги⁸.

В свою очередь, интонационные свойства пояснительных и присоединительных предложений исследуемого типа обусловлены степенью смысловой законченности antecedента и, следовательно, всего компонента в целом. Сравнивая два предложения: *Mon chien se couchait à mes pieds, celui qui aboya quand Agamemnon vint me prendre (Electre, 205)* и *J'en arrive à un second problème: celui des besoins financiers de chaque exploitant ... (Documents, 172)* убеждаемся, что antecedент первого примера *chien* определен достаточно однозначно употребленным при нем притяжательным детерминативом. Вторая часть сообщения, не являясь, следовательно, строго обязательной, принимает характер попутного, добавочного суждения. Во втором примере antecedент, сопровождаемый детерминативом-числительным, не получает достаточной специализации, и вторая часть высказывания прикрепляется к нему как его необходимому уточнению. Следовательно, данный тип предложений не является ни собственно присоединительным, ни пояснительным, а располагается в промежуточной зоне между ними, тяготея более либо к одному, либо к другому в зависимости от конкретной языковой ситуации. Для большей убедительности сравним еще два примера:

- 1) *Près de la grille, à l'entrée, dans son petit pavillon, demeurait la concierge, celle qui nous vendait des sucres d'orges et des oranges. et ce qu'il fallait en même temps pour se recoudre des boutons (Nuit, 67);*
- 2) *On stoppait en face de la porte cochère de la rue des Chanoineuses et Michel fut satisfait de voir la femme d'en face, celle qui lui avait parlé le matin (Aîné, 54).*

Несмотря на адекватное оформление, приведенные предложения оказываются несколько различными по их семантическим и синтаксическим свойствам. Несоответствие их семантико-син-

таксической сущности обусловлено прежде всего значением артикля при antecedенте первого компонента и местоимения *qui*, сопровождающего коррелят *celle* во втором. В первом из приведенных примеров существительное-antecedent употреблено в значении индивидуализирующей детерминации («L'objet peut être déterminé par la situation qui le rend unique dans les circonstances données»)⁸. Следовательно, присоединяемый к первой части формант не является строго обязательным, и местоимение *qui*, которое выступает обычно либо в функции относительного местоимения, либо как союзное слово⁹, в данной языковой ситуации приобретает отчетливо выраженное второе значение, сближающее все предложение с сочинительными конструкциями. Во втором предложении, напротив, вторая часть высказывания синтаксически строго необходима, так как без нее артикль при antecedенте получил бы значение крайней генерализации, абсолютно не соответствующей данному контексту. Поэтому, чтобы ограничить значение артикля, уточнить его функциональную специализацию, возникает чисто грамматическая необходимость продолжить сообщение и установить тем самым грамматическое равновесие первого компонента.

Таким образом, вторая часть сообщения, тесно примыкающая к первой, является по своим свойствам предложением, близким к пояснительному, но оформляющимся как один из видов парцеллятов. Пояснительному значению второго компонента и детерминирующей функции артикля строго соответствует относительная функция местоимения *qui*, сближающаяся со значением подчинительности¹⁰.

Изложенные рассуждения позволяют сделать вывод о том, что парцеллированным конструкциям, входящим в общий класс присоединительных предложений, грамматическая прерывистость не свойственна.

ЛИТЕРАТУРА И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Будагов Р. А. считает, что «тенденция к интонационной самостоятельности... сопровождается аналогичной тенденцией в семантике (разрядка моя — Т. Г.) Р. А. Будагов. История слов в истории общества, «Просвещение», М., 1971, с. 31.

2. Мы придерживаемся того мнения, что предикативность, понимаемая как грамматическое отношение содержания к действительности в совокупности с категориальными значениями времени и лица, не обязательно должна быть представлена соотношением субъекта и предиката, связанными предикативными отношениями. При наличии соответствующей интонации сочетание даже непредикативных по своей природе слов составляет предложение. См. об этом: Э. Бенвенист. Уровни лингвистического анализа.— В кн.: «Новое в лингвистике», выпуск 4. Изд-во «Прогресс», М., 1965, с. 446.

3. В качестве рабочего определения сложного предложения принимается следующее: сложное предложение — это полипредикативное синтаксическое образование, релевантными признаками которого выступают бинарность и закрытость состава, а также функционирование в качестве одной коммуникативной единицы. Уточним, что понятие бинарности употребляется здесь в его чисто коммуникативном смысле, противопоставляясь понятию грамматической двучленности/одночленности.

4. А х м а н о в а О. С. определяет предложение с пояснительной связью частей как такую разновидность сложного предложения, в которой придаточная часть развивает и конкретизирует содержание главной части. См.: О. С. Ахманова. Словарь лингвистических терминов. Изд-во «Советская энциклопедия», М., 1966, с. 343.

5. Морфология и синтаксис современного русского литературного языка. Изд-во «Наука», М., 1968, с. 287.

6. Этот пример заимствован из автореферата кандидатской диссертации Л. Г. Ведениной «Функциональные особенности номинальных предложений современного французского языка», М., 1965, с. 150.

7. Ibidem, с. 279.

8. Aurélian Tanase, Les affinités combinatoires des éléments de relation en français contemporain standard, «Revue romaine de linguistique», tome XII, N 5, 1967, Bucaresti, p. 423—424.

9. Ш т е й н б е р г Н. М. Грамматика французского языка. Изд. 4-е, т. 1, Изд-во «Просвещение», Л., 1972, с. 32.

10. А. H e n r y, Transformation de la subordination en coordination (Langue et style), «Cahiers F. de Saussure», 1966, N 23, p. 61—64.

И. Д. Данилова
согу

Вариативность структурных моделей слож- ноподчиненного предложения

(На примере произве-
дений Теккеря).

Задачей настоящей статьи является изучение и описание сложноподчиненных предложений с четырьмя придаточными предложениями в прозе В. Теккеря.

В соответствии с данной задачей было проанализировано 2 500 сложноподчиненных предложений с различным количеством придаточных предложений в произведениях В. Теккеря «Ярмарка тщеславия» («Vanity Fair»), «Книга енобов» («The Book of Snobs»), «История Генри Эсмонда» («The History of Henry Esmond»).

В настоящем исследовании был использован метод статистических выборок: сложноподчиненные предложения выбирались в рамках определенных интервалов страниц, при помощи того же статистического метода была установлена частота употребления автором сложноподчиненных предложений с тем или иным числом придаточных предложений, частота употребления той или иной структурной модели сложноподчиненных предложений рассматриваемого типа.

За основу структурной классификации сложноподчиненных предложений с четырьмя придаточными был взят принцип классификации сложноподчиненных предложений в соответствии с позицией придаточных предложений и отношением этих придаточных предложений к главному предложению, так как придаточные предложения могут

предшествовать главному предложению, следовать за ним, а также могут входить в состав главного или другого придаточного предложения.

Предполагается, что сложноподчиненные предложения с четырьмя придаточными могут обнаружить значительное число вариантов структурных моделей, так как чем больше количество придаточных предложений в сложноподчиненном предложении, тем большее количество структурных моделей может быть установлено.

Вполне убедительным является положение Э. А. Макаева о том, что «по направлению от низших единиц к высшим, от низших уровней языка к высшим ... увеличивается архитектурная сложность данных единиц ..., возрастает степень их вариантности»¹.

А вариант структурной модели всегда определяется положением придаточного предложения, т. к. сложноподчиненные предложения характеризуются известной подвижностью придаточных предложений; и наша структурная классификация сложноподчиненных предложений исследуемого типа основана именно на этом принципе взаимоположений главного и придаточного предложений.

В ходе исследования было установлено, что автор сравнительно редко использует предложения исследуемого типа — из 2 500 сложноподчиненных предложений с различным числом придаточных предложений только 75 оказались предложениями с четырьмя придаточными, т. е. они составляют всего лишь 3% от общего числа сложноподчиненных предложений. Было также установлено, что В. Теккерей, как многие другие авторы, отдает предпочтение сложноподчиненным предложениям с одним придаточным предложением — предложения этого типа составляют 48% от общего количества сложноподчиненных предложений; наибольшее же количество придаточных предложений в сложноподчиненном предложении в прозе В. Теккерея — двенадцать; было обнаружено только одно предложение такого типа.

Таблица 1 иллюстрирует употребление автором сложноподчиненных предложений (число сложноподчиненных предложений исследуемого типа на каждые сто сложноподчиненных предложений с разным количеством придаточных предложений).

Из таблицы видно, что чем выше структурный уровень предложения, тем реже писатель употребляет их. Так, количество сложноподчиненных предложений с одним придаточным из 100 сложноподчиненных предложений с различным количеством придаточных предложений 34, 39, 44, 58 и даже 66, количество сложноподчиненных предложений с двумя придаточными меньше, с тремя придаточными еще меньше и т. д.

Несмотря на то, что было обнаружено незначительное коли-

чество сложноподчиненных предложений исследуемого типа, в пределах этого количества было обнаружено значительное число структурных вариантов сложноподчиненных предложений с четырьмя придаточными. Так, были установлены следующие структурные типы предложений:

Т а б л и ц а

Номер выборки	Количество придаточных предложений											
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
I	34	33	25	1	3	1	2	—	2			
II	39	32	12	4	7	3	3	1				
III	34	26	15	6	4	2	10	1	1			
IV	39	29	20	5	2	2	1	—	1	1		
V	56	22	9	5	3	2	2	1			1	
VI	36	32	24	3		3	1	1				
VII	46	31	13	2	7	1	0	0	0	0		
VIII	49	24	16	5	1	1	1					
IX	54	28	11	4	2	1						
X	36	30	19	6	6	2	1	1	1			
XI	57	29	12	1	1							
XII	52	28	9	2	3	3	1	1				
XIII	55	34	8	3		3						
XIV	58	25	8	1		1	2					
XV	53	36	1	6	2	1						
XVI	49	35	6	3	4	2	1					
XVII	50	30	12	3	3			2				
XVIII	44	29	10	9	4	4						
XIX	54	27	13	2	2	1		8				
XX	53	28	15	2	1		1					
XXI	55	23	8	4	6	4						
XXII	66	22	4	3	4							
XXIII	51	30	14	2	2	1						
XXIV	37	25	12	3	1	1	1					
XXV	55	34	8	3		3						

I. Сложноподчиненное предложение с постпозитивными придаточными предложениями.

II. Сложноподчиненное предложение с постпозитивными интерпозитивными придаточными предложениями.

III. Сложноподчиненное предложение с постпозитивными препозитивными придаточными предложениями.

IV. Сложноподчиненное предложение с препозитивными, интерпозитивными и постпозитивными придаточными предложениями.

V. Сложноподчиненное предложение с интерпозитивными придаточными предложениями.

VI. Сложноподчиненное предложение с препозитивными придаточными предложениями.

Из приведенного выше перечисления видно, что с точки зрения взаимоположения главного и придаточного предложе-

ния В. Теккерея использует все возможные структурные типы исследуемых сложноподчиненных предложений кроме одного — сложноподчиненных предложений с препозитивными и интерпозитивными придаточными предложениями; ни одного предложения такого структурного типа не было встречено в прозе В. Теккерея.

В данной статье мы рассмотрим структурные модели сложноподчиненных предложений, входящие в т. н. группу сложноподчиненного предложения с постпозитивными придаточными предложениями. В рамках данной группы было установлено пять структурных подтипов (вариантов).

Это следующие подгруппы:

1. Сложноподчиненные предложения, в которых все четыре придаточных предложения следуют одно за другим, т. е. сложноподчиненное предложение с последовательным подчинением. Предложения, имеющие такую структуру, наиболее многочисленны — они составляют 10,6% от всех сложноподчиненных предложений с четырьмя придаточными. Обозначая главное предложение прямоугольником □, а придаточное предложение треугольником △, можно графически представить модель подобных предложений как

Иллюстрацией данной модели послужит следующее предложение:

He conduced her to his sister,|¹where he left her talking and prating in a way|²that astonished those ladies,|³who thought|⁴that George might make something of her.

2. Сложноподчиненные предложения, в которых имеется две цепи однородных придаточных предложений, из которых одна состоит из одного придаточного предложения, а другая из трех придаточных предложений с последовательным подчинением. Графически мы представили предложение этого подтипа следующим образом:

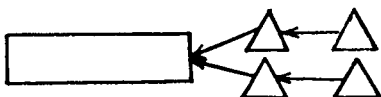

Of course he could not help remarking|¹that the priest's journeys were constant, and understanding by a hundred signs|²that some active though secret business employed him|³what this was may pretty well be guessec|⁴by what soon happened to my Lord.

Предложения этой подгруппы составляют 5,3% от общего количества сложноподчиненных предложений с четырьмя пост-позитивными придаточными предложениями.

3. В эту подгруппу входят сложноподчиненные предложения, придаточные которых составляют две параллельные цепи придаточных предложений, каждая из которых состоит из двух придаточных предложений. Предложения этой подгруппы также составляют 5,3%.

Структурная модель предложений данного подтипа следующая:

And so there are other glittering baubles (of rare water too) |¹for which men have been to sit to kill and quarrel |²ever since mankind began; |³and which last but for a score of years, |⁴when their sparkle is over.

4. В данную группу входят сложноподчиненные предложения с тремя постпозитивными придаточными с последовательным подчинением, в первое из которых включено другое придаточное предложение:

'Tis know |¹ that when sir John was apprehended, |² discovery was made of a great number of names of gentlemen engaged in the conspiracy; |³when, with a noble wisdom and clemency, the Prince burned the list of conspirators furnished to him and said he |⁴ would know no more.

Предложения такого типа немногочисленны, частота их употребления писателем составляет всего лишь 2,6%.

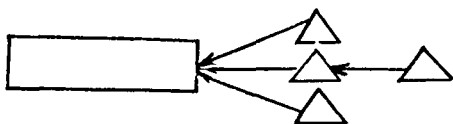
5. Сложноподчиненные предложения этой подгруппы также составляют 2,6% от числа сложноподчиненных предложений с четырьмя постпозитивными придаточными предложениями — это сложноподчиненное предложение с двумя последовательно подчиненными придаточными, в первое из которых включены еще два придаточных предложения с последовательным подчинением. Это предложения, имеющие следующее структурное строение:

and this day she was so perfectly stupid and awkward |
 that the Miss Osborne and their governess, |²who stared after her, |³as she went sadly away, |¹wondered more than ever |⁴what George could see in poor Amelia.

К данной группе сложноподчиненных предложений (сложноподчиненное предложение с четырьмя постпозитивными придаточными) также относятся предложения, которые по своей структурной природе не могут быть отнесены ни к одной из перечисленных выше подгрупп, а также не образуют какую-либо иную подгруппу структурных вариантов исследуемого типа сложноподчиненных предложений. Эти предложения составляют 13% от общего количества сложноподчиненного предложения с четырьмя постпозитивными придаточными.

Одно из предложений этой подгруппы имеет три однородных придаточных предложения, ко второму из которых относится другое придаточное предложение.

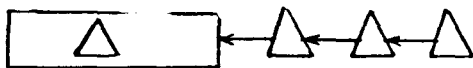
This was the paper, |¹whereof my Lord had spoken, |
²which Holt showed him the very day |³he was arrested, |
⁴and for an answer to which he would come back in a week's time.

Таким образом, мы установили, что предложения данной группы подразделяются на пять структурных подгрупп.

Предложения II группы включают сложноподчиненные предложения с интерпозитивными и постпозитивными придаточными предложениями; они составляют 33,3% от общего количества сложноподчиненных предложений исследуемого типа.

Предложения данной группы также можно подразделить на пять структурных подгрупп. Это предложения, имеющие следующие структурные строения.

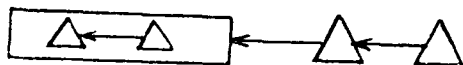
1. Сложноподчиненное предложение с тремя постпозитивными придаточными предложениями с последовательным подчинением и одним придаточным, включенным в главное предложение.

*And according to her Majesty's health or humour and the circumstances*¹*that might arise during the interview it was to be left to the discretion of those present at it, and to the Prince himself,*²*whether he should declare*³*that it was the Queen's own brother, or the brother of Beatrix Esmond,*⁴*who kissed her Royal hand.*

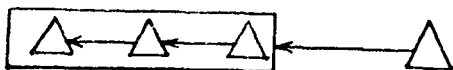
Предложения этой подгруппы составляют 8%.

2. В эту подгруппу входят сложноподчиненные предложения с двумя интерпозитивными и двумя постпозитивными придаточными предложениями, они составляют 6,6%.

*Dobbin,*¹*who was a friend of the general commanding the division*²*in which their regiment was, came laughing one day to Mrs. Osborne, and displayed a simular invitation,*³*which made Jos envious and George wonder*⁴*how the dence he should be getting into society.*

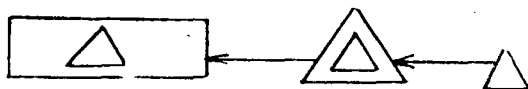
3. Эту подгруппу составляют сложноподчиненные предложения с тремя интерпозитивными и одним постпозитивным придаточным предложением. Предложений такой структуры не много — они составляют 5,3%.

*Those,*¹*who like to lay down the history book, and to speculate*²*upon what might have happened in the world but for the fatal occurrence*³*of what usually did take place (a most puzzling, amusing, ingenious, and profitable kind of meditation), have no doubt often thought to themselves,*⁴*what a specially bad time Napoleon took to come back from Elba, and to let loose his eagle from Gulf San Juan to Notre Dame.*

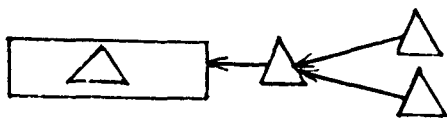
4. Предложения этой подгруппы также составляют 5,3% — это сложноподчиненные предложения с одним интерпозитивным и двумя постпозитивными придаточными и с последова-

тельным подчинением, в первое из которых включено другое придаточное предложение.

At any rate, young Esmond of the army was quite a different being to the sad little dependant of the kind, Kastlewood household, and the melancholy student of Trinity Waiks; discounted with his fate, and with the vacation|¹into which that drove him and thinking, with a secret indignation, |²that the cassock and bands, and the very sacred office |³with which he had once proposed to interest himself, were, in fact, but marks of a servitude|⁴which was to continue all his life long.

5. В данную подгруппу входят сложноподчиненные предложения с одним интерпозитивным и тремя постпозитивными придаточными предложениями, из которых одно относится к главному предложению, а два других являются однородными придаточными предложениями этого первого. Мы встретили всего два таких предложения, что составляет 2,3% от всех предложений этой группы.

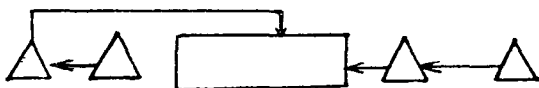

My Lord worried his life away with tricks; and broke out,|¹as homebred lads will, into a hundred useful extravagances,|²so that Doctor Bantly, the new Master of Trinity, thought fit to write to the Viscountess Castlewood, my Lord's mother, and beg her to remove the young nobleman from a college|³where he declined to learn,|⁴and where he only did learn by his riotous example.

К данной группе (сложноподчиненное предложение с интерпозитивными и постпозитивными придаточными предложениями) относятся и предложения, имеющие отличия от вышеописанных структурных моделей; эти предложения составляют 5,3%.

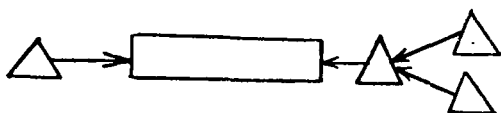
В III группу сложноподчиненных предложений (сложноподчиненное предложение с препозитивными и постпозитивными придаточными) входят всего пятнадцать предложений, что составляет 20% от всех предложений исследуемого типа. Предложения этой группы можно подразделить на следующие подгруппы.

1. Сложноподчиненное предложение с двумя препозитивными и двумя постпозитивными придаточными предложениями с последовательным подчинением. Мы встретили четыре таких предложения (5,3%).

¹When sir Pitt Crawley heard|²that Rebecca was married to his son, *he broke out into a furry of language*|³which it would do no good to repeat in this place,|⁴as indeed it sent poor Briggs shuddering out of the room;

2. Сложноподчиненное предложение с одним препозитивным и тремя постпозитивными придаточными предложениями, к одному из которых относятся два других однородных придаточных предложения. Предложения этой подгруппы составляют 4%.

¹ When she called Sedley a very handsome man, | *she knew* ²that Amelia would tell her mother, ³ who would probably tell Josef, | ⁴ or who at any rate, would be pleased by the compliment paid to her son.

3. К данной подгруппе относятся сложноподчиненные предложения с одним препозитивным и тремя постпозитивными придаточными предложениями с последовательным подчинением они составляют 4%.

¹ When I was taking waters at Bagnigge Wells and living at the «Imperial Hotel» | *there, there used sit opposite me at breakfast, for a short time a Snow* ²so insufferable |²that I felt |³I should never get m benefit of the waters |⁴as he remained.

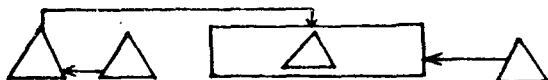
4. Сложноподчиненные предложения с тремя препозитивными придаточными предложениями с последовательным подчинением и одним постпозитивным придаточным предложением. Предложения этой подгруппы составляют всего лишь 2,6%.

¹ As there were a thousand thoughts lying within a man |² that he does not know |³ till he takes up the pen to write *so the heart is a secret even to him (or her)*, |⁴ who has it in his own breast.

4% предложений этой группы составляют сложноподчиненные предложения, структурные модели которых отличаются от описанных выше.

IV группу составляют сложноподчиненные предложения с препозитивными, интерпозитивными и постпозитивными придаточными предложениями. Эта группа довольно маленькая — в нее входят всего лишь три предложения (4%), два из которых имеют следующую структуру.

¹ When Ney dashed upon the advance of the allied troops, carrying one position after the other, |² until the arrival of the great body of the English army from Brussels changed the aspect of the combat of Quatre, the Squadrons |³ among which Regulus rode showed the greatest activity in retreating before the French, and were dislodged from one post and another |⁴ which they occupied with perfect alacrity on their part.

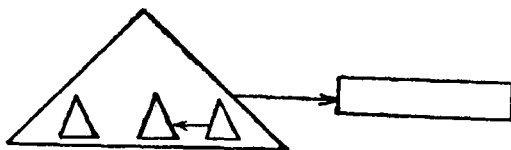
А также одно предложение с одним препозитивным; одним интерпозитивным и двумя постпозитивными придаточными предложениями, одно из которых входит в состав другого предложения (т. е. прерывает его).

Две следующие группы сложноподчиненных предложений (I—СПП с четырьмя интерпозитивными придаточными предложениями и II—СПП с четырьмя препозитивными придаточными предложениями) едва можно назвать «группами», так как каждая из них составляет всего 1,3% от общего числа сложноподчиненных предложений с четырьмя придаточными (т. е. в каждую «группу» входит всего лишь по одному предложению). Но так как структурные модели этих предложений отличаются от структурных моделей описанных выше предложений, и так как мы все же встретили такие предложения в произведениях В. Теккерея, то мы рассматриваем эти предложения как предложения, образующие отдельные группы.

Структурные модели этих предложений выглядят следующим образом:

Esmond rose up before the dawn, passed into the next room, |¹ where the air was heavy with the odour of the wallflowers; looked into the braier |² where the papers had been burnt; into the old presses |³ where Holt's books and papers had been kept, and tried the spring |⁴ where the window worked still.

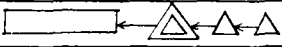
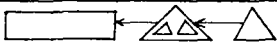
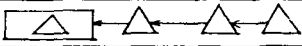
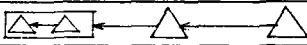
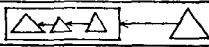
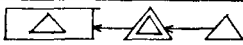
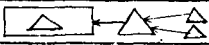
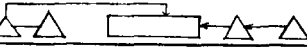

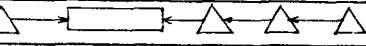
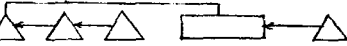

¹ Whenever this powdered and courteous old man |² who never missed a Sunday at the convent chapel at Hammersmith, |³ and who was in all respect, thoughts, conduct, and bearing, utterly unlike the bearded savages of the nation |⁴ who curse perfidious Albion and scowl at you from over their cigars, in the Quadrant arcades at the present day — ¹ whenever the old Chevalier de Falonrouge spoke of Mistress Osborne, he would first finish his pinch of snuff, flick away the remaining particles of dust ...

Суммируя все сказанное выше, можно заключить, что сложноподчиненное предложение с четырьмя придаточными предложениями могут проявлять довольно значительное количество структурных моделей — в ходе исследования было установлено 15 структурных вариантов сложноподчиненных предложений исследуемого типа; кроме того, были установлены такие структурные варианты предложений, которые не входили ни в одну из описанных выше структурных подгрупп.

Таблица 2 наглядно иллюстрирует частоту употребления исследуемых структурных моделей.

Из таблицы видно, что:

1. Частота употребления сложноподчиненных предложений с четырьмя придаточными предложениями составляет 3% от всех сложноподчиненных предложений с различным количеством придаточных предложений.

Тип СПП	%
I СПП с ПОСТПОЗИТИВНЫМИ ПРИДАТОЧНЫМИ ПРЕДЛОЖЕНИЯМИ	40
ПРЕДЛОЖЕНИЯ С РАЗЛИЧНОЙ СТРУКТУРОЙ	13,5
1. 	10,6
2. 	5,3
3. 	5,3
4. 	2,6
5. 	2,6
II СПП с ИНТЕРПОЗИТИВНЫМИ и ПОСТПОЗИТИВНЫМИ ПРИДАТОЧНЫМИ ПР.	33,3
6. 	8
7. 	6,6
8. 	5,3
9. 	5,3
ПРЕДЛОЖЕНИЯ с РАЗЛИЧНОЙ СТРУКТУРОЙ	5,3
10. 	2,3
III СПП с ПРЕПОЗИТИВНЫМИ и ПОСТПОЗИТИВНЫМИ ПРИДАТОЧНЫМИ ПРЕДЛ.	20
11. 	5,3
12. 	4
13. 	4
ПРЕДЛОЖЕНИЯ с РАЗЛИЧНОЙ СТРУКТУРОЙ	4
14. 	2,6
IV СПП с ПРЕПОЗИТИВНЫМИ, ИНТЕРПОЗИТИВНЫМИ и ПОСТПОЗИТИВНЫМИ П.П.	4
15. 	2,6
V СПП с ПРЕПОЗИТИВНЫМИ и ПРИДАТОЧНЫМИ ПРЕДЛ.	1,3
VI СПП с ИНТЕРПОЗИТИВНЫМИ и ПРИДАТОЧНЫМИ ПРЕДЛОЖЕНИЯМИ	1,3

2. Сложноподчиненные предложения с четырьмя придаточными подразделяются на 15 структурных подгрупп.

3. Сложноподчиненные предложения с четырьмя постпозитивными придаточными предложениями наиболее часто употребляемы автором — они составляют 40% от всех сложноподчиненных предложений с четырьмя придаточными.

В ходе данного исследования было установлено значительное количество структурных вариантов сложноподчиненного предложения с четырьмя придаточными. Несомненно, что структурный анализ и описание сложноподчиненных предложений с большим количеством придаточных предложений даст нам возможность выявления еще большего количества структурных вариантов моделей предложений.

ЛИТЕРАТУРА И ПРИМЕЧАНИЯ

1. W. M. Thackeray. *Vanity Fair*. Moscow, «Foreign Languages publishing House», 1951.
2. W. M. Thackeray. *The History of Henry Esmond*, Moscow, «Foreign Language Publishing House», 1954.
3. W. M. Thackeray. *The Book of Snobs*, Moscow, «Foreign Languages Publishing House», 1959.
4. Гулыга Е. В. Теория сложноподчиненного предложения в современном немецком языке. М., «Высшая школа», 1971, с. 79.
5. Прудникова Л. Н. Сложное предложение с последовательным подчинением в современном английском языке. М., «Высшая школа», 1968.
6. B. A. Illysh. *The Structure of Modern English*. M.-L.

Л. М. Делиева

СОГУ

**Слово о сопоставительном
исследовании
языков**

Сопоставительное изучение языков только в последнее десятилетие прочно завоевало право гражданства как научно-лингвистический метод. Еще совсем недавно вставал такой вопрос: лингвистическая ли это или педагогическая (методическая) область. Если лингвистическая, то достаточно ли глубоко она проникает в сущность языковых явлений для того, чтобы иметь общелингвистическое значение? Как соотносится она с типологией, «характерологией» и т. п., так как только эти связи могут придать сопоставительному методу собственно лингвистическое значение.

Чтобы попытаться дать ответ на этот вопрос, следует подойти к сопоставительному исследованию с более широкой позиции языкового сравнения. Необходимость такого подхода появляется потому, что в основе языкознания, конечно, продолжает лежать испытанный, хорошо разработанный и успешно далее развиваемый сравнительно-исторический метод. Сопоставительное исследование представляет собой дальнейшее развитие, новый шаг, который по существу был сделан в конце двадцатых годов¹, когда был поставлен вопрос о характерологическом подходе к изучению языков, т. е. об их сравнительном изучении независимо от происхождения.

«Характерологический» подход отличается от «типологического» (если употреблять этот термин в собственном

смысле, а не для придания большей эффектности самым скромным студиям), так как типология в известном смысле упирается в поиск языковых универсалий. Сопоставление двух и более языков на характерологической основе есть нечто другое и, безусловно, следует рассматривать эту проблему как лингвистическую, поскольку оно (сопоставительное языкознание) «позволяет лучше заметить, охарактеризовать и осмыслить специфические особенности каждого данного языка, а это, понятно, является важной предпосылкой для обнаружения и всестороннего изучения внутренних законов развития языка»².

Сопоставительная лингвистика это не часть просто прикладной лингвистики, т. е. преподавания иностранных языков, а важная область науки — языкознания в собственном смысле этого слова. Сопоставительные исследования развиваются сейчас широким фронтом во всем мире и особенно в нашей многонациональной стране, все больше раздается голосов о необходимости углублять как методику, так и методологию.

Ведь многие из уже изданных работ являются чисто эмпирическими описаниями, регистрируя то или иное явление речевого сопоставления. То, что, например, регулярное соответствие принимается между английским Continuous с одной стороны и русским несовершенным видом с другой, можно показать на многих примерах:

Nobody is holding you here.

(Никто вас здесь *не держит*);

«But Mr. Copperfield was teaching me...»

(«Но мистер Копперфильд учил меня»);

He was sitting in a corner with his long legs drawn in, surrounded by two young women who looked like teachers.

(Подобрав под себя длинные ноги, он сидел в углу в окружении двух молодых особ, по виду похожих на учительниц) и т. д. Таким образом, учитывая подобные случаи, нередко приходят к выводу, что английский Non-Continuous всегда должен переводиться при помощи русского совершенного вида, т. е. заключают о существовании весьма простого соответствия или параллелизма Continuous-Imperfective and Non-Continuous-Perfective.

А фактически ситуация оказывается более сложной. Можно привести множество примеров, чтобы показать, как часто английский Non-Continuous передается при помощи Imperfective. Например: In the centre of the room stood the head of the family, Old Jolyon himself.

Посреди комнаты *стоял* глава семьи, сам старый Джолион.

He worked very much.

Он много работал.

Количество подобных примеров можно было бы увеличить и получить материал для сравнения противоречивых выводов,

т. е. таких, которые не могут быть надежными, будучи основаны на чисто эмпирическом методе сравнения.

Следует заметить, что при сопоставлении осетинского и английского, т. е. любого иностранного языка с одним из национальных, дело усугубляется тем, что перевод на национальный язык часто оказывается выполненным не с оригинала, а с перевода на русский. В результате сопоставляются не реальные лингвистические явления грамматического, лексического и другого характера, а некоторые сюжеты, как экстралингвистическое содержание. От лингвистического соответствия практически почти ничего не остается. Вполне понятно, что это представляет собой огромный труд, требующий колоссальной работы лингвистического характера с переходом, может быть, даже в литературоведение.

Для решения данного вопроса нужно постоянно разрабатывать марксистскую методологию сопоставительного языкознания. Сопоставителю вначале необходимо выйти за рамки чисто речевой эмпирики. Нужно знать, что именно следует сопоставлять, ибо механическое применение сопоставительных приемов может привести к игнорированию языковой системы... Сопоставление отдельных форм не дает ничего, кроме установления банальной истины, что данные формы в языках совпадают или расходятся. То, что в первую очередь подлежит сопоставлению, — это явления категориальные, явления системные. Да, действительно, любое языковое явление можно правильно осмыслить только в системе, в совокупности всех аналогических явлений, ибо анализ отдельно взятого явления может привести к ложным выводам³. Таким образом, для того, чтобы наши выводы были более реальными и объективными, следует принять во внимание следующий фактор: в просматриваемых лингвистических системах противопоставление Continuous—Non-Continuous занимает совершенно другое место по сравнению с противопоставлением совершенный — несовершенный вид в других языках.

Противопоставление Continuous—Non-Continuous в английском языке есть оппозиция чисто грамматическая, в то время как в русском языке противопоставление совершенный — несовершенный вид представляет собой чрезвычайно сложную проблему. Это один из таких участков грамматической системы, где сам язык как бы еще не пришел к определенному решению. Можно сказать, русский язык еще «сам не решил», что данное противопоставление должно выражаться либо чисто грамматически, либо лексически, или лексико-грамматическими, даже идиоматическими и фразеологическими средствами. Иначе говоря, надо проводить грань между: а) морфологическими грамматическими категориями; б) категориальными формами этих категорий и в) теми значениями, которые выражены в данных речевых произведениях не посредством этих

грамматических категорий и их соответствующих категориальных форм, а лексическими или лексико-фразеологическими средствами. Интересно, чем можно аргументировать выдвижение на первое место морфологических грамматических категорий? Дело в том, что категориальный подход при сопоставительном изучении языков дает возможность установить правильное соотношение между эмическим и этическим уравнениями. Когда ведется сопоставительное исследование на морфологическом уровне, следует тщательно отличать грамматические морфологические системы от отдельных конкретных произведений речи, которые могут быть переведены лучше или хуже. Убедившись в том, что необходимо вести сопоставительное изучение языков на категориальном уровне, сталкиваемся с важнейшей проблемой — проблемой *tertium comparationis*⁴, т. е. проблемой, на основе которой производится категориальное сопоставление. При изучении реальности общения с помощью языка был выявлен целый ряд экстралингвистических категорий, на которых основывается языковое общение, причем такие параметры и аспекты, без которых исследование категорий было бы слишком абстрактным.

Большое значение имеет вопрос о том, какой язык в данную историческую эпоху для данной национальной общности является средством межнационального общения. Оказывается, что в нашей стране при переводах с одного языка на другой и даже более широко — в разных видах межнационального и международного общения — русский язык совершенно явно выступает как *tertium comparationis*, как основа сопоставления.

Особенно ясно видно, что многие переводы, сделанные непосредственно с языка народа, не входящего в состав СССР, на один из национальных языков Советского Союза, чрезвычайно ограничены. Русский читатель, желающий ознакомиться с зарубежной классикой на родном языке, очень часто оказывается в рамках переводов второго порядка, т. е. таких, которые еще раз переведены уже с русского оригинала на национальный язык. А такие переводы конечно могут влиять не только на лингвистическое мышление исследователя, но и на фактические результаты произведенного анализа.

Из всего этого можно сделать вывод, что языки менее известные могут сопоставительно изучаться на фоне третьего, лучше изученного языка, так как он не только лучше известен, но и более научно описан. Совершенно понятно, что это ни в какой мере не исчерпывает проблему *tertium comparationis* и вообще того фона или тех предпосылок, на которых наиболее успешно может базироваться подобное исследование.

Методология сопоставительного исследования предполагает непременно какую-то общую структуру, некоторый лингвистический «золотой метр», при помощи которого можно было бы измерить фактические различия и сближения конкретных

языков. Отсюда и появляется необходимость метода «близости к стандарту или эталону».

ЛИТЕРАТУРА И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Matesius V. On Linguistic Characteriology' with Illustrations from Modern English, «Actes du (I-er), Congres international de linguistics». Leiden, 1928.

2. Смирницкий А. И. Об особенностях обозначения направления движения в отдельных языках (к методике сопоставительного изучения языков). ИЯШ, 1953, № 2.

3. Бархударов Л. С. Письмо в редакцию. ВЯ 1963, № 1.

4. Coseriu E. «Über Leistung Grigen der Kontrastiven Grammatik», Probleme der Kontrastiven Grammatik. Jahrbuch 1969 des Instituts für Deutsche Sprache. Dusseldorf, 1970.

А. М. Елоева
СОГУ

Способы сохранения эмфатической функции инверсии как стилистического приема

(На материале английских переводов роман М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени»)

Синтаксический аспект художественного перевода представляет собой довольно трудную для переводчика сферу деятельности. Переводчику нужно донести не только собственно информацию, содержащуюся в произведении — хотя это и важнейшая задача — но также колорит, эмоциональную окраску последнего. Как указывает А. Федоров, в создании колорита произведения огромную роль наряду со стилистическими приемами, играют синтаксические структуры предложений¹. При переводе с одного языка на другой довольно сложно — а чаще всего просто невозможно — сохранить построение исходных предложений, сохранить же ритм произведения необходимо. Задача эта не из легких, особенно если исходный язык и язык перевода являются языками разного грамматического строя.

В данной работе сделана попытка проследить на материале пяти английских переводов^{2 3 4 5 6} романа М. Лермонтова «Герой нашего времени»⁷ способы сохранения эмфазы, которую вносит в предложение инверсия как стилистический прием.

Как известно, нормы английского синтаксиса не позволяют употреблять инверсию так свободно и часто, как она употребляется в русском языке. Это и лежит в основе трудности перевода предложений с инвертированным порядком слов на английский язык. Чаще всего собственно

инверсию сохранить не удается, что вызывает необходимость искать другие способы передачи ее функции в предложении.

Лермонтов **обращается к инверсии** как стилистическому приему при описании природы, внешности персонажей, их эмоционального состояния.

Рассмотрим и проиллюстрируем приемы, с помощью которых сохраняется эмфатическая функция инверсии.

1. Замена инвертированного порядка слов эмфатической конструкцией в частичной инверсией.

«И в самом деле, Гуд-Гора курилась; по бокам ее ползали легкие струйки облаков, а на вершине лежала черная туча, такая черная, что на темном небе она казалась пятном».

(стр. 11)⁷

Предложение содержит описание природы. Наделяя его данной структурой, Лермонтов преследует определенную цель: придать повествованию мелодичность, ритмическую овалность. Наиболее близок к оригиналу перевод Набокова, который сохраняет эмфазу, употребляя конструкцию *there+verb predicate*: «And indeed, Mount Gud was smoking; along its flanks there crept light wisps of clouds, while on its summits there lay a black cloud, so black that it looked like a blot on the dark sky.» (p. 6)².

Таким же образом Набоков поступает и при переводе следующего предложения.

«По обеим сторонам дороги торчали голые, черные камни; кой-где из-под снега выглядывали кустарники, но ни один сухой листок не шевелился, и весело было слышать среди этого мертвого сна природы фырканье усталой почтовой тройки и неровное побрякиванье русского колокольчика» (стр. 11)⁷.

Первое, второе и четвертое составляющие⁸ имеют инвертированный порядок слов. Сохранить структуру предложения нельзя, так как невозможно дать инверсию и в первом и во втором составляющих: на английском языке такое предложение звучало бы по меньшей мере нестройно. Но можно употребить инвертированный порядок слов в одном из них, что и делает Набоков, вводя конструкцию *there+verb predicate*. Последнее составляющее, неопределенно-личное предложение, справедливо переводится всеми переводчиками сложноподчиненным предложением с придаточным подлежащим. Такая структура позволяет сохранить дополнение оригинала на последнем месте.

«On either side of the road bare, black rocks jugged out; here and there, from beneath the snow, there emerged shrubs; but not a single dry leaf stirred, and it was a joy to hear, amid the dead sleep of nature,

the snorting of the three tired posters and the irregular jangling of the Russian shaft bell.»² (p. 6).

На наш взгляд есть и другое решение: ввести в последнее составляющее вместо инверсии другую синтаксическую эмфазу, поместив в начале его не вводное местоимение *it*, а предикатив:

«... and pleasant it was to hear amid this lifeless somnolence of nature the snorting of the three tired posters...».

Как видно из исследуемых переводов, их авторы не считают возможным сохранение эмфатической функции инверсии в случае, если последняя представлена во всех составляющих сложного предложения. Примером может служить перевод предложения, приведенного ниже.

«Тихо было все на небе и на земле, как в сердце человека в минуту утренней молитвы; только изредка набегал прохладный ветер с востока, приподнимая гриву лошадей, покрытую инеем.» (стр. 28)⁷

Предложение ни одним из переводчиков не переводится с инвертированным порядком слов в обоих составляющих. Второе составляющее дается во всех переводах с прямым порядком слов и без сохранения эмфазы, вносимой в него инверсией. Однако в данном случае, на наш взгляд, приемлемо и следующее решение: поместить в начале первого составляющего предикатив, а во второе составляющее ввести конструкцию *there+verb predicate*.

«Calm was all in heaven and on earth, as in the heart of a man at morning prayer; only once in a while there came from the east a cool wind rippling, lifting the horses' manes covered with hour—frost.»

На основании приведенных выше примеров устанавливаем, что утрата эмфатической инверсии компенсируется при переводе следующими конструкциями:

- а) **THERE+VERB PREDICATE**;
- б) предикатив — глагол/связка — подлежащее;
- в) предикатив — вводное местоимение — глагол/связка.

II. Использование отмеченного эмоциональной нагрузкой искомое подлежащего в функции дополнения с целью сохранения его в ударной, с логической точки зрения, позиции.

В ряде случаев инверсия дает Лермонтову возможность акцентировать определенную часть высказывания. Как правило, самая важная часть сообщения дается в самом конце предложения, например:

«Так, томимый голодом в изнеможении засыпает и видит перед собою роскошные кушанья и шипучие вина; он пожирает с восторгом воздушные дары воображения, и ему кажется легче; но только проснул-

ся — мечта исчезает...— остается удвоенный голод и отчаяние!» (стр. 126)⁷

Предложение содержит распространенное, богато окрашенное стилистически, сравнение. Автор вскрывает отношение Печорина к своей неудачной попытке найти место в жизни. Структура предложения характерна для Лермонтова: составляющие даны в такой последовательности, что создается ощущение постепенного накала действия.

Как видим, трудность здесь представляет перевод последних двух составляющих. Главное в данном случае — сохранение на месте заключительные два слова, т. е. подлежащие последнего составляющего, поскольку это даст возможность передать ритм высказывания в целом. В противном же случае предложение в известной степени теряет свою стилистическую окраску, как видно из переводов Паркера и Уиздома, которые в конце выносят глагол/сказуемое:

«I have been like the starving man who falls into a stupor from sheer exhaustion and dreams of luxurious viands and sparkling wines; exultingly he gorges himself on these ephemeral gifts of the imagination, and seems to feel better; but when he awakes the vision is gone ... and redoubled hunger and despair remain!» (p. 185)³

То же можно сказать и о переводах Фута и Мертон, которые помещают в конце предложения обстоятельство:

«I'm like a starving man who falls asleep exhausted and sees rich food and sparkling wines before him. He rapturously falls on these phantom gifts of the imagination and feels better, but the moment he wakes up his dream disappears and he's left more hungry and desperate than before.» (p. 157)⁴

Набоков находит иное, лучшее решение задачи: он дает исконные подлежащие в качестве дополнений и, таким образом, получает возможность сохранить их на месте, вводя подлежащее:

«Thus a man, tormented by hunger and fatigue, goes to sleep and sees before him rich viands and sparkling wines; he devours with delight the airy gift of fancy, and he seems to feel relief; but as soon as he awakes — the vision vanishes. He is left with redoubled hunger and despair.» (p. 159)²

Аналогичным образом поступают Набоков и Уиздом при переводе следующего предложения.

«Я, как матрос, рожденный и выросший на палубе разбойничьего брига; его душа сжилась с бурями и битвами, и, выброшенный на берег, он скучает и томится, как ни мани его тенистая роща, как ни свети ему мирное солнце; он ходит себе целый день по

прибрежному песку, прислушивается к однообразному ропоту набегающих волн и всматривается в туманную даль: не мелькнет ли там на бледной черте, отделяющей синюю пучину от серых тучек, желанный парус, сначала подобный крылу морской чайки, но мало-помалу отделяющийся от пены валунов и ровным бегом приближающийся к пустынной пристани...» (стр. 142)⁷.

Это предложение является как бы концентрацией в восприятии Печорина всего того, о чем повествует роман — раскрывается трагедия героя. Отсюда обилие обособленных определений и эпитетов. С целью раскрытия этой трагедии Лермонтов дает последнее составляющее — самое значительное по содержанию — с инверсией.

При переводе Паркер, Фут и Мертон изменяют структуру предложения следующим образом: подлежащее последнего составляющего дается в качестве дополнения, причем Паркер переводит это составляющее обстоятельством придаточным предложением в рамках предыдущего составляющего, Фут вводит новую подлежащно-сказуемую структуру *he looks*, а Мертон также *he sees*. Вследствие этого, у Паркера, например, предложение звучит так:

«I am like a mariner born and bred on board a buccaneer brig whose soul has become so inured to storm and strife that if cast ashore he would weary and languish no matter how alluring the shady groves and how bright the gentle sun. All day long he paces the sandy beach, hearkening to the monotonous roar of the breakers and gazing into the hazy distance to catch in the pale strip dividing the blue deep from the grey clouds the flash of the long — awaited sail that at first is like the wing of a sea — gull and then gradually stands out from the white of the spray as it steadily makes for its lonely anchorage...» (p. 208)⁸.

Такая перестройка структуры приемлема, но переводы Набокова и Уиздома более близки к оригиналу, так как в них сохраняется как структура, так и стилистическая окраска предложения:

«I am like a sailor born bred on the deck of a pirate brig; his soul has grown accustomed to storms and battles; but, once let him be cast upon the shore, and he chafes, he pines away, however, brightly shines the peaceful sun. The livelong day he paces the sandy shore; hearkens to the monotonous murmur of the onrushing waves, and gazes into the misty distance: lo! yonder, upon the pale line dividing the blue deep from the grey clouds, is there not glancing the longed — for sail, at first like the wing of a seagull, but

little by little severing itself from the foam of the billows and, with even course, drawing nigh to the deserted harbour?» (p. 146)⁵

III. Употребление собственно инверсии в случае, если сказуемое выражено глаголами *stand, sit, rise, be* и некоторыми другими.

«Посередине трещал огонек, разложенный на земле, и дым, выталкиваемый обратно ветром из отверстия в крыше, расстилался вокруг такую пеленою, что я долго не мог осмотреться; у огня сидели две старухи, множество детей и один худощавый грузин, все в лохмотьях». (стр. 12)⁷

Структура предложения при переводе вполне сохраняема, поскольку литературный английский язык допускает употребление структур, в которых вслед за занимающим первое место обстоятельством дано сказуемое, выраженное глаголами *stand, sit, rise, be* и некоторыми другими, а уже за этим сказуемым следует подлежащее. Поэтому в четырех из пяти переводов структура исходного предложения дается без изменений, например:

«In the center there crackled a small fire built on the ground, and the smoke, forced back by the wind from the hole in the roof, spread all around in such a thick pall that, for a long time, I could not see around me...

Around the fire sat two old women, a swarm of children and a lean Georgian man, all of them dressed in tatters.» (p. 18)²

Известно, что в процессе художественного перевода потери неизбежны. Стремясь к полноценному переводу, переводчик вынужден постоянно изыскивать определенные приемы компенсации этих потерь. В данной работе исследовалась лишь одна из проблем синтаксического аспекта художественного перевода. На основании проведенной выше работы мы установили наиболее употребительные приемы сохранения эмфатической функции инвертированного порядка слов в предложении. Очевидно, приемы эти не исчерпывают всех способов художественного перевода предложений с эмфатической инверсией. В каждом отдельном случае переводчик должен находить свое решение, наиболее приемлемое и отвечающее ритмическому рисунку высказывания. И, как показано в работе, возможность такого решения всегда есть.

ЛИТЕРАТУРА И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Федоров А. Основы общей теории перевода. М., 1968.
2. A Hero of our Time. A novel by M. Lermontov. Transl. from Russian by V. Nabokov in collab. with D. Nabokov. N. Y., 1958.
3. A Hero of our Time by M. Lermontov. Transl. by M. Parker. M., 1947.

4. M. L e r m o n t o v. A Hero of our Time. Transl. by P. Foote. Penguin Books Ltd., Lnd., 1966.
5. A Hero of our Time by M. Lermontov. Transl. by J. Wisdom. Y. N., 1924.
6. M. L e r m o n t o v. A Hero of our Time. Transl. by R. Merton. Lnd., 1928.
7. М. Ю. Лермонтов. Герой нашего времени.— В кн.: Проза. Письма. ГИХЛ. М.-Л., 1948.
8. Составляющее — простое предложение, входящее в состав сложно-сочиненного предложения.

Л. М. Иванов
СОГУ

К характеристике модели двойного управления немецких прилагательных Adj. + Dat. + Prap.

Рассматриваемая структура преобладает среди моделей с двойным управлением прилагательных.

Данная модель со «смешанным» (падежно-предложным) управлением заполняется в основном следующими предикативными¹ прилагательными: angst, angst und bange, bange, behilflich bewußt, dankbar, einig, ernst, gelegen, klar (unklar), leid, schade, schlüssig, überlegen, verantwortlich, verbunden, weh.

Анализируемая модель, в зависимости от степени обязательности управляемых членов, обнаруживает следующие типы внутрискруктурной связи:

1) структура с обязательностью обоих членов (заполняется предикативными прилагательными bewußt² и klar при наличии «одушевленного» подлежащего в предложении, предикативным gelegen);

2) структура с обязательностью первого и факультативностью второго члена (заполняется предикативными angst, angst und bange, gelegen);

3) структура с факультативностью обоих управляемых членов (заполняется предикативными прилагательными begilflich, dankbar, einig, ernst, leid, schade, schlüssig, überlegen, weh, verbunden).

Обязательным двойным управлением предикативное прилагательное klar обладает, как уже указывалось выше, лишь при «одушевленном» подлежащем. См. напр.:

Wir mussn uns doch klar darüber sein. (Th. Mann.)
...ish bin mir über Ihre Absicht vollkommen klar.
(A. Scorell). Die Ärzte waren sich über die Krankheit
'nicht klar. (R. Teuschert).

Без второго приадективного члена конструкция не завершена и предложение невозможно. Можно лишь представить себе здесь распространение придаточным предложением: См. напр.:

Doch Zillich war sich schon klar, daß,.. (A. Seghers)

Анализируемое управление предикативного klar резко отличается от факультативного управления klar в безличных предложениях и предложениях с неодушевленным подлежащим типа:

Da wurde mir endlich klar, was ... (A. Seghers).

Das wird jedem klar, der ... (Neues Deutschland).

Nun wurde mir ... der Satz klar ... (J. Becher).

Если предикативное klar в модели Adj.+Dat. относится к наиболее употребительным, то и в модели Adj.+Dat.+Präp оно является наиболее часто встречающимся. Это очень редкий случай большой частоты обязательного и факультативного управления одного и того же прилагательного в пределах единого значения. Случай с klar ясно говорит о том, что категориальные особенности подлежащего могут быть одним из факторов (пусть и нечастых), влияющих на управление прилагательного, входящего в состав данного предложения.

Наибольшую часть примеров двойного управления при klar составляют случаи, сочетающие элементы sich+darüber (содержание последнего раскрывается соответствующими придаточными предложениями или же контекстуально). См. напр.:

Keiner von uns war sich darüber klar, daß ... (Th. Mann). Das deutsche Volk muß sich darüber klar sein. daß ... (Neues Deutschland.)

Примерно в $\frac{1}{5}$ случаев klar выступает в сочетании «im klaren», см. напр.: Ich war mir über meine Gefühle nicht im klaren ... (H. Zinner).

Unklar с двойным управлением встретилось только в сочетании «im unklaren». Er war sich nicht im unklaren darüber, daß ... (J. Becher).

Прилагательное gelegen обнаруживает двойное управление Dat.+an+Dat.÷Das große Reiseprojekt, an dem ihm selbst so viel gelegen war,... (G. Gode).

Выше назывались прилагательные, заполняющие структуру двойного управления с обязательностью первого и факультативностью второго управляемого члена. Приведем примеры реализации данного вида связи:

... jetzt war ihm angst um seine Freiheit. (A. Seghers).
... dann wird mir angst und bange vor dem Spießertum ... (J. Becher).

Факультативность второго управляемого члена при *angst, angst und bange* ведет эти прилагательные к модели Adj.+Dat. что, однако, связано с определенными оттенками в значении прилагательных.

Приведем примеры полного заполнения структуры с факультативностью обоих членов:

Darf ich Ihnen bei Ihrem Gepäck behilflich sein ...?
(Neues Deutschland).

Ich bin Ihnen dankbar für Ihre Hinweise ... (R. Wenk).

... und wir waren uns auch mit Otto einig, daß ... (S. Pitschmann).

Es ist mir todernst damit ... (J. Becher).

Diesem Mann bin ich allerdings an Weisheit überlegen ... (J. Becher).

Связь второго элемента с прилагательными *überlegen* (an+ +Dat.) по-видному, представляет переходную ступень от управления к примыканию.

Любое «усечение» анализируемой структуры (опущение первого, второго управляемого члена или даже обоих вместе) не влияет на семантику управляемого прилагательного.

Прилагательные *behilflich, dankbar, überlegen* чаще всего встречаются в «усечении» структуры с управляемым прилагательным, в то время, как прилагательные *einig* и *ernst* больше тяготеют к двойному управлению.

ЛИТЕРАТУРА И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Двойное управление не характерно для атрибутивной функции релятивных прилагательных.

2. Более характерно для модели Adj.+Dat.+Gen.

Л. А. Иванова
Удм. ГУ

О категориальной принадлежности союзов

В английском языке имеется довольно многочисленная группа языковых единиц, грамматический статус которых остается до сих пор неопределенным. Среди них единицы типа *yet, only, nevertheless, however, still* и другие, выражающие противительные отношения. Они распределяются, как правило, между следующими лексико-грамматическими классами: наречиями, модальными словами, частицами, союзными наречиями и союзами, и рассматриваются как грамматические омонимы, различающиеся между собой по значению и по синтаксической функции¹.

Поскольку, однако, выступая в различных функциях, рассматриваемые единицы сохраняют внутреннюю мотивированность по линии их семантики, то отнесение их к числу лексико-грамматических омонимов не представляется оправданным².

Относя рассматриваемые единицы к одному из перечисленных выше лексико-грамматических классов, лингвисты игнорируют тот факт, что благодаря релятивному характеру своей семантики, они могут выступать в нескольких синтаксических функциях, определяя синтаксическое варьирование слова. Именно критерий характера связи рассматриваемых единиц с остальными конститuentами синтаксической структуры, в которой они выступают, является решающим при определении их синтаксического содер-

жания. Не рассматривая этого вопроса в полном объеме, постараемся определить, в каком синтаксическом окружении они выступают в роли союзов, в каком — в роли наречий.

Языковые единицы *yet, still, only, however, nevertheless* и др. относятся к полифункциональным единицам, которые в зависимости от занимаемой позиции могут выступать в разных синтаксических функциях. Так, выступая в связующей функции, *yet, still, only* занимают определенное грамматическое место, находясь в интерпозиции по отношению к соединяемым компонентам.

Ср.:

1. Ellen and her family were good to him, *still* he resented them, and often compelled to do hateful things. (Capote, p. 12).
2. I should have thrown it up, *only* I'm not in the habit of giving up what I've set my mind on. (Galsworthy, p. 155).
3. The food was unrecognizable as meat or fish, *yet* it tasted extremely well. (Cronin, p. 251).
4. Porlock Street has kept its gas street lamps, *only* there are electric bulbs in them now. (Steinbeck, p. 44).

Занимая другую позицию, *yet, only, still* выступают либо как наречие, либо как усилительная частица, т. е. в качестве модификатора отдельных членов предложения, а не всего компонента в целом: Ср.:

- He saw her, *only* he ignored her.
He saw her, he *only* ignored her.
He saw her, he ignored *only* her.³

Интерпозиция же для других единиц в союзной функции, например, для *however nevertheless*, хотя и возможна, но совсем не обязательна. Более того, не имея закрепленного места в рамках присоединяемого компонента, они могут помещаться после того члена, который является стержнем противопоставления, благодаря чему противопоставление с этими союзами носит более интенсивно выраженный, логически подчеркнутый характер. Например:

1. Their interest rather touched me and made them less remotely rich—*nevertheless*, I was confused and a little disgusted as I drove away. (Eitzgerald, p. 27).
2. The feeling had long been at the bottom of Soames' heart, he had never, *however*, put it into words. (Galsworthy, p. 99).

Поскольку во втором предложении центром противопоставления являются сами глаголы (*had been — had never put*), то

however занимает позицию непосредственно перед смысловым глаголом второго компонента. Ср. также:

Among his sins were bying and stealing and bad thought; disloyalty, however, was not part of his nature. (Capote, p. 81).

Хотя, как правило, сочинительный союз находится между соединительными компонентами, но, как указывает Ш. Балли, «такой порядок, ставший обычным в наших языках, не обязателен: в более архаических языках грамматические связи рассматривались вначале как своего рода излишество и часто отводились на задний план»⁴. Согласно его точке зрения, в современных языках препозиция сочинительного союза не является безоговорочным правилом, хотя все французские сочинительные союзы могут, а некоторые и должны стоять на первом месте. Из возможности постпозиции сочинительных союзов исходили и исходят также и русисты⁵.

Необходимо отметить, что подвижность анализируемых единиц в связующей функции и явление обособления оказываются тесно связанными друг с другом. Обособление есть средство интонационного и графического выделения слова, сигнал выполнения языковой единицей модифицирующей функции всего присоединяемого компонента в целом, а не отдельного его члена, именно поэтому обособление языковых единиц типа *however*, *nevertheless* является обязательным, когда они не находятся между соединяемыми компонентами.

Отсутствие обособления может свидетельствовать также о том, что данные языковые единицы определяют отдельный член предложения и выступают в функции частицы. Например:

He related the incident to Soames however with some malice ... (Galsworthy, p. 285).

Хотя ни одна из существующих в советской англистике семантико-синтаксических классификаций не выделяет разряд противительных наречий⁶, наличие в языке наречий, служащих для выражения противительных обстоятельственных отношений, представляется нам очевидным. Если языковые единицы *still*, *nevertheless*, *however* и др. выступают как союзы при синтаксическом объединении двух предикативных сочетаний (*clauses*), то как наречия они выступают в простых (монопредикативных) предложениях, осложненных полупредикативными формами: герундиальными и причастными оборотами⁷, всякого рода обособленными определениями и т. д.

Ср.:

1. The pocket gopher, with a stomach full to bursting, *still* loads his cheeks like sacks. (Steinbeck, p. 118)
2. Berenice, by no means ready to look upon Cowperwood as an accepted lover, was *nevertheless* gratified that his erring devotion was the tribute of one

able apparently to command thought from the whole world. (Dreiser, p. 575)

3. He grew remote according as his clandestine affairs were drifting or blazing, without, *however*, losing his firm grip on his financial affairs. (Dreiser, p. 153)
4. Being introduced to him casually on this occasion, she was *nevertheless* clearly conscious that she was encountering a fascinating man. (Dreiser, 289).

Рассмотрим следующий пример:

In spite of her pretensions of anger, her sneers and criticism whenever Cowerwood's name came up, she was, *nevertheless*, hopelessly fond of him. (Dreiser, p. 417)

Обстоятельство уступки, выраженное именной группой с предлогом *in spite of*, противопоставляется всей остальной части предложения. Противительное обстоятельственное наречие *nevertheless*, непосредственно относясь к сказуемому в предложении, одновременно определяет и всю последовательность «*She was hopelessly fond of him*» поскольку, как справедливо отмечал Е. Курилович, относится к сказуемому или ко всему предложению — одно и то же, так как сказуемое представляет все предложение⁸.

Специфика семантики позволяет наречию *nevertheless* в рамках простого предложения выступать актуализатором противительных отношений — в функции противопоставления одного члена предложения (обстоятельства) всем остальным его членам.

Таким образом, при определении грамматического статуса рассматриваемых слов не позиция, а *дистрибуция* слов выступает как дистинктивный признак, поскольку с ней связан характер выполняемой функции; модификатора отдельных членов (частица, наречие) или всего компонента в целом (союзная функция).

Постепенное расширение сферы синтаксического употребления наречий, признание за ними возможности определять не только глагол, но и наречие, имя прилагательное, и даже имя существительное (ср. кофе по-варшавски) привело в дальнейшем к признанию способности наречия определять все предложение в целом, «так как обстоятельственные наречия характеризуют ситуацию в целом, они вообще не имеют специфической связи ни с каким словом в предложении, относятся ко всему предложению в целом и не имеют в предложении какого-либо определенного и закрепленного за ними места».⁹

Спецификой противительных наречий является не только функция определения компонента в целом, но и отнесение, связь с предыдущим компонентом, т. е. модифицирующая, связующая функция. Так, расширение синтаксического употребления

наречий привело к логическому включению *союзов, также модификаторов компонента* в целом, в их число. Только при таком понимании категориальной принадлежности союзов становится оправданным сам термин «союзные наречия». Этот термин теряет всякий смысл, если относить наречия и союзы к разным категориальным классам, ибо когда языковые единицы типа *yet, still, only*, как было показано выше, являются наречиями, они не являются союзами. И наоборот, когда они выступают как союзы, они не являются наречиями в их традиционном понимании.

Понятие союзного слова оказывается неприложимым к единицам типа *yet, still, only, however, nevertheless* и др. В традиционной лингвистике союзные слова (союзные местоимения и союзные наречия) понимаются как такие слова, которые, выражая отношение между частями сложного предложения, одновременно являются членами (главными или второстепенными) присоединяемого предложения. Ср.:

I know *who* said it.

I know *where* he lives.

Yet, still, only, however, nevertheless и др. действительно могут выступать и как союз, и как наречие, но в отличие от союзных наречий типа *where, what, how* и т. д. они не могут быть одновременно в одной позиции и союзом, и наречием. Рассматриваемые единицы в союзной функции находятся в отношении *дополнительной* дистрибуции к остальным своим функциям.

В советской англистике А. И. Смирницкий первым выдвинул положение, согласно которому союзы в английском языке, исторически восходя к наречиям, сохраняют эту связь и в синхронном плане, а потому могут рассматриваться не как отдельная часть речи, а как группа слов внутри класса наречия, «как наречия, перешедшие в сферу служебных слов».⁹

К сожалению, этот тезис А. И. Смирницкого остался не до конца разработанным. Тем не менее, предложенные им доказательства категориального тождества предлога и наречия могут быть также использованы и для категориального тождества союза и наречия, а именно: 1) функционируя как союзы, они в то же время материально тождественны наречиям при сохранении семантической связи; 2) материальное тождество союза и наречия представляет собой в языке явление регулярное и широко распространенное.⁹

И не только в английском языке. К такому же выводу о категориальном тождестве наречия и союза приходит В. Н. Шмелев, рассмотревший на материале современного немецкого языка некоторые языковые единицы, «относимые в плане их категориальной принадлежности то к союзам, то к частицам, то к тем и другим».¹⁰ Разные значения, присущие словам типа *allein, bloss, erst, nur* представляют собой, по его мнению, их лексико-семантические варианты, обусловленные разной дистрибуцией

этих слов. В. Н. Шмелев считает, что союзы представляют собой не что иное, как наречия, специализировавшиеся на выполнении функции связи. Согласно его точке зрения, они являются наречиями, потому что имеют семантику того же порядка, что и классические наречия; особым же подклассом наречий союзы являются потому, что это наречия, специализирующиеся только на выполнении функции связи.

Распространенной является такая точка зрения и среди зарубежных лингвистов.¹¹ Как отмечал Е. Курилович, союзы являются словами с самостоятельной синтаксической функцией только в той мере, в какой они сохраняют наречное значение.⁸

Включение же союзов в класс наречий приведет к ликвидации определенной дискриминации в отношении наречий и признанию за ними возможности выступать, подобно другим частям речи (существительному, прилагательному, местоимению, глаголу) в нескольких синтаксических функциях, в частности, во вторичной синсемантической функции связки, подобно тому, как глагол может выступать синсемантическим элементом в функции глагольной связки.

ЛИТЕРАТУРА И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Жигадло В. Н., Иванова И. П., Иофик Л. Л. Современный английский язык. М., 1976; Кобринна Н. А. К вопросу о «союзных наречиях» в современном английском языке.— В кн.: «Ученые записки педагогического института им. Герцена», т. XXI, вып. 1, Л., 1956; Поляков И. Г. Состав и функционально-семантическая классификация выделительных частей в современном английском языке.— В кн.: «Ученые записки», Сборник 36, Свердловск, 1966.

2. Тышлер И. С. О проблемах омонимии в английском языке. Автореферат канд. дис., М., 1966

3. Примеры заимствованы из статьи S. Chatman. English Sentence Connectors. «Studies in languages and linguistics in honor of Ch. Fries. Ann Arbor, 1964.

4. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955.

5. Крючков С. Е., Максимов Л. Ю. Современный русский язык. Синтаксис сложного предложения. М., 1969.

6. Почепцов Г. Г. К вопросу о классификации наречий английского языка.— В сб.: «Ученые записки МГПИИЯ», т. VII, 1955; Капитонова Т. И. Проблема классификации наречий современного английского языка.— В кн.: «Ученые записки Вологодского государственного педагогического института», т. XXVII, Вологда, 1961.

7. Камынина А. А. О полупредикативных конструкциях в простом предложении. Изд-во МГУ, 1974.

8. Курилович Е. Очерки по лингвистике. М., 1962.

9. Смирницкий А. И. Морфология английского языка. М., 1959.

10. Шмелев В. Н. О категориальной принадлежности слов типа *allein, bloss, erst, nur*. ФН, 1965, № 4.

11. Есперсен О. Философия грамматики. М., Otto Jespersen. *Modern English Grammar on Heidelberg*, 1914, p. 15. J. L. F. Nilsen. *English Adverbials* Monton. The Hague, Paris, 1972, p. 24.

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

1. Cronin — Cronin A. *The Citadel*. М. 1957.
2. Dreiser — Dreiser Th. *Titan*. М. 1958.
3. Fitzgerald — Fitzgerald S. *This Side of Paradise*. 1965.
4. Steinbeck — Steinbeck J. *The Winter of Our Discontent*. L., 1964.

А. З. Комаева
СОГУ

**Лексико-семан-
тические вари-
анты в семан-
тической
структуре гла-
гольных образо-
ваний с первым
компонентом
over-**

При анализе морфологической структуры слова необходимо учитывать не только факт наличия в нем фонетических и структурных, но и смысловых особенностей.

Исследуя семантическую структуру образований с первым компонентом наречного характера, а именно, с первым компонентом *over-* мы исходим из тех положений, которые предложены И. В. Арнольд. Так, автор предлагает при сравнении трансформ одного и того же слова определить, которая из них является ядерной, а которая имеет подчиненный характер. Выражает ли второй вариант трансформы более сложное (с большим числом признаков) или более узкое (с меньшим объемом) значение. В этом случае второй и последующие варианты будут занимать уже не ядерную, а подчиненную позицию.¹

Однако следует отметить, что в семантической структуре возможно не только ядерное с подчиненным ему значением, но, как отмечает О. Н. Пономарева, возможен такой тип структуры многозначных слов, который характеризуется наличием нескольких главных (ядерных) значений, находящихся в сочинительном отношении между собой. Автор называет эти значения «автономными». Хотя ни одно из значений не мотивирует другое, они обладают общностью. Каждое из главных значений может иметь свое подчиненное.²

В одном случае возможно

одно или несколько подчинительных значений первой, второй и т. д. степеней при одном ядерном; в другом случае возможно сочинительное отношение между ядерными значениями. Кроме того, возможно и соподчинение. Понятия называются соподчиненными, если они одинаково подчинены родовому значению. В случае отсутствия подчинения видового понятия родовому наблюдается сочинительное понятие. Однако в последнем случае необходима понятийная связь между ядрами, ибо при ее отсутствии следует говорить об омонимичных словах с разными семантическими структурами. Так, например, наличие сочинительной связи возможно в том случае, если при одном и том же значении глагольной основы присутствуют разные значения *over-*.

Как отмечает И. В. Арнольд, выбор основного варианта значения представляет большие трудности, т. к. не всегда первый вариант, данный в словарной статье, является основным. При выборе основного варианта автор предлагает ориентироваться на этимологическое значение. Несмотря на то, что такой выбор включает в себя элементы диахронии, он представляется наиболее приемлемым, т. к. «он объективен, уже подготовлен предыдущими научными исследованиями и, как показала практика, позволяет вскрыть связи, существующие в семантической структуре».³

При определении семантической структуры мы основываемся на данных словарей и принимаем за основу, что «слово имеет то число лексико-семантических вариантов, которое указывает словарь».⁴ Нам представляется возможным при наличии у слова одного лексико-семантического варианта рассматривать его как слово с простой семантической структурой, независимо от того, какие значения это слово имеет в контексте. Если же слово имеет несколько лексико-семантических вариантов, то такое образование следует квалифицировать как слово со сложной семантической структурой. В последнем случае необходимо выяснить, каковы отношения между лексико-семантическими вариантами.

Начиная анализ семантической структуры глаголов с первым компонентом *over-* следует отметить, что подавляющее большинство является мотивированными образованиями. Однако среди них есть такие глаголы, в которых наблюдается затемненность семантики первого компонента: *to overlook*, *to oversee*, *to overseach*, *to overpeer*, *to overhear*, *to overlisten*.

Как видно из примеров, данные глаголы, хотя и не являются идиоматическими образованиями, но в смысловом отношении очень к ним приближаются.

Известно, что идиоматическими называются такие слова, у которых значение не выводится из значений составляющих его компонентов. Если же значение всего слова вытекает из значения составляющих — оно не идиоматично. Идиоматичность не-

редко приводит к историческому изменению структуры слова, так называемому опрощению (night-mare). Глаголы, представленные выше, квалифицируются нами как слова с затемненной мотивировкой, т. к. значение их не может быть выведено из значений составляющих компонентов. Ярким примером может служить глагол to overhear «прослушать», «подслушать». В данном слове четко выделяются его составные over- и hear. Совершенно прозрачно значение второго компонента -hear, но значение over- остается непонятным:

to overhear —

- 1) to hear (speech) that is not intended to reach one's ears;
- 2) to hear (a speaker) without his intention on knowledge.

Аналогичный результат получен и в глаголе to overlisten:

to overlisten —

- 1) to listen so as to overhear;
- 2) to listen to (a speaker or what is spoken);
- 3) without the speaker's knowledge or consent);

Слова эти являются синонимами, о чем свидетельствует объяснение глагола to overlisten с помощью глагола to overhear. Судя по трансформациям объяснения, первый компонент имеет значение скрытого действия, действия, совершенного по секрету. Как отмечают авторы «Грамматики современного русского литературного языка», префикс может иметь значение «тайно, скрыто совершать действие, названное мотивирующим глаголом (подсказать — тайно сказать, подсмотреть, подговорить.⁵ В анализируемых нами глаголах наблюдается аналогичная картина. Для over- такое значение, т. е. значение скрытого действия не характерно, что позволяет квалифицировать эти глаголы как образования, в которых первый компонент демотивирован. Несмотря на демотивированность первого компонента, все перечисленные глаголы учтены при структурном анализе.

О некоторой демотивировке, вероятно, можно говорить и в глаголах to overlook, to oversee. Демотивировка первого компонента проявляется не во всем глаголе в целом, а только в ряде его лексико-семантических вариантов:

to overlook —

- 2) to look over and beyond and thus not see;
- 4) to look upon with «the evil eye», to bewitch:

to oversee —

- 2) to see against the intention or without the knowledge of the person seen;

- 3) to fail or omit to see or notice (through inattention or inattentionally).

В остальных лексико-семантических вариантах семантика определяется четко:

to overlook —

- 1) to look over the top of, as as to see what is beyond;
3) to look down upon, to survey from above or from a higher position;

to oversee —

- 1) to look down upon, look at from (or as from) a higher position; to overlook.

При анализе семантической структуры образований с первым компонентом *over-* мы, как было отмечено выше, исходим из количества лексико-семантических вариантов слов.

Как показал материал, большинство глаголов с первым компонентом *over-* имеет по одному значению, т. к. словарная статья в них представлена одним вариантом. Слова, данные Standard Dictionary списком в количестве 80 лексических единиц и представленные без трансформаций объяснения, рассматриваются нами как образования, имеющие по одному значению. Таких глаголов, которые имеют по одному значению, насчитывается 165 и 235, что позволяет определить образования с первым компонентом *over-* как слова, для которых характерна простая семантическая структура:

- to overbeat — to beat down; to put down; overthrow;
to oversoar — to soar above; fly over;
to overflutter — to flutter over.

Нередко словарная статья выделяет лексико-семантические варианты одного и того же слова индексами *a, b, c...* или *1, 2, 3...* Однако эти значения, как нам представляется, следует рассматривать не как лексико-семантические варианты, а как оттенки одного значения. Под оттенками, вслед за И. В. Арнольд, мы понимаем семантические различия, «которые при прочих равных условиях, зависят от разного наполнения структурно одинаковых моделей».¹ К таким образованиям, как правило, относятся глаголы, обладающие значениями переходности и непереходности при одном и том же значении как первого, так и второго компонента:

to overleap —

- 1) tr. to leap over smth.;
2) intr. to leap over;

to overflow —

- 1) tr. to flow over smth.;
2) intr. to flow over.

Такие глаголы, вероятно, можно квалифицировать как слова с простой семантической структурой.

В то же время, в ряде глаголов лексико-семантические ва-

рианты не имеют индексов. Несмотря на это, они рассматриваются нами не как слова с оттенками, а как слова со сложной семантической структурой:

- to overtorture — to overcome with torture;
to torture beyond endurance;
to overweep — to sweep over or across (a surface, boundary, etc.); to pass over with a sweeping motion;
to overwash — to wash or flow over smth; to lave or bathe by flowing over;

В глаголе to overtorture первый компонент имеет два значения. Подобные слова рассматриваются нами как двоядерные образования. В первом ядре over- выражает превосходство, а во втором — чрезмерность. При этом глагольная основа имеет одно и то же значение. Таким образом, при одном и том же значении глагольной основы присутствуют разные значения первого компонента. В глаголах to oversweep, to overwash также по два ядра, но в них первый компонент имеет направительное значение, а вторые компоненты имеют разные значения. Так, глагольная основа -sweep имеет значение «простирается» и «пронестись», а глагольная основа -wash «течь» и «смыть». Таким образом, over- в одном и том же значении в последних двух глаголах сочетается с основами to sweep, to wash в разных значениях.

Глаголы, имеющие несколько лексико-семантических вариантов, могут быть квалифицированы как многозначные слова с двумя ядрами (или автономными центрами). Каждый из этих ядерных центров, находясь в сочинительном отношении друг к другу, может относиться к разным семантическим рядам нашей квалификации, как-то, с первым компонентом, выражающим чрезмерность, превосходство или пространственные отношения:

- to overspeak — 1) to speak too strongly;
2) to surpass or outdo in speaking;
to overwarm — 1) to swarm to excess; to assemble in or grow to too great a swarm or crowd;
2) to swarm over (a place or region); to spread over or cover with a swarm or multitude;
to overmarch — 1) to march (soldiers) too far or too long;
2) to march over or beyond; pass over in marching;
to overplay — 1) to play too much;
2) to surpass or overcome in playing; to play better than, and so gain the victory over.

Как свидетельствуют трансформации объяснения, в этих глаголах наблюдается сочетание первого компонента в разных значениях с глагольной основой в одном и том же значении.

Так, в глаголе *to overspeak* при одном и том же значении второго компонента наблюдается два значения первого. В первом значении анализируемого глагола *over-* выражает чрезмерность, а во втором — превосходство. Так как глаголы с префиксом *over-*, имеющим значения чрезмерности и превосходства нами рассматриваются как две самостоятельные модели, нам представляется правомерным квалифицировать слова, в семантике которых они встречаются как ядерные. Глагол *to overspeak* и является примером слова с двумя ядерными значениями.

Аналогично следует анализировать и глагол *to overplay*, где второй компонент также имеет одно значение в обоих лексико-семантических вариантах, а первый компонент выражает чрезмерность и превосходство:

to overplay —

- 1) *to play too much*;
- 2) *to surpass or overcome in playing; to play better than, and so to gain the victory over.*

При анализе глаголов *to overwarm*, *to overmarch* наблюдается следующее:

to overmarch —

- 1) *to march (soldiers) too far or too long*;
- 2) *to march over or beyond; pass over in marching*;

to overwarm —

- 1) *to swarm to excess; to assemble in or grow to too great a swarm or crowd*;
- 2) *to swarm over (a place) or region, to spread over or cover with a swarm or multitude.*

Общим для глаголов *to overwarm*, *to overmarch* является сочетаемость значений глагольных основ с одним и тем значением *over-*, а именно, со значением чрезмерности (1) и пространственным значением (2). Эти глаголы, подобно предыдущим двум, квалифицируются как слова с двумя ядерными значениями, которыми являются каждый из лексикосемантических вариантов.

В современном английском языке не все модели являются продуктивными. Так, например, глаголы, в которых *over-* имеет значение превосходства или выражает пространственные отношения, потеряли продуктивность и находятся на пути архаизации. И, наоборот, глаголы с префиксом *over-* в значении чрезмерности являются не только весьма активными, но и продуктивными. Префикс в значении чрезмерности способен сочетаться с разного рода глагольными основами. О продуктивности модели с *over-*, выражающим чрезмерность и архаизации моделей с *over-*, выражающим пространственные отношения и превосходство говорят и количественные данные. Так, глаголов с *over-*, выражающим чрезмерность — 235, глаголов с *over-*, выражающим пространственные отношения — 63, глаголов с *over-*, выражающим эмфазу — 16. Таким образом, «чем однозначнее семан-

тика префикса, тем выше степень продуктивности префиксально-словообразовательной модели».⁶

При утрате одного или нескольких лексико-семантических вариантов слово в современном английском языке квалифицируется как образование с одной семантической структурой. Таких случаев среди анализируемых образований довольно много: *to overwater* —

- obs. 1) to water thoroughly;
- rare 2) to cover with water;
- 3) to water too much;

to overween —

- 1) to have too much expectation or too high an opinion of oneself;
- obs. 2) to think too highly;
- obs. 3) to think too highly of;

to overread —

- obs. 1) to read over, to read through;
- obs. 2) to read over again;
- obs. 3) to exceed or outdo in reading;
- 4) to read too much.

to oversize —

- obs. 1) to size over; cover over with size;
- 2) to size too much;

to overprize —

- 1) to prize, esteem or value too highly;
- obs. 2) to exceed or surpass in value;

to over-abound —

- obs. a) abound more, be more plentiful;
- b) to abound too much with or in smth.
- obs. c) to surpass in abundance;
- obs. d) to abound all over.

Как видно из примеров, отмирают либо оттенки одного значения *to overwater* (1), *to overween* (2, 3), либо значение превосходства *to overread* (3), *to overprize* (2), которое для *over* в современном английском языке не характерно, либо значение пространственного отношения *to oversize* (1), *to overbound*.

А теперь перейдем к анализу отношений лексико-семантических вариантов многозначных глаголов.

to overpower —

- 1) to overcome with superior power, or force (physical or moral); to reduce submission, to subdue; defeat; vanquish; master;
- 2) to render (a thing, agency, quality, material) ineffectively, etc., imperceptible by excess of force or intensity;

- 3) to overcome by intensity (as fatigue emotion etc.); to be too intense or violent for; «to be too much for», to crush; to overwhelm.

В слове to overpower одно ядерное значение (первое) с двумя последовательно подчиненными (второе и третье).

Приняв первое значение за ядерное, нам представляется правильным второе значение определить как подчиненное, т. к. этот лексико-семантический вариант является более сложным, т. е. с большим числом компонентов, но более узким по сравнению с первым. В свою очередь, третье значение выступает как подчиненное по отношению ко второму, т. к. оно имеет общие с ним компоненты.

Одним из наиболее сложных по своей семантической структуре является глагол to overcome, который имел 15 значений, но в связи с тем, что девять из них устарели, в современном языке он имеет только шесть значений:

to overcome —

- 1) to overcome; prevail over, overwhelm; conquer; defeat; get the better of in any contest or struggle;
- 2) to be victorious; gain victory; conquer;
- 3) of some physical or mental force or influence; to overpower; to overwhelm; to exhaust; to render helpless to affect or influence excessively with emotion;
- 4) to worry too much about (a subject) or obstacle); to recover from (ablow, disaster, etc.)
- 5) to come or spread over; to overrun; to cover;
- 6) «to come to», «to come round», recover.

В первых трех лексико-семантических вариантах over- выражает превосходство: в пятом лексико-семантическом варианте выражает пространственные отношения, четвертый и шестой имеют переносное значение «преодолеть», «прийти в себя» и связаны с третьим лексико-семантическим вариантом. Первый лексико-семантический вариант является ядерным на современном этапе развития языка, а второй — подчиненным. Некогда ядерное значение представляло подчиненное значение по отношению к тем ядрам, которые вышли из употребления. Третий лексико-семантический вариант является подчиненным по отношению к первому ядру, как видовое к родовому. Подчиненность тому или иному ядру устанавливается как с помощью дополнительных компонентов в лексико-семантических вариантах, так и с помощью этимологических данных. Так, первое ядерное значение появилось в 893 году, подчиненное ему второе значение —

в 1325 году, а третье значение появилось в 1050 году на базе первого ядра.

to overwrite —

- 1) to write smth. over another writing;
- b) to write over (a surface), to cover with writing;
- 2) to write over again, to re-write;
- 3) to write too much;
- 4) to whine too much about (a subject).

В слове *to overwrite* три ядерных значения (первое, второе и третье). Первое и третье ядерные значения имеют еще и подчиненные значения. Подчиненными значениями для первого ядра является значение «в», а значение «4» подчиняется третьему ядру. Каковы же отношения между всеми приведенными лексико-семантическими вариантами? Так, согласно семантике *over-*, первое ядерное значение относится к группе глаголов, в которой *over-* выражает пространственные отношения. Значение «в» рассматривается нами как подчиненное, поскольку общее для обоих значений сочетание *to write over* имеет еще и дополнительный компонент *a surface*, что является характерным для этого значения, т. е. это значение обладает большим количеством компонентов, оно более узкое по сравнению со значением, с которым связано. Во втором ядерном значении *over-* имеет уже не пространственное значение, а выступает в роли компонента лексикализованного сочетания и дополнительный компонент *again* придает отличное от первого ядерного понятие. В третьем ядерном значении *over-* выражает чрезмерность, т. е. это значение отличается от первых двух ядерных. В свою очередь, третье ядерное значение имеет подчиненное, в котором имеется дополнительный компонент *about a subject*, отличающий его от ядра. Последние два лексико-семантических варианта различаются в синтаксическом плане.

to overrun —

- 1) *to run over, smth.:*
 - 1) to flow over, to overflow;
 - 2) to ride or rove over (a country as a hostile force and so to harry and destroy);
 - 3) to vermin, weed, etc.: to grow or spread over rapidly, to cover;
 - 4) to spread of injuriously, infest, infect, widely, etc.
 - 5) to run over, to overflow (said of a liquid or the containing vessel); to be superbound or excessive.
- II — *to surpass in running, to run beyond:*
 - 6) to run faster than, outdo in running;
 - b) to run away from;

- 7) to run faster than or beyond (a certain point, a limit, etc.);
- 8) *printing* — to carry over words on lines of type into another line or page to provide the addition of new matter or the removal of matter already compassed.

В глаголе *to overgrip* выделяется три ядерных значения: первое, второе и восьмое. Каждое из этих ядерных значений имеет свои подчиненные. Так, первое ядро имеет пять подчиненных значений, а второе — четыре.

Первый, второй, третий и четвертый лексико-семантические варианты подчиняются ядру как родовое видовому, т. к. они представляют собой сочетание разных значений глагола *grip* с *over-*. Пятый лексико-семантический вариант нам представляется правильным рассматривать подчиненным не ядру, а первому лексико-семантическому варианту, т. к. они объединены одинаковыми компонентами *overflow*, но в последнем есть дополнительные компоненты, отличающие его от значения, которому он подчиняется *said of a liquid or containing vessel*.

Таким образом, в первом ядре наблюдается четыре подчиненных значения первой степени, одно — второй степени.

Интересно отметить, что в большом ряду лексико-семантических вариантов подчас один из них носит терминологический характер. Так, в слове *to overblow* пятый лексико-семантический вариант является музыкальным термином: *to blow or play (a pipe or wind instrument) with such force as to produce a harmonic or overtone instead of fundamental note*; седьмой лексико-семантический вариант глагола *to overcast* — спортивный термин: *to cast beyond the jack*, а четвертый — термин швейников: *to throw rough stitches over a raw edge of cloth, to prevent unrevelling*. В слове *to override* — медицинский термин: *to overlap, as when the bone is fractured and one piece slips over the other*.

Таким образом, *over-* сочетается с примерными основами и основами отыменных глаголов.

В семантическом плане в глагольных образованиях с первым компонентом *over-* доминирует простая семантическая структура. Наличие двух, трех и более лексико-семантических вариантов для анализируемых глаголов малохарактерно. Глаголы с первым компонентом *over-* тяготеют к одноядерной семантической структуре. *Over-* в этом случае сочетается с простой глагольной основой.

ЛИТЕРАТУРА И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Арнольд И. В. Семантическая структура слова в современном английском языке и методы ее исследования. М., с. 93.

2. Пономарева О. Н. К вопросу о смысловой структуре имен прилагательных в современном немецком языке.— В сб.: «Вопросы романо-германского языкознания», вып. II, часть I. Челябинск, 1967, с. 84.

3. Арнольд И. В. Семантическая структура слова в современном английском языке и методы ее исследования. Л., с. 78.

4. Арнольд И. В. Семантическая структура слова в современном английском языке и методы ее исследования. Л., с. 31.

5. Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970, с. 268.

6. Халилова Ю. Опыт исследования продуктивности префиксов в современном английском языке. М., 1969, с. 24.

Проблема перевода волнует писателей и критиков с незапамятных времен. Несомненно, перевод всегда играл важную роль в развитии человеческой мысли. Именно благодаря переводам мы знакомимся с шедеврами мировой литературы, произведениями великих мастеров слова, внесших огромный вклад в развитие мировой литературы.

А. С. Пушкин, называя переводчиков «почтовыми лошадами просвещения»¹, не только высоко ценил искусство мастеров перевода, но и облакал их высокой ответственностью перед автором переводимого произведения. В процессе своей работы переводчик не только не должен пропустить ничего важного, существенного, но и не добавлять отсебятины, не засорять его оригинал. Переводчик должен превратиться в стекло — он есть, но его не видишь.

В полной мере сказанные выше слова можно отнести к поэту-переводчику. Излишне еще и еще раз подчеркивать трудность перевода поэтических произведений. Ведь здесь нужно не только донести до читателя художественные особенности оригинала, но и сохранить форму художественного произведения: метрическую организацию, рифму, сам ритм подлинника. Конечно, вряд ли Шекспир, создавая свои бессмертные произведения, считал количество строк в строфе. Но здесь нельзя не отметить, что у великих мастеров форма не есть вещь про-

Т. А. Ледовская
СОГУ

Варианты сохранения равнострочия при переводе на русский язык стилистических приемов оригинала

(На материале перевода поэмы Дж. Байрона «Дон Жуан»).

извольная, не связанная с самим духом произведением. Вот почему перемена формы, искажение ее непременно влечет за собой утрату духа произведения.

Задача поэта-переводчика усложняется еще и разницей в средней длине русских и английских слов. В результате проведенных исследований было выяснено, что средняя длина слова русского поэтического текста — 2 слога, английского — 1,28 слога. То есть, автору русского перевода английского поэтического произведения нужно почти вдвое «сузить» строку оригинала, чтобы сохранить тождественное оригиналу количество слогов в строке, не нанося при этом ущерба лексической оформленности подлинника, принося в жертву лишь лексические единицы второстепенной важности. Задача, скажем, не из легких, тем более, что отбор лексических единиц в поэтическом произведении еще более тщателен, чем в прозе, и выделить, что в произведении главное, а что второстепенное по плечу лишь настоящему мастеру, в совершенстве владеющему сложным искусством перевода.

Говоря о языке поэтического произведения, нельзя не отметить, что он всегда изобилует стилистическими средствами. Автор, передавая свои мысли и чувства, использует эпитеты, метафорические выражения, другие образные средства языка. В данной статье рассматриваются некоторые способы перевода стилистических средств с английского языка на русский в рамках сохранения эквилинеарности.

Материалом для исследования послужила поэма Дж. Байрона «Дон Жуан» и ее русский перевод, выполненный Т. Гнедич². Наш выбор не случаен. Уже в начале 19-го века это произведение выдающегося представителя английского романтизма стало известно в России благодаря переводам поэмы на русский язык. Одним из первых авторов поэтического перевода «Дон Жуана» был П. Козлов. К бессмертному произведению Байрона продолжали обращаться и в наши дни. Одним из лучших переводов считается перевод, выполненный Г. Шенгели. Среди наиболее удачных в лексическом отношении переводов поэмы необходимо назвать перевод Т. Гнедич. Этот перевод наиболее точно передает лексическую оформленность произведения, не нарушая при этом принципа сохранения эквилинеарности. Поэтому, исследуя методы перевода стилистических средств с английского языка на русский, мы остановились именно на этом переводе.

Из всех стилистических средств, использованных Дж. Байроном в поэме «Дон Жуан», чаще всего используются эпитеты. Это и понятно, так как через тот или иной эпитет автор выражает свое отношение к предмету, о котором идет речь. Каковы же варианты перевода эпитета?

1. Чаще всего при переводе эпитетов Т. Гнедич прибегает к приему «компрессии», то есть заменяет эпитет и определяемое

им слово существительным, которое полностью передает значение переводимого словосочетания:³

- а) *Dead scandals* form good subject for dissection.
(«Don Juan», p. 19)

Шумиха только славу создает.

(«Дон Жуан», стр. 48)

- б) Those *lonely walks* and lengthening reveries,
Could not escape the gentle Julia's eyes;

(«Don Juan», p. 35)

От Юлии укрыться не могли
Его томленье и его *скитанья*.

(«Дон Жуан», стр. 36)

2. Иногда, если переводчица не находит в русском языке слова, способного компенсировать сочетание «эпитет+определяемое слово», она переводит эпитет оригинала, «жертвывая» при этом менее значимыми лексическими единицами:

- а) A n d n o w determined that a *virtuous* woman
Should rather face and overcome temptation,

(«Don Juan», p. 30)

Должна ли *добродетельная* леди
Пугливо избегать от искушенья?

(«Дон Жуан», стр. 31)

- б) You 're *shabby* fellows — t r u e — but poets still,

(«Don Juan», p. 7)

Народ вы *жалкий*, хоть поэты всё же.

(«Дон Жуан», стр. 8)

Как видно из приведенных выше примеров, значение определяемого слова несколько изменяется в процессе перевода («woman» — «леди», «fellows» — «народ»). Такой перевод вполне оправдан, так как слова «леди» и «народ» содержат меньше слогов, чем русские эквиваленты английских слов «woman» и «fellows».

3. Только в самых крайних случаях Т. Гнедич не переводит эпитет:

a) Young Juan wander 'd by the *grassy* brooks,
(«Дон Жуан», р. 89)

Жуан мечтал, блуждая по лугам,
(«Дон Жуан», стр. 90)

б) That even its *grossest* flatterers dare not praise.
(«Дон Жуан», р. 9)

Льстецов твоих — и тех смолкает хор.
(«Дон Жуан», стр. 10)

При переводе метафорических выражений происходит обратное. А именно:

1. Чаще всего данный стилистический прием не переводится:

a) Arras they prick 'd and curtains with their swords
And *wounded* several shutters, and some boards.
(«Дон Жуан», р. 142)

Потом еще *потыкали* с отвагой
Во все диваны и подушки шпагой.
(«Дон Жуан», стр. 143)

б) ...such a thought *should cross her brain*.
(«Дон Жуан», р. 32)

Подобный случай ей не *представлялся*.
(«Дон Жуан», стр. 33)

в) A *nest of* tunal persons...
(«Дон Жуан», р. 4)

Поют *десятки* мелких голосов.
(«Дон Жуан», стр. 5)

Еще редко метафора сохраняется:

a) ...*pandering* blindly to his own disgrace,
By *harbouring* some dear friend...
(«Дон Жуан», р. 36)

А окружают лаской и приветом
Какого-нибудь друга...

(«Дон Жуан», стр. 37)

При этом «приносятся в жертву» многие лексические единицы оригинала, а иногда и целая строка.

Олицетворения, встречающиеся в поэме «Дон Жуан», либо не переносятся в русский перевод:

And *love is taught* hypocrisy from youth.

(«Don Juan», p. 29)

Так учится притворству *молодежь!*

(«Дон Жуан», стр. 30)

либо заменяется эпитетом, который компенсирует значение олицетворения:

Miss Edgeworth's novels *stepping from its covers*,

(«Don Juan», p. 15)

Как Эджуорт *ожившие* романы,

(«Дон Жуан», стр. 16)

Из менее часто употребляемых в романе образных средств можно назвать перифразу и метонимию. При англорусском поэтическом переводе перифраза в большинстве случаев не сохраняется, т. к. ее сохранение потребовало бы значительного удлинения строки или же больших «жертв» лексических единиц:

a) So far above the *cunning power of hell*

(«Don Juan», p. 15)

И к слову *искушенья* непреклонный

(«Дон Жуан», стр. 16)

b) Transferred to gorge upon *a sister's shore*,

(«Don Juan», p. 5)

Ты в *Англии* свободу придушил.

(«Дон Жуан», стр. 6)

Метонимия же в большинстве случаев сохраняется:

'T is sweet to know there is *an eye will mark*
Our coming...

(«Don Juan», p. 42)

Где просветлеют лица и сердца
Навстречу нам...

(«Дон Жуан», стр. 43)

Мы рассмотрели лишь некоторые способы перевода на русский язык наиболее часто встречающийся в поэме «Дон Жуан» стилистических средств. Конечно, данные методы далеко не ограничивают все возможности, которыми располагает поэт-переводчик. Выбор тех или иных вариантов передачи образных средств поэтического языка оригинала с сохранением равносложия зависит от мастерства и таланта поэта-переводчика. Одно остается важным и неизменным — чтобы выбрать наиболее адекватную замену, нужно не только глубоко знать язык оригинала, но и прекрасно ориентироваться в богатстве образных средств родного языка.

ССЫЛКИ НА ЛИТЕРАТУРУ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Русские писатели о переводе. Л., «Советский писатель», 1960.

2. G. G. Vugon. «Don Juan», Moscow, «Foreign Language Publish», 1948.

Дж. Байрон. «Дон Жуан», М., «Художественная литература», 1974, (перевод Т. Гнедич).

3. Способы перевода стилистических средств излагаются по принципу убывающей частоты.

А. Н. Лисс
ОГПИ

Выявление оптимальных вариантов значений фразеологизмов для отбора эквивалентно-адекватных единиц в разносистемных языках

Несмотря на большое количество фразеологических словарей, справочников и пособий, изданных за рубежом и в нашей стране, вопросы отбора фразеологических единиц не получили широкого освещения.

Если критерии для отбора слов и фразеологизмов на уровне словосочетания разрабатывались лингвистами и методистами, то отбор пословичных фразеологизмов оставался вне поля их зрения. В практике же преподавания как в школе, так и в специальном вузе эти вопросы решаются отдельными преподавателями или авторами учебников в значительной степени субъективно.

Мы поставили перед собой цель — отобрать пословичные фразеологизмы для языкового факультета, исходя из следующих принципов:

1. Учета сопоставительных отношений на уровне содержания пословичных фразеологизмов английского, русского и киргизского языков, с целью их использования для обучения студентов английского отделения факультета иностранных языков, выявления оптимальных вариантов значений фразеологизмов для отбора эквивалентно-адекватных единиц в разносистемных языках.

2. Частотности появления их в прозаических и драматургических произведениях английских и американских писателей.

Большую помощь в этом отношении могли бы принести частотные словари. Существу-

ет много словарей такого типа, в которых «отбираются, собираются и располагаются в определенном порядке слова, обладающие наиболее общим значением, наиболее высокой сочетаемостью и потому несущие на себе основную текстообразовательную нагрузку, т. е. обладающие наибольшей текстообразовательной способностью». (1).

Есть также единственный в своем роде сопоставительный частотный словарь четырех языков, содержащий 6,5 тыс. наиболее частых слов английского языка с указанием частоты его эквивалентов в немецком, французском и испанском языках. (2).

Однако до сих пор нет частотного словаря фразеологических единиц английского языка, а тем более сопоставительного частотного фразеологического словаря родственных языков.

Мы попытались на основе сравнительно-типологического анализа пословичных фразеологизмов английского, русского и киргизского языков выявить соответствия и различия в планах содержания, морфологическом и функционально-позиционном.

Основным материалом, на котором основывалось наше исследование, являлись, во-первых, фразеологические словари английского языка, сборники и словари английских, русских и киргизских пословиц и поговорок (40 книг); во-вторых, киргизско-русский и русско-киргизский словарь К. К. Юдахина (3); в-третьих, учебные пособия английского языка для спецвузов (свыше 20); в-четвертых, прозаические и драматургические произведения английских и американских авторов (85 произведений); в-пятых, книги киргизских писателей, а также произведения английской и американской литературы в переводах на киргизский и русский язык (36 книг); книги русских и киргизских писателей в переводе на английский язык (15 книг); газеты и журналы, издающиеся на английском, русском и киргизском языках.

Исходя из сопоставительно-типологического анализа можно выделить пословичные фразеологизмы, отражающие общечеловеческий опыт, а также оригинальные пословичные фразеологизмы, свойственные либо только английскому, либо только русскому или киргизскому.

Основываясь на общности и различиях смысла пословичных фразеологизмов в исследуемых языках (план содержания), мы установили следующие типологические отношения фразеологизмов в английском, русском и киргизском языках:

1. ПФ, в основе которых лежит общий для 3-х языков образ;
2. ПФ, в основе которых лежит общий для родного и изучаемого иностранного языка образ;
3. ПФ, в основе которых лежит общий для русского (неродного) и изучаемого иностранного языка образ;
4. ПФ, в основе которых лежит различный для родного и изучаемого языка образ.

При сопоставлении английских пословичных фразеологизмов

с их русскими и киргизскими эквивалентами и адекватными для отбора оптимальных вариантов выделяются следующие типы отношений:

а) эквивалентность (полное соответствие) фразеологизмов в сопоставляемых языках,

б) адекватность (источное соответствие) фразеологизмов в сопоставляемых языках,

в) отсутствие фразеологических соответствий для данного фразеологизма в сопоставляемых языках.

Опираясь на вышесказанные исходные лингвистические данные, всевозможные комбинации соотношений фразеологизмов с их русскими и киргизскими эквивалентами и адекватными, можно выделить следующие типы отношений.

Если рассматривать число комбинаций отношений типа английский ПФ = русскому ПФ эквиваленту = киргизскому ПФ эквиваленту и английский ПФ = русскому ПФ адекватно = киргизскому ПФ адекватно как сочетание из 3-х элементов по 3 в символической записи C_3 . Количество комбинаций отношений типа эквивалент = эквивалент = адекватный ПФ будет равно числу сочетаний из трех элементов по два C_3^2 .

Количество комбинаций отношений типа английский ПФ = эквивалент (или адекватный ПФ) — отсутствие фразеологического соответствия определяется числом перестановок из 2-х элементов P_2 . Тип отношений английский ПФ — отсутствие фразеологического соответствия в русском и киргизском языках представлено одной комбинацией. Таким образом, искомое число комбинаций (К) можно определить по формуле (4):

$$K = 2C_3 + C_3 + 2P_2 + 1$$

Расчеты показывают, что $K = 10$. Эти 10 комбинаций приобретают следующий характер:

1. Эквиваленты в 3-х языках.

- а) Crows do not pick out crow's eyes.
- б) Ворон ворону глаз не выклюет.
- в) Карга карганын кезун чокубайт.

2. Эквиваленты в 2-х языках — английском и русском

и адекватный перевод на киргизский пословицей.

- а) Like priest, like people.
- б) Каков священник, такова и паства.
- в) Бузулган элге бучуктан молдо болот.

3. Эквиваленты в 2-х языках — английском и киргизском и адекватный перевод на русский.

- a) A word is enough to the wise.
- б) Умный понимает с полуслова.
- в) Акылдуу бир сөздөн тушунет.

4. Эквиваленты в 2-х языках — английском и русском

и описательный перевод на киргизский.

- a) Better to be the head of a dog than the tail of a lion.
- б) Лучше быть головой собаки, чем хвостом льва.
- в) Биреенун элинде султан болгончо ез элинде ултан бол.

5. Эквиваленты в 2-х языках — английском и киргизском и описательный перевод (толкование) на русский.

- a) Every man has his faults.
- б) На всякого мудреца довольно простоты.
- в) Айыпсыз киши болбойт.

6. Эквиваленты только в русском и киргизском с адекватным переводом на английский.

- a) Confession is the first step to repentance.
- б) Повинную голову меч не сечет.
- в) Ийилген башты кылыч кеспейт.

7. Адекватные ПФ в трех языках — английском, русском и киргизском.

- a) First come, first served.
- б) Кто первый пришел, тому первому дали.
- в) Мурун барсан, орун бар.

8. Адекватные ПФ в двух языках — английском и русском и описательный перевод на киргизский.

- a) A penny saved is a penny gained.
- б) Копейка рубль бережет.
- в) Аккан арыктан суу агат.

9. Адекватные ПФ в двух языках — английском и киргизском и описательный перевод на русский.

- a) A living dog is better than a dead lion.
- б) Лучше синица в руках, чем журавль в небе.
- в) Олген жолборстон тирүү чычкан артык.

10. Английские ПФ, не имеющие соответствий ни в русском, ни в киргизском.

- a) You cannot judge a tree by its bark.
- б) An apple a day keeps a doctor away.
- в) Better one-eyed than stone blind.
- г) Children are poor men's riches.
- д) An Englishman's home is his castle.

При отборе ПФ для использования в речи нами был проведен анализ 100 текстов. Подсчет частотности употребления ПФ в оригинальных прозаических текстах проводился по формуле, применяемой для расчета доверительного интервала (5):

$$m \left(p \pm \frac{2 \sqrt{p}}{\sqrt{m}} \right),$$

где m — количество текстов.

p — среднее количество ПФ, приходящихся на один текст. Если в 100 текстах художественной прозы встретилось 382 ПФ, то, следовательно,

$$P = \frac{382}{100} = 3,82$$

Поскольку чаще всего при прохождении той или иной разговорной темы изучалось от 2 до 3 прозаических текстов, рассмотрим, какова же частотность употребления ПФ в 3 текстах:

$$3 \left(3,82 \pm \frac{2 \sqrt{382}}{\sqrt{3}} \right) = 3(3,82 \mp 2,25)$$

$$3(3,82 - 2,25) = 4,71; \quad 3(3,82 + 2,25) = 18,21$$

Как правило, высказывание студента на занятии занимает в среднем около 10 минут. Поэтому отбирались тексты на 10 минут звучания. Если в 3-х прозаических текстах частотность употребления ПФ колеблется приблизительно от 5 до 18, то в одном прозаическом тексте на 10 минут звучания может быть использовано в среднем от 2 до 6.

При расчете частотности употребления ПФ в драматургических текстах использовалась та же методика.

$$P = \frac{320}{100} = 3,2$$

$$3 \left(3,2 \pm \frac{2 \sqrt{320}}{\sqrt{3}} \right) = 3 \cdot (3,2 \pm 1,6);$$

$$3(3,2 - 1,6) = 4,8; \quad 3(3,2 + 1,6) = 14,4.$$

Если в 3-х драматургических текстах частотность употребления колеблется от 5 до 14 ПФ, то в одном драматургическом тексте может быть использовано от 2 до 5.

Общеизвестно, что показания доверительного интервала характерны для всей генеральной совокупности. Следовательно, можно руководствоваться полученными данными при составлении каких-либо иных текстов.

Вышеизложенные принципы отбора ПФ для учебных целей в условиях языкового вуза явились основными и дали нам возможность составить список 400 ПФ, из которых около 200 единиц предназначены для активного усвоения.

ЛИТЕРАТУРА И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Андрущенко В. М. Частотные словари и их параметры. «Иностранные языки в школе», 1967, № 3, с. 36.
2. H. S. Eaton. Comparative frequency list based on the first thousand words in English, French, German and Spanish frequency list, Univ. of Chicago, 1961.
3. Киргизско-русский словарь. М., 1965.
4. Киселев А. П. Алгебра. Учебник для 8-10 классов средней школы, II ч. М., 1960, с. 180—181. (Правила расчета комбинаций).
5. Пиотровский Р. Г., Бектаев К. Б., Пиотровская А. А. Математическая лингвистика. М., 1977, с. 283.

Л. А. Пигарева
СОГУ

Лексико-семан-
тические вари-
анты глагола
voir в трагедии
Корнеля «Сид»

За последние два десятилетия группа глаголов зрительного восприятия, и в их числе глагол voir, не раз являлись предметом исследования как советских, так и зарубежных лингвистов. Их изучение проводилось в различных областях лингвистики (в основном, в семасиологии и грамматике) и по различным параметрам.

Так Л. Г. Ерасова обследовала данную группу глаголов в современном английском и французском языках в соотношении с другими глаголами перцепции, а именно, с глаголами слуха, обоняния, осязания, вкуса и с глаголами нерасчлененного восприятия типа regarder. Автор определил парадигматические и синтагматические характеристики, выявил факторы, влияющие на смысловую вариантность глаголов, и сопоставил по этим параметрам данные группы сначала между собой в каждом языке, а затем в межъязыковом плане⁵. По тем же параметрам выполнено исследование Т. Н. Добровольской на материале глаголов перцепции в испанском и французском языках⁴.

Специальная историко-семасиологическая работа по изучению развития полисемии и частично синонимии в группе глаголов зрительного восприятия выполнена в диахроническом плане И. М. Гаврилиным³. Историческое развитие смыслового значения глагола voir «regarder par l'ouïe» на обширном фактическом материале развернуто Г. Хольмером⁸.

В грамматике глаголы зрительного восприятия обращают на себя внимание в вопросе об инфинитивных оборотах типа *accusativus cum infinitivo*⁹, а также в оборотах, выражающих причинно-следственные отношения. В разработке вопросов о смысле предложения Н. Д. Арутюнова характеризует данные глаголы с логико-грамматических позиций как глаголы амбивалентные, которые могут присоединять в предложении как предметный, так и пропозитивный объект¹.

Не обошла вопрос о глаголах зрительного восприятия и стилистика, где М. П. Ройтберг рассматривает их как одно из средств выражения связи абзацев у Ж. Ренара⁷.

Результаты данных исследований намечают путь дальнейшему изучению глаголов перцепции. Задачей настоящей статьи является попытка выявить некоторые лексико-семантические варианты¹¹ глагола *voir* как одного из самых высокочастотных и полисемичных глаголов классического периода современного французского языка⁸ в трагедии Корнеля «Сид» (1636 г.), которая явилась первым достижением классицизма в драматургии.

Вопрос представляет определенный интерес, поскольку известно, что в основе теории классицизма лежит идеализированное отражение действительности при помощи особого поэтического словаря⁶, объем и содержание которого определялись строгими правилами. Следуя требованиям теоретиков классицизма, драматург был обязан исключить возможность широкого употребления в трагедии слов, обозначающих конкретные предметы и явления материального мира, ему следовало ограничить смысловой объем слов определенным кругом точных понятий⁶, отдавать предпочтение словам со значением родовым, но не видовым. И так как глагол *voir* в силу своей референции широко присоединяет дополнения, выраженные именами, обозначающими конкретные предметы и явления реального мира, доступные человеческому восприятию, что, по мнению И. М. Гаврилина, формирует исходное значение глагола *voir*³, то будет интересным проследить, как разрешается противоречие между референтной способностью глагола *voir* и требованием классицизма исключать из трагедии слова, обозначающие конкретные предметы, а также определить, что из семантико-синтаксического арсенала глагола *voir* использовал Корнель в своей трагедии «Сид».

В данной работе используются следующие виды значений: основное и дополнительное, прямое и переносное, обобщенное и конкретное в соответствии со словарем О. С. Ахмановой¹⁰.

Из текста трагедии «Сид» извлечено 89 примеров на употребление глагола *voir* в различных наклонениях, временах и формах. О преимущественном использовании данного глагола в тексте говорит количество употреблений других глаголов зрительного восприятия, обнаруженных в тексте: *regarder* — 5, *considerer* — 3, *admirer* — 2, *voir* — 89.

В своем основном значении recevoir les images des objets par le sens de la vue, но данным словаря Petit Robert,¹³ глагол voir функционирует с X века, на основании того же источника это значение является наиболее обобщенным в группе глаголов зрительного восприятия. Следовательно, можно считать глагол voir родовым по отношению к другим глаголам зрительного восприятия. Употребительность данного глагола в тексте трагедии подтверждает одно из правил классицизма — выбирать наиболее общее слово по значению. Здесь же возникает вопрос, насколько многозначен глагол voir в трагедии «Сид» и в каких семантико-синтаксических условиях реализуются его значения.

Для определения значений глагола необходима проверка семантики его непосредственных окружений, подлежащего и прямого дополнения. Исходя из того, что основное значение глагола voir требует, чтобы подлежащее было антропонимичным, а прямое дополнение выражало конкретные предметы или явления, доступные человеческому восприятию в обычных условиях, сначала проверяем подлежащие глагола voir на антропонимичность, что отражает таблица 1.

Таблица 1

Глагольные формы voir	Подлежащее							
	Собственно антропонимичное					Косв. антропонимичное		
	Эксплицитное				Имплицитное		Эксплицитное	
	Местоимение		Существит.				Существительное	
	подлежащее	дополнение логическое подлежащее	собственное	нарцательное			конкретное	абстрактное
личная форма	52	—	2	3	—	—	1	2
императ.	—	—	—	—	4	—	—	—
инфинитив	7	5	1	2	6	—	1	3
причастие	1	—	—	—	—	—	—	1
Итого	60	5	1	5	10	—	2	6

В тексте трагедии «Сид» все подлежащие глагола *voir* являются прямо или косвенно антропонимичными (81:8), что в основном удовлетворяет семантическому условию глагола в его основном значении. Заметим, что в функции подлежащего в тексте употребляются преимущественно местоимения, которые характеризуются А. Г. Басмановой как наиболее ярко выражающие категорию антропонимичности², из них наибольшую частоту имеет местоимение I лица ед. числа.

Таким образом, прямо или косвенно антропонимичные подлежащие глагола *voir* укрепляют основное значение глагола:

1. Je vous ai vue combattre et commander sous moi. (I, III, 65)

2. Faites ouvrir le champ: vous voyez l'assaillant; (IV, V, 124)
Косвенная антропонимичность, выраженная притяжательными прилагательными или существительными, употребленными метонимически, стирает противоречие, возникающее между основным значением глагола *voir* и его абстрактным или неантропонимичным подлежащим:

1. Respecter un amour dont mon âme égarée

Voit la perte assurée! (I, VI, 73)

2. Mon âme aurait trouvé dans le bien de te voir

L'unique allègement qu'elle eût pu recevoir; (III, IV, 101)

В итоге левая дистрибуция глагола *voir* служит базой для сохранения в данном тексте основного значения глагола. В правой дистрибуции дополнительность глагола *voir* в 88 из 89 употреблений выражена эксплицитно в виде прямых дополнений, оборотов типа *accusativus cum infinitivo*, *accusativus cum adjectivo*, дополнительных придаточных, семантика которых может создавать возможность появления у глагола *voir* дополнительных и переносных значений.

Все члены, составляющие правую дистрибуцию, можно разделить на три группы. В первую входят дополнения, выраженные личными местоимениями или существительными с конкретным значением:

1. Je l'ai vu, j'ai vengé mon honneur et mon père; (III, IV, 100)

2. Vous avez vu le Roi, n'en pressz point l'effet; (III, III, 97)

Во вторую группу объединены переходные случаи от конкретного к абстрактному. В нее вошли имена существительные с абстрактным значением и с притяжательными прилагательными, которые ограничивают абстрактное значение своей антропонимичностью. В таких случаях возможна трансформация с выделением дополнения, выраженного личным местоимением:

1. Ainsi vous verrez *ma mort* en ce combat,... (V, I, 128)

1a. Ainsi vous *me* verrez *mort* en ce combat.

В нее также частично входят обороты типа *accusativus cum infinitivo*, *accusativus cum adjectivo*, дополнительные придаточ-

ные, общая семантика которых стоит ближе к понятию конкретности, являющейся важным фактором при определении влияния правой дистрибуции на значение глагола *voir*:

1. Mais voyant à leurs pieds tomber tous leurs soldats,... (IV, IV, 119)

2. Et mon amour flatteur déjà se persuade

Que je le vois assis au trône de Grenade,... (II, III, 84)

3. Mais voyez qu'elle pâme, et d'un amour parfait.

Dans cette pâmoison, Sire, admirez l'effet. (IV, V, 120)

В третью группу входят имена существительные с абстрактным значением в тех случаях, когда невозможно трансформировать предложение так, чтобы выделить конкретное прямое дополнение, удовлетворяющее семантическому условию основного значения глагола, а также придаточные обороты, общая семантика которых ближе к понятию абстрактного:

1. Justes cieux! me trompé-je encore à l'apparence,

Ou si je voit enfin mon unique espérance? (III, III, 106)

2. Tu vois que mon amour en dépend aujourd'hui. (I, III, 62)

3. Et nous verrons bientôt votre amour le plus fort

Par un heureux hymen étouffer ce discord. (II, III, 81)

Это распределение отражает таблица 2.

Таблица

voir	Дополнения								Имплиц.	
	эксплицитные									
	личные местом. дополи.	конкретные			переходные		абстрактные			Имплиц.
		конкрет.	собир.	абстракт. с прит. прил.	придаточ.		существ. без прит. прил.	нелич. мест.		
конкр.	абстр.									
личная величая форма	12	6	1	3	2	13	7	3	1	
accusat cum infinit.	10	6	—	2	—	—	1	—	—	
accusat. cum adjectivo	10	2	1	—	—	—	3	1	—	
faire voir	2	—	—	—	—	4	—	—	—	
Итого	32	15	2	5	2	17	11	4	1	
	47		9			32		1		

Комментируя правую дистрибуцию глагола *voir*, следует заметить, что количество местоимений в функции дополнения значительно снизилось по сравнению с их числом в левой дистрибуции, но они также антропонимичны и укрепляют основное значение глагола. Одновременно выдерживаются два принципа классицизма: а) человеческий душевный мир — единственный объект художественного изображения⁶, б) в художественном произведении должна использоваться лексика в наиболее общем значении. Высокая концентрация местоимений как справа, так и слева связаны не только с общей направленностью творчества классицизма исключительно на человека с его духовным миром, но и с особенностью драматического жанра — прямой речью, где частота употребления местоимений всегда возрастает, а также с ритмикой стиха. Имена собственные или нарицательные на фоне местоимений-дополнений замедляют темп и усиливают величавый характер высказывания:

1. Elle va revenir, elle vient, elle va... (III, II, 94)
2. C'est pour t'offrir ton sang qu'en ce lieu tu me vois. (III, IV, 101)
3. Nous verrons donc par là don Diègue satisfait. (II, II, 77)
4. J'ai vu mort l'ennemi qui m'avait outragé; (III, V, 103)

Соотношение местоимений и существительных в левой дистрибуции 60:14, в правой — 36:33. При общем возрастании частоты существительных справа, наблюдается их большее разнообразие, среди них имена конкретные, собирательные, абстрактные. Имена неантропонимичные с конкретным значением противоречат одному из принципов классицизма, требующему исключения из трагедии слов, обозначающих конкретные предметы. Это противоречие снимается стиливым приемом, отмеченным О. С. Заботкиной (6,66): конкретные имена существительные, укрепляя основное значение глагола *voir*, употребляются как метонимии или персонификации, приобретая оттенок возвышенной лексики. Если существительное обозначает часть тела человека или предмет, связанный с его деятельностью, то мы снова оказываемся в кругу антропонимичности:

1. Et demande pour grâce à ce généreux prince
Qu'il daigne voir la main qui sauve la province. (IV, I, III)
2. Ils ne verront jamais sans quelque jalousie
Mon sceptre, en dépit d'eux, régir l'Andalousie; (II, VII, 87)

Имена существительные с абстрактным значением, обозначающие эмоции, психические состояния человека, а также явления природы, согласуясь с теоретическими установками классицизма, проявляют явное несоответствие основному значению глагола *voir*:

1. Et leur division que je vois à regret,... (II, V, 83)
2. Tu reverras le calme après ce faible orage; (II, III, 80)

В следующих примерах взаимодействие несогласующихся

значений прямых дополнений и значения глагола *voir* создает возможности семантического сдвига как у глагола, так и у существительного-дополнения, что в крайних случаях приводит к фразеологизму:

1. Et le Roi de quel oeil voit—il tant de vaillance? (IV, I, 110)
2. Quoi! Rodrigue est donc mort? Non, non, il voit le jour,... (IV, V, 121)

Глагол *voir* в конструкции с прямым дополнением употребляется в основном и прямом значении при антропонимичном дополнении. Косвенно антропонимичные дополнения представляют переходные случаи. Под влиянием абстрактных значений дополнений, основное значение глагола *voir* расшатывается, давая место значениям дополнительным, в крайнем случае семантический сдвиг приводит к образованию фразеологизмов, которыми Корнель обогатил словарь трагедии⁶.

В более сложных синтаксических контекстах, где семантические связи также усложняются, возможности употребления глагола *voir* в прямом и основном значении уменьшаются. Переходными являются случаи употребления глагола *voir* в инфинитивных оборотах, где данному глаголу трудно удержаться на позициях только основного значения:

1. Je t'en vois faire si peu de compte; (V, I, 127)
 2. On ne me verra point en repousser les coups; (V, I, 127)
- «Быть свидетелем» — такое дополнительное значение приобретает глагол *voir*, реагируя на усложнение семантических отношений в предложении¹². Однако на его появление влияет и общая семантика предложения, степень ее конкретности, которая при достаточном выражении способствует лучшему пониманию основного значения глагола в данном контексте:

1. Mais voyant à leurs pieds tomber leurs soldats,... (IV, IV, 119)

В оборотах типа *accusativus cum adjectivo*, особенно если данный глагол употребляется в возвратной форме *se voir* появляется дополнительное значение оценки своего положения:

1. Enfin, je me voit libre;... (III, III, 95)
2. Et cruelle poursuite où je me vois forcé! (III, III, 97)

Конкретный и статический характер воспринимаемого объекта яснее проявляет основное значение глагола *voir*:

1. Les palmes dont je vois ta tête si couverte
Semblent porter écrit le destin de ma perte. (II, II, 79)

В фактитивной конструкции *faire voir* образуется тесное семантическое единство со значением восприятия по чьей-то воле, то есть каузативным:

1. Ne fait-il pas trop voir sur qui tu dois régner? (V, II, 130)
2. Et sa facilité vous doit bien faire voir
Qu'elle cherche un combat qui force son devoir,... (V, III, 131)

На значение глагола *voir* может также оказывать влияние

коммуникативный тип предложения: так эмоции, выражаемые вопросительным предложением, частично покрывают основное значение глагола *voir*, который начинает означать «живо представлять происходящее»¹².

1. *Elvire, où sommes — nous? et qu 'est — cê que je voi?* (III, IV, 98)

2. *Que vois-je, malheureuse? Elvire, c 'en est fait.* (V, V, 134)

В положении сказуемого главного предложения фразы, глагол *voir* со своим значением также находится в зависимости от общей семантики придаточного предложения: чем больше конкретность, тем устойчивее основное значение данного глагола. В противном случае в семантике глагола сдвиг происходит в сторону значений «понимать, осознавать, испытать, ценить»:

1. *Voyez comme déjà sa couleur est changée.* (IV, V, 120)

2. *Je vois avec chagrin que l 'amour me contraigne*

A pousser les soupirs pour ce que je dédaigne; (I, III, 62)

3. *Vous voyez toutefois qu 'en notre concurrence*

Un monarque entre nous met quelque différence. (I, III, 66)

Появление у глагола *voir* значений мыслительной деятельности отмечается всеми исследователями глаголов зрительного восприятия, и действительно, их появление в сложных семантико-синтаксических условиях вполне естественно, так как в реальности зрительные восприятия являются очень важным моментом в познавательном-мыслительном процессе у человека, на них основаны конкретные классификации объектов, которые со временем замещаются классификациями на основе их функциональных качеств¹⁴. Появление и распространение в трагедиях Корнеля значений мыслительной деятельности связано также с общей направленностью языка классицизма как языка разума, в котором семантика глагола *voir* передвигается по смежности реальных явлений действительности в сторону значений мыслительных операций.

Но позиции основного значения глагола *voir* в трагедиях Корнеля сильны и находят свою опору в левой антропонимичной дистрибуции, в частично конкретной или антропонимичной дистрибуции справа, в присоединении справа большего числа предметов, нежели пропозитивных объектов. Общее соотношение простых членов правой дистрибуции, придаточных предложений и оборотов без поправки на семантику статистически представлено так:

дополнения — 32, *accusativus cum infinitivo* — 19.

придаточные — 20, *accusativus cum adjectivo* — 17.

Однако при учете поправки на семантику общее соотношение употреблений глагола в прямом и переносном значении говорит в пользу значения основного, к тому же переносные значения часто имеют дополнительный характер.

Среди лексико-семантических вариантов глагола *voir* в

трагедии Корнеля «Сид», ограниченных перцептивно-мыслительным и перцептивно-эмотивным спектром значений, наиболее употребительным является прямое и основное значение глагола *voir* при условии прямой или косвенной антропонимичности подлежащего. В большинстве случаев антропонимичность выражена местоимениями, что является характерной чертой трагедии «Сид». Антропонимичность и конкретность дополнений также укрепляет основное значение глагола *voir*, способствует его сохранению в случаях приобретения значений дополнительных, возникающих в результате несоответствия семантических валентностей слов. Абстрактные имена существительные в функции дополнений за счет их употребления с притяжательными прилагательными снижают свое влияние на семантику глагола *voir*. Конкретные имена существительные в правой дистрибуции глагола немногочисленны в соответствии с требованиями теории классицизма, несмотря на естественную референтную способность глагола *voir*, и употребляются в переносном смысле. Переносные значения данного глагола, появляющиеся как следствие несоответствия валентностей, имеют дополнительный характер и не полностью покрывают основное значение глагола *voir*, что также позволяет сделать вывод о преимущественном употреблении данного глагола в его основном значении.

ЛИТЕРАТУРА И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. М., 1976, с. 127.
2. Басманова А. Г. Именные грамматические категории в современном французском языке. М., 1977, с. 39.
3. Гаврилин И. М. Историко-семасиологическое исследование глаголов зрительного восприятия. Автореф. канд. дисс., М., 1964, с. 4, 6.
4. Добровольская Т. Н. Глаголы перцепции во французском и испанском языках.— В сб.: «Сообщения АН ГССР», № 2, т. 59, авг., 1970.
5. Ерасова Л. Г. Глаголы физического восприятия в английском и французском языках. Автореф. канд. дисс., Воронеж, 1973.
6. Заботкина О. С. К вопросу о становлении поэтического стиля французской трагедии 17 века (на материале трагедий Корнеля).— В сб.: Вопросы романо-германской филологии, изд. ЛГУ, 1972, с. 57—60.
7. Ройтберг М. П. Абзацы у Ж. Ренара.— В сб.: Стилистические проблемы французской литературы. М., 1975, с. 86—87.
8. Хольмер Г.— Holmer G. Voir «percevoir par l'ouïe», *Studia Neofilologica*, vol. XLII, Stockholme, 1970.
9. Штейнберг Н. М. Грамматика французского языка, ч. 2, Л., 1976, с. 104.

10. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966, с. 160—164.

11. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов, М., 1976, с. 46.

12. Littré E. Dictionnaire de la langue française, P., 1895.

13. Petit Robert, P., 1970.

14. Коул М., Скибнер С. Культура и мышление, пер. с англ., М., 1977, с. 126.

15. Cornaille P. Théâtre choisi, Ipartie. Paris—Lille, 1886.

Целью данной статьи является попытка выявить синтаксические варианты эллиптических вопросительных конструкций в драматургии Д. Голсуорси. Исследование проводилось описательным методом с применением дистрибутивного анализа. Материалом для исследования послужили 27 пьес Джона Голсуорси.

1. О принципах классификации эллиптических предложений

Г. Х. Сохиева
СОГУ

**Синтаксические
варианты эллиптических
вопросительных
конструкций в
драматургии
Дж. Голсуорси**

Прежде чем говорить об эллиптических вопросительных структурах, несколько слов об эллиптических предложениях вообще. Из всех существующих в лингвистической литературе определений сущности эллиптических предложений наиболее удачным, на наш взгляд, является определение, предложенное профессором Л. С. Бархударовым. Принимая во внимание тот факт, что трансформационный метод открывает перспективу перенесения парадигматических отношений в синтаксис¹, Л. С. Бархударов предлагает рассматривать эллиптические предложения на основании парадигматической оппозиции «эллиптическое — неэллиптическое предложение». Вводя в синтаксис понятие «нулевого варианта», профессор Л. С. Бархударов рассматривает предложение «Вечер.» как двучленное, в котором один из непосредственно составляющих представлен нулевым вариантом². Сравнивая данное

предложение «Вечер.» с предложениями «Был вечер.» или «Будет вечер.», он приходит к выводу, что нулевой вариант сказуемого «есть» имеет значения бытия и времени. Отсюда все предложение интерпретируется им как состоящее из двух элементов: эксплицитно выраженного подлежащего «вечер» и сказуемого, выраженного нулевым вариантом.

Что же касается определения эллиптических предложений, то в интерпретации профессора Л. С. Бархударова оно звучит так: предложение, в котором по крайней мере одно слово представлено нулевым вариантом³.

Значит, любое эллиптическое предложение может рассматриваться как трансформ неэллиптического, образованный трансформацией эллипса или «стиранием», которое означает замену эксплицитно выраженного варианта нулевым.

Исходя из этого, можно построить классификацию эллиптических предложений по принципу экспликации слова или слов, представленных нулевым вариантом. Говоря «экспликация», мы имеем в виду трансформацию, противоположную эллипсису — замену нулевого варианта эксплицитно выраженным. Итак, по принципу экспликации эллиптические предложения могут быть разделены на синтагматически и парадигматически восполняемые.

Если слова, представленные нулевыми вариантами, восполняются (эксплицируются) из окружающего контекста, то предложение будет *синтагматически восполняемым*. Иначе говоря, синтагматически восполняемыми называются эллиптические предложения, неполнота которых вызвана экстралингвистическими факторами⁴. Например:

Olive: Has he been making speeches all the time?

Katherine: Yes.

Olive: To-night too?

Katherine: Yes.

(М., 400)

В приведенном выше примере, в эллиптическом вопросе «Tonight too?» слова «has he been making speeches» представлены нулевыми вариантами и могут быть восполнены только из окружающего контекста. Следовательно, предложение синтагматически восполняемое.

Если же экспликация возможна только на основе других аналогичных конструкций, встречающихся в языке, но не зарегистрированных непосредственно в контекстуальном окружении данного предложения, то такое предложение мы назовем *парадигматически восполняемым*. В таких предложениях неполнозначность вызвана лингвистическими факторами, и поэтому они относятся к независимым структурам⁵. Например:

Heythorp: ...She see you?

(О. Е., 801)

В этом предложении вспомогательный глагол «did» представлен нулевым вариантом, и восполняется он парадигматически.

Итак, имея в виду принцип экспликации эллипсиса, мы различаем синтагматически восполняемые эллиптические предложения и парадигматически восполняемые.

Исходя из этой же парадигмы (эллиптические — неэллиптические), мы можем подразделить эллиптические конструкции на двучленные, одночленные и подлежащно-бесказуемые в зависимости от наличия или отсутствия в предложении словесно выраженных главных членов⁶.

Двучленные предложения характеризуются наличием двух главных членов: подлежащего и сказуемого. Их неполнота выражается в отсутствии части сказуемого. Так, в следующем примере:

Ralph: Hallo! *All well in your cosmogony, Maud?*

(F. M., 604)

мы фиксируем наличие подлежащего «all» и части сказуемого — предикатива «well», в то время как связка «is» представлена нулевым вариантом. Следовательно, эллиптический вопрос «All well in your cosmogony, Maud?» является двучленным. Двучленные эллиптические предложения могут быть двух видов: 1) безглагольные и 2) глагольные. Приведенный выше эллиптический вопрос — пример *безглагольного* двучленного предложения, не имеющего глагола в структуре сказуемого. В безглагольных двучленных предложениях только глагол-связка представлен нулевым вариантом. В глагольных конструкциях эксплицитно выраженной частью сказуемого является глагол. Например:

Heythorp: ...She see you?

(O. E., 801)

Эксплицитно выраженная часть сказуемого «see» — глагол, следовательно, все двучленное предложение — глагольное.

Итак, среди двучленных вопросительных структур мы различаем глагольные и безглагольные.

Одночленные эллиптические структуры могут быть дополнительно подразделены на 1) подлежащные (состоящие только из подлежащего и нескольких второстепенных членов) и 2) сказуемые (состоящие только из сказуемого и нескольких второстепенных членов).

Jack: ...Any letters for me?

(S. B., 9)

Это пример подлежащного одночленного эллиптического предложения с эксплицитно выраженным подлежащим «letters» и сказуемым «are», выраженным нулевым вариантом.

Heythorp: Um, Joe! *Have a cigar?*

(O. E., 805)

В приведенном выше примере мы видим одночленное вопросительное предложение «Have a cigar?», в котором часть сказуе-

мого выражена эксплицитно «have», в то время как другая его часть «will» и подлежащее «you» представлены нулевыми вариантами.

Итак, одночленные эллиптические конструкции могут быть или подлежащими, или сказуемыми.

В *бесподлежащно-бессказуемых* предложениях отсутствуют сразу оба главных члена. В эту группу входят в основном парадигматически восполняемые предложения — предложения, которые функционируют в языке как готовые формулы, как, например, «Why not» в следующем примере:

Builder: ...I couldn't walk away and leave you there. Mrs. Builder: *Why not?*

(F. M., 601)

Или же это междометные предложения типа «Oh?», «Ah?», слова — предложения «Yes?», «No?» и т. д.

Бесподлежащно-бессказуемые структуры трудно подвести под какую-либо классификацию. Некоторые лингвисты⁷ различают однокомпонентные, двухкомпонентные и более чем двухкомпонентные структуры среди неподлежащно-бессказуемых в зависимости от длины высказывания. Но подобное деление представляется нам слишком общим и, следовательно, незначительным для изучения неподлежащно-бессказуемых предложений.

Итак, среди эллиптических предложений мы различаем синтаксическим и парадигматически восполняемые, которые в синтаксическом плане могут быть подразделены на двучленные (глагольные безглагольные), одночленные (подлежащие и сказуемые) и неподлежащно-бессказуемые предложения.

II. Парадигматически восполняемые эллиптические вопросительные структуры

Как было уже сказано, структура парадигматически восполняемых эллиптических вопросов обусловлена лингвистическими факторами, и экспликация эллипса в таких предложениях возможна только на основе других конструкций, свойственных языку, но не зарегистрированных в контекстуальном окружении предложения⁸. Мы принимаем это определение профессора Л. С. Бархударова как наиболее точное в определении сущности парадигматически восполняемых предложений. Но его идея «контекстуального окружения» отличается от нашей.

Контекстуальное окружение в интерпретации профессора Л. С. Бархударова не включает конкретную ситуацию, а только само контекстуальное окружение, в то время как мы предлагаем идею *языкового контекстуального окружения* как контекста, скомбинированного с конкретной ситуацией. Вот почему приведенный Л. С. Бархударовым пример парадигматически восполняемого предложения⁹:

Francis climbed into the car.
«Feeling better?» he asked. (Are you)*
(D. Stuart)

будет синтагматически восполняемым в нашей интерпретации. Нельзя отрицать, что подлежащее «you» и вспомогательный глагол «age» не зарегистрированы в контекстуальном окружении данного предложения, но, тем не менее, экспликация обусловлена ситуацией, в противном случае мы могли бы эксплицировать нулевой вариант как «is he», например. Вот почему, говоря «контекст», мы имеем в виду и контекст, и ситуацию. Следовательно, парадигматически восполняемые предложения — это предложения, которые не зависят ни от контекста, ни от ситуации.

1) Двучленные структуры

Нами было зарегистрировано только 3 примера двучленных глагольных структур. Это вопросительные глагольные структуры со сказуемым, выраженным:

а) личной формой глагола (два примера);
Heythorp: Not my house. My daughter's.
She see you? (did)
(O. E., 801)

Felsman: The great Horn is not possible.
Lamond: *You say that? (do)*
(L. D., 204)

б) причастием II (1 пример);
Ralph: *Athene gone and got married? (has)*
(F. M., 603)

Двучленные безглагольные предложения представлены общими вопросами (два примера):

Ralph: Hallo! *All well in your cosmogony, Maud? (is)*
(F. M., 801)

* Здесь и далее слова, представленные нулевыми вариантами, даются в скобках.

Heythorp: *...You a good girl? (are)*
(O. E., 801)

2) Одночленные структуры

Среди изученных примеров оказался только один одночленный парадигматически восполняемый вопрос, представляющий собой подлежащую структуру.

Jack: *...Any letters for me? (are there)*
(S. B., 9)

3) Бесподлежащно-бессказуемые структуры

Все неподлежащно-бессказуемые структуры, которые были найдены среди отобранных примеров, парадигматически восполняемые, так как их неполнота представляет собой лингвистиче-

скую норму, типичную для данного языка. Можно выделить следующие группы бесподлежащно-бессказуемых предложений:

а) междометные вопросительные высказывания, такие как «Well?», «Why?», «Oh?», «H'm?», «Hssh?» (7 примеров);

Matt: ...Is that a razor?

Lady: My husband's. *Why?* (as Matt takes it up)

(E., 1002)

(Camill enters from the hall. She has a little collecting book in her hands.)

Builder: *Well, Camill?*

(F. M., 600)

Lady: *Oh?* That captain Denant!

(E., 1000)

Builder: ...I suppose, I'm not amiable enough. *H'm?*

(F. M., 603)

More: At last!

Katherine: (pointing to Olive's room) *Hssh?*

(M., 404)

б) вопросительные слова-предложения «Yes?», «No?» (5 примеров);

Matt: Did you feel a sort of an earthquake?

No? I did.

(E., 1002)

(a knock on the door. Both stand alert)

Lady: *Yes?*

E., 1009)

в) группа вопросительных предложений, которые функционируют в языке как готовые формулы (3 примера);

Lady: Well, Captain Denant, *What now?*

(E., 1003)

Builder: I couldn't walk away and leave you there.

Mrs. Builder: *Why not?*

(F. M., 601)

Matt: ...but I shall never get out of here as I am.

Lady: *Why not?*

(E., 1003)

г) два номинативных вопроса с вопросительно-повелительным значением, выражающих готовность говорящего совершить какое-то действие;

Camille: *A cutlet soubise?* No?

(F. M., 601)

Barthwick: ...I am a liberal. Drop the subject, please!

Mrs. Barthwick: *Toast?* I quite agreewith what this man says.

(S. B., 9)

III. Синтагматически восполняемые вопросительные структуры
Как уже отмечалось выше, синтагматически восполняемые предложения есть зависимые структуры. Они могут быть восполнены только из окружающего контекста и конкретной ситуации.

1) Двучленные структуры

Среди примеров, подвергнутых анализу, оказались только глагольные двучленные структуры, из которых 6 общих вопросов и 1 специальный вопрос.

Heythorp: Rats!

Mrs. Larne: Guardy, *how can you?* (say so)
(O. E., 801)

Olive: I heard Daddy making a speech to the wind.
It broke a window glass.

Olive: It felt funny; you couldn't see any wind,
you know.

Katherine: Talking to the wind is expression, Olive.

Olive: *Does Daddy often?* (make speeches to the
wind?)

(M., 400)

Heythorp: ...At his age I'd broken my neck, winged a
Yankee, been drawned for a bet and lost
my last bob on the Derby.

Phyllis: *Had you, Guardy?* (done all that)
How lovely!

(O. E. 802)

Одночленные структуры

Одночленные синтагматически восполняемые вопросы представлены в драматургии Д. Голсуорси только сказуемыми структурами, в которых сказуемое выражено:

а) личной формой глагола (3 примера);

Seelchen: I do not regret.

Felsman: *Why then return?* (did you)

L. D., 213)

Builder: H'm! (Taking up the decanter.)

Have some? (will you)

(F. M., 604)

б) причастием II (3 примера);

Mrs. Jones: ...He had a very good place as groom in
the country; but it make such a stir, be-
cause of course he didn't treat me right.

Marlow: *Got the sack?* (has he)

(S. B., 4)

Matt: ...Would you mind frightfully if I drank some

water?

Lady: Of course not.

Matt: That' s good. *Ever had the hunted feeling?* (have you)

(E., 1001)

Barthwick: ...How do you know she is not a thief —
not got designs on the house? (she has)

(S. B., 11)

в) причастием I (1 пример);

More: (aghast) You are not making terms?
Bargaining? For God'c sake, Kit!

(M., 405)

г) предикативной частью (3 примера);

Phyllis: Good-bye, Guardy dear!

Heythorp: *Fond of me?* (are you)

(O. E., 803)

Builder: Family life isn't idyllic, so she thinks she and
the young man oughtn 't to have one.

Ralph: I see. *Home experience?* (is it)

F. M., 603)

Sweedle: It's a woman.

Cokeson: *A lady?* (is she)

(Just., 219)

Среди изученных примеров одночленных сказуемых вопро-
сов есть 5 предложений, которые представляют собой раздели-
тельные вопросы:

а) с эксплицитно выраженным глаголом;

Marlow: ...*Looked a bit dicky, eh, Mrs. Jones?*

Mrs. Jones: He didn 't look quite himself.

б) с эксплицитно выраженной предикативной частью;
Mrs. Jones: ...— last night he hit me and he was so
dreadfully abusive.

Marlow: *Bank 'oliday, eh?* (it was)

(S. B., 7)

Old Gentleman: ...Worst point about the moor these
fogs. *Only good for convicts,? um?*
(they are)

(E., 1005)

Builder: It 's — it 's that she is gone and — and not
got married. (Ralph utters a sympathetic
whistle) *Jolly, isn't it?* (it is)

(F. M., 603)

Таким образом, синтагматически восполняемые вопроситель-
ные структуры представлены в драматургии Д. Голсуорси одно-
членными и двучленными предложениями.

IV. Выводы.

На основании приведенного выше небольшого исследования
можно составить следующую таблицу частоты использования

различных синтаксических вариантов эллиптических вопросительных предложений в драматургии Д. Голсуорси.

Т а б л и ц а 1

Частота использования различных синтаксических вариантов эллиптических вопросительных структур в драматургии Д. Голсуорси

Синтаксические варианты	Двучленные структуры		Одночленные структуры		Бесподлежащно-бессказуемые	Всего
	Глагольные	Безглагольные	Подлежащие	Сказуемые		
Парадигматически восполняемые	3	2	1	—	17	23
Синтагматически восполняемые	7	—	—	15	—	22

1. Парадигматически и синтагматически восполняемые эллиптические вопросительные конструкции одинаково часты в драматургии Д. Голсуорси — 23 парадигматически восполняемых и 22 синтагматически восполняемых.

2. Самым распространенным структурным вариантом парадигматически восполняемых эллиптических вопросительных предложений являются бесподлежащно-бессказуемые вопросы — 17 примеров.

Двучленные вопросы представлены пятью примерами (3 глагольных и 2 безглагольных структуры), а одночленные — только одним подлежащим эллиптическим вопросом.

3. Самым распространенным синтаксическим вариантом синтагматически восполняемых эллиптических вопросов оказались одночленные сказуемые структуры (15 примеров) и двучленные глагольные структуры (7 примеров).

Бесподлежащно-бессказуемые структуры все парадигматически восполняемые.

ЛИТЕРАТУРА И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Бархударов Л. С. О некоторых проблемах трансформационной грамматики. «Филологические науки», 1965, № 3.

2. Бархударов Л. С. Структура простого предложения современного английского языка. Изд. «Высшая школа», М., 1966.

3. См. сноску 2, с. 179.

4. См. сноску 2.

5. См. сноску 2.

6. Боброва Е. Я., Гуляев Ю. А., Хлебникова И. Б. Основные структурные особенности английской диалогической речи. Уч. зап. МОПИ им. Крупской, т. 268, вып. 27, М., 1970.

7. См. сноску 6.
8. См. сноску 2.
9. См. сноску 2, с. 184.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- J. G a l s w o r t h y. 1. The Silver Box. (S. B.)
2. The Little Dream. (L. D.)
3. Justice. (Just.)
4. The Mob. (M.)
5. A Family Man. (F. M.)
6. Old English. (O. E.)
7. Escape. (E.) in the book «The Plays of John Galsworthy» Duckworth, London, 1929.

О. А. Счастлива
согу

**Терминологи-
ческая лексика
в общих двуязычных
словарях**

Несомненно, что терминологическая лексика должна быть в определенной мере представлена в словарях общего типа, но вопрос в том, какая часть этой лексики должна быть включена в словари данного типа.

Общие словари предназначаются для широкого круга читателей, и их словник должен, очевидно, включать те термины науки и техники, которые используются в художественной литературе, научно-популярных работах, в литературе по общеобразовательным вопросам и в прессе. И даже среди этих терминов следует выбирать только наиболее употребительные.

Если переводчик работает с узкоспециальными текстами, ему следует обратиться к соответствующему терминологическому словарю.

Цель этой статьи — проследить, как представлена терминологическая лексика в англо-русских словарях общего типа.

В настоящее время есть лишь два так называемых Больших англо-русских словаря: Англо-русский словарь, составленный проф. В. К. Мюллером¹ и Большой англо-русский словарь в двух томах под редакцией проф. И. Р. Гальперина².

В каждом из этих словарей мы сделали 34 выборки. Под словом «выборка» мы понимаем список слов, взятый в пределах двух страниц. Начальные выборки производились в Англо-русском словаре под ред. проф. В. К. Мюллера с

интервалом в 25 страниц (выбор интервала был произвольный). Мы отмечали слова, представляющие границы выборок и затем они избирались в качестве границ выборок в БАРСе³.

Материал 34 выборок, очевидно, достаточен, чтобы делать вполне обоснованные выводы.

Англо-русский словарь под редакцией проф. В. К. Мюллера содержит 70 000 слов и выражений. Чтобы установить, какую часть составляет терминологическая лексика от общего количества слов, мы сосчитали все слова, входящие в каждую выборку, а количество терминов отдельно. При подсчете терминов мы полностью полагались на данные словаря, отмечая только те слова, которые были снабжены специальной пометой. Мы учитывали слова, помеченные как термины в первом или втором значении.

Наибольшее количество терминов на одну выборку — 31 слово; наименьшее — 3 слова. Процент терминов по отношению к общему количеству слов в 34 выборках изменяется от 2,8% до 20,5%. Терминологическая лексика составляет 10,26% от общего количества слов данного словаря.

Специальная лексика, вошедшая в словарь, представляет многие области науки и техники: такие, как зоология, история, математика, архитектура, спорт, философия и т. д. Наиболее многочисленны термины по ботанике — всего 68 слов в 34 выборках, затем идут технические термины — 34 слова, военные термины — 27 слов.

В целом словарь содержит термины, относящиеся к 56 различным областям науки и техники, среди них такие, как фонетика, грамматика и лингвистика; две первые являются областями третьей, возникает вопрос, есть ли необходимость вводить в словарь общего типа такую детальную и отчасти дублирующую систему помет для терминологии.

Различные области науки и техники представлены в словаре неодинаково. Известно, что терминология, относящаяся к различным сферам деятельности людей, имеет неодинаковую степень замкнутости, существуют специальности так сказать «узкого профиля». (Напр., точные науки, отдельные отрасли техники, морское дело и т. д.). И такие области, терминология которых имеет широкое употребление (напр., искусство, спорт). Такие сферы должны находить соответствующее отражение в терминологической части словника общего словаря.

В связи с этим встает другая важная проблема. Задача отбора терминологической лексики для словаря общего типа очень сложна, т. к. до настоящего времени не существует каких-либо объективных критериев отбора такой лексики, и составитель каждый раз руководствуется своим субъективным мнением. Поэтому терминологическая лексика по-разному представлена в словарях одного и того же типа, но разных авторов.

Решить эту проблему можно, выработав объективные критерии для определения того, термины какой области науки и техники являются наиболее широко распространенными. Существуют специальные словари частоты употребления слов языка. Можно было бы провести аналогичные исследования частоты употребления терминологии. Тогда авторы словарей получили бы определенные надежные критерии в своей работе с терминологией.

БАРС — второй словарь, анализируемый в этой статье. Количество слов в БАРСе по сравнению с Англо-русским словарем под редакцией проф. В. К. Мюллера увеличилось более чем в два раза. Терминология явилась одним из важнейших источников увеличения словника, она составляет 35% количества всех слов так называемого «прироста».

От общего количества слов анализируемого словаря термины составляют 21,45% (в два раза больше, чем в Англо-русском словаре под ред. проф. В. К. Мюллера). Количество терминов в выборках меняется от 10 до 121 слова (или в процентном выражении от 6,5% до 38,2%).

Термины, вошедшие в выборки, относятся к 74 областям науки и техники. Первое место по количеству занимают медицинские⁴ термины — 185 слов (во всех 34 выборках), затем идут термины по ботанике — 181 слово, затем по зоологии — 137 терминов, затем технические термины — 77 терминов.

Среди помет, даваемых терминам, есть помета «специальный». В 34 выборках насчитывается 82 слова, снабженных ею, то есть эта группа терминов заняла бы 5 место среди 74 групп. Как отмечается в предисловии к БАРСу, помета «спец.» отмечает термины, используемые в различных отраслях науки. Действительно, среди слов, снабженных этой пометой, встречаются термины, относящиеся к самым разным областям. Напр.:

- adrenalin — медицина,
- bleeding bread — сельское хоз-во,
- noise level — акустика.

Определение значения пометы довольно двусмысленное, оно может подразумевать, что слово, снабженное ею, многозначно, но во многих других случаях авторы дают все значения слова, каждое из которых снабжено соответствующей пометой. Напр.:

- bull's eye (n) 1) мор. иллюминатор,
- 2) сигнальный фонарь,
- 3) опт. короткофокусная линза,
- 4) воен. центр, яблоко мишени,
- air-level (n) 1) тех. ватерпас,
- 2) горн. вентиляционный горизонт.

Такое определение может также означать, что слово, снабженное этой пометой, используется в различных областях науки в одном и том же значении, но очень часто значение, помеченное «спец.», дается как одно из нескольких значений слова.

Напр.:

- cell (n) 1) камера, отсек, секция,
2) а) тюремная камера,
б) мор. карцер;
3) а) келья;
б) скит, обитель, небольшой монастырь;
в) поэт. могила;
4) а) ячейка, ячея,
б) полит. ячейка;
5) биол. клетка, клеточка;
6) спец. а) элемент,
б) фотоэлемент,
7) тех. датчик,
8) амер. воен. резервное подразделение,
команда,
9) ав. секция.

Мы могли бы также предположить, что эта помета была введена ради экономии места. Конечно, словарь должен быть экономичным, но не за счет ясности определения значения слова, а в некоторых случаях неспециалисту действительно трудно определить, к какой области относится термин с данной пометой, напр.:

phased — фазированный, синхронизированный,
fracture — поверхность излома,
deodorizer — дезодоратор,
dissector — секционный инструмент,
cure — вулканизировать.

Что касается специалистов, занимающихся узкоспециальными текстами, они, очевидно, обращаются к соответствующим терминологическим словарям.

Поэтому, на наш взгляд, введение этой пометы не только не экономит место в словаре, а бесполезно расходует его, т. к. влечет двусмысленность и затрудняет понимание, тогда как словарь должен быть настолько точен, насколько это возможно.

Для того, чтобы выяснить, отвечает ли терминологическая лексика, включенная в БАРС, задачам словаря общего типа, мы провели сравнительный анализ словарного состава Англо-русского политехнического словаря и терминологической части словника БАРСа. Мы выбрали именно этот политехнический словарь, т. к. в предисловии авторы указывают, что он не содержит узкоспециальные термины, и поэтому мы можем предположить, что в него включена общеупотребительная терминология.

Для удобства мы ограничили количество областей, специальная лексика которых будет анализироваться, следующими: авиация, автомобильное дело, архитектура, астрономия, военное дело, геодезия, геология, гидрология, горное дело, дорожное строительство, железнодорожное дело, математика, металлур-

гия, метеорология, минералогия, морское дело, оптика, радиотехника, строительное дело, техника, телевидение, физика, фотография, химия, электротехника, экономика, электроника. (Все эти области представлены в политехническом словаре).

Термины, относящиеся к перечисленным выше отраслям, составляют 35,4% от всего количества терминов, вошедших в 34 выборки в БАРСе. Число технических терминов в разных выборках меняется от 3 слов до 71 слова (или от 7,6% до 65,3%).

Мы не изучали всю техническую терминологию, составляющую 35,4%, а выбрали произвольно 7 из 34 выборок.

Выборка № 3.

В границах этой выборки в БАРСе содержится 22 технических термина, 13 из которых даны в специальном словаре. Слово *bell-board*, помеченное в общем словаре как «мор.» (морское дело), в техническом словаре отмечено как американизм.

Специальный словарь не включает следующие термины данной выборки.

- bigging — (горн.)
- billet — (воен.)
- billyboy — (мор.)
- bioleths — (геол.)
- bipod — (воен.)
- biquadratic (n) — (мат.)
- birainy — (метеор.)
- bimetallism — (эк.)
- bimetallist — (эк.)

А слово «*bimetallic*», включенное в специальный словарь, не помечено как термин в БАРСе.

Выборка № 5.

БАРС содержит 10 технических терминов в границах данной выборки. 7 слов из 10 представлены в политехническом словаре, следующие слова не даны:

- ilmenite — (мин.)
- imine — (хим.)
- immelman — (ав.)

Выборка № 7.

В пределах этой выборки БАРС включает 24 технических термина, 14 из которых включены в специальный словарь. Следующих терминов в нем нет:

- coving — (стр.)
- coycote hole — (геол.)
- cramp — iron — (тех.)
- cranch — (горн.)
- crank (v) — (тех.)
- cranked — (тех.)
- crash crew — (воен.)
- crash dive — (мор.)

crash helmet — (воен.)

crash land — (ав.)

Выборка № 19.

БАРС включает 17 технических терминов, в то время как специальный словарь дает только 10 из них.

Следующих терминов нет:

mine carrier — (мор.)

mine — charging — (воен.)

mine — detective — (воен.)

mine — laying — (воен.)

mine sweeping — (воен.)

minette — (геол.)

minnie — (воен.)

Выборка № 23.

БАРС дает 33 технических термина в пределах границ данной выборки. Из них 12 слов не внесены в специальный словарь.

poli-change — (эл.)

pole-mast — (мор.)

poll-pick — (горн.)

polyacid base — (хим.)

polyblends — (хим.)

polyhelite — (мин.)

polymerize — (хим.)

polymerize — (архит.)

polysulphid — (хим.)

polyhedron — (мат.)

Выборка № 29.

В границах этой выборки в БАРСе мы находим 20 технических терминов, из них 14 слов не даны в политехническом словаре:

sprung — (тех.)

spurling line — (мор.)

sputtering — (тех.)

spy-hole — (тех.)

squard (v) — (воен.)

squardron (n) — (воен.)

square bevel — (тех.)

square formation — (воен.)

square rigged — (мор.)

square sterned — (мор.)

squat — (геол.)

squeeze-gun — (воен.)

squeezing — (тех.)

squinch — (стр.)

Выборка № 34.

Данная выборка содержит 13 технических терминов, из них 7 не представлены в специальном словаре:

webbing — (стр.)

weighman — (горн.)
 weld (v) — (тех.)
 wellbeke — (воен.)
 wellboring — (горн.)
 well-deck — (мор.)
 well-hole — (стр.)

Среди терминов, не представленных в терминологическом словаре, по численности первое место (в соответствии с результатами семи проанализированных выборок) занимают термины по военному делу, затем идут технические термины, термины по морскому делу и химические термины.

Общие результаты анализа могут быть сведены в следующую таблицу.

Для каждой выборки мы приводим количество терминов, данных в БАРСе, из них — в специальном словаре, разницу абсолютную и в процентном отношении.

Как видно из таблицы 1, большая часть специальных слов БАРСа не зарегистрирована в политехническом словаре.

Таблица 1

Сравнительная количественная характеристика технической терминологии БАРСа и специального словаря

№ выборки	Количество технических терминов в БАРСе	Из них в специальном словаре	(—)	%
3	22	13	9	45
7	24	14	10	41
15	10	7	3	30
19	17	10	7	41
23	33	11	12	36
29	20	6	14	70
34	13	5	7	53
средний процент				45%

Конечно, мы не думаем, что половина технических терминов, данных в БАРСе, не включена в специальный словарь, но, как показывают результаты нашего анализа, значительная их часть не нашла в нем себе места.

Если бы мы задали вопрос, почему эти термины не представлены в техническом словаре, мы могли бы дать два ответа: либо эти слова недостаточно специальные, чтобы считаться терминами вообще (но из приведенных выше примеров видно, что это не так), либо они слишком узкоспециальные, чтобы включать их в политехнический словарь. Тогда возникает вопрос, почему такие термины оказались в словаре общего типа.

По нашему мнению, составители общего словаря не могут

позволить себе включать подобную лексику и таким образом перегружать словарь, в то время как лексикографы ищут возможности предотвращения разбухания словарей.

БАРС — самый большой из всех параллельных словарей, изданных у нас в стране, он содержит 150 тыс. словарных статей, и все же существует мнение, что это количество должно быть увеличено; однако, мы не думаем, что ученые, выдвигающие эту идею, согласятся, что одним из главных источников этого увеличения может быть специальная терминология.

ЛИТЕРАТУРА И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Англо-русский словарь под ред. проф. В. К. Мюллера. Изд-во «Сов. Энциклопедия» М., 1967.

2. Большой англо-русский словарь под ред. проф. Н. Р. Гальперина. Изд-во «Сов. Энциклопедия» М., 1972.

3. Здесь и дальше мы используем сокращенное название Большого англо-русского словаря под ред. проф. Н. Р. Гальперина.

4. Мы приводим медицинские, анатомические и физиологические термины вместе, т. к. в специальном словаре они даны вместе и не снабжены специальными пометами.

5. Англо-русский политехнический словарь под ред. А. Е. Чернухина. М., 1962.

6. Техническими терминами мы называем для кратости все термины, относящиеся к вышеперечисленным областям.

З. Р. Хубецова
(СОНИИ)

**К вопросу об
инфинитивных
конструкциях в
немецком и
осетинском
языках**

Инфинитив в немецком и осетинском языках имеет целый ряд сходных и отличительных черт. (Оба языка представляют обширную индоевропейскую языковую семью; немецкий относится к германской группе языков, осетинский — к иранской группе). Инфинитив — это неопределенная форма глагола (или неопределенное склонение). В словаре лингвистических терминов дается следующее определение инфинитива: «Именная форма глагола, представляющая данное действие (состояние, процесс) в наиболее отвлеченном виде, т. е. безотносительно к категориям лица, времени, числа и склонения, форма, обозначающая действие (состояние, процесс, сам по себе, вне связи с его субъектом)¹. Инфинитив в обоих языках — это промежуточная форма между именем и глаголом. Имеет он и именную (назывную) функцию и глагольную функцию: показывает действие, хотя и неопределенное, безотносительно к какому-либо имени.

В этом смысле Infinitiv представляет собой большой интерес. В немецком языке Infinitiv может субстантивироваться. Такое существительное обычно среднего рода, например: gehen — идти, das Gehen — хождение, sprechen — разговаривать, das Sprechen — говорение. (Имеется в виду процесс действия, а не результат говорения).

В осетинском языке нет четкого различия между именем

и неопределенной формой глагола. Он может восприниматься и как имя, и как глагольная форма (поэтому его и называют отглагольным именем). Infinitiv в немецком языке выступает в 4 формах: 2 формы действительного залога и 2 формы страдательного залога. В осетинском имеется только одна форма Infinitiv-a — Infinitiv I Aktiv в немецком языке состоит из корня + суффикс «n» или «en».

sammeln — собирать

sagen — сказать

Этим двум формам в осетинском языке соответствуют глаголы «амбырд кæнын» — собирать (букв. сбор делать) и зæгъын — сказать. Следует заметить, что форма Infinitiv-a в осетинском полностью совпадает с личной формой глагола в I-ом лице ед. числа, например:

Infinitiv кæсын — читать, смотреть.

Æз кæсын — я читаю.

Это явление свойственно некоторым языкам и индоевропейской семье, например, германским, армянскому и другим языкам.

Э. Г. Туманян отмечает: «В армянском Infinitiv, как и в германских языках, представляет одну из форм системы настоящего времени и выражает общее понятие действия или состояния, его неопределенность»².

Неопределенная форма составных глаголов в осетинском языке состоит из двух компонентов: из именной части и вспомогательного глагола. И в таком случае окончание не принимает вспомогательный глагол; (при спряжении меняется этот вспомогательный глагол, кæнын — делать; ласын — тянуть, тащить; дарын — нести, носить³).

Вспомогательный глагол «быть» в немецком sein в осетинском уын является супплетивным глаголом.

В немецком:

sein — быть

Ich bin

du bist

er (sie, es) ist

В осетинском:

уын — быть

æз дæн

ды дæ

уый у и т. д.

Так же обстоит дело и в армянском языке — втором представителе индоевропейской языковой семьи на Кавказе.

linel — быть

es em — я есть

du es — ты есть

па е — он (она, оно) есть и т. д.

Infinitiv I Passiv в немецком языке образуется от переходных глаголов из Partizip II смыслового глагола и Infinitiv I глагола werden например, gebaut werden. Этой форме соответствует в осетинском языке пассивный инфинитив, состоящий из Partizip II спрягаемого глагола и Infinitiv-a вспомогательного глагола

арцауын — прийти (который в иной ситуации является полнозначным глаголом). Например: gebaut werden — быть построенным (в немецком яз.); арæт арцауын⁴ — в осетинском языке.

Немецкий Infinitiv II Aktiv образуется из Partizip II смыслового глагола и Infinitiv I глагола haben или sein, например: gemacht haben, букв. иметь сделанным, gekommen sein букв. быть пришедшим.

Эту инфинитивную конструкцию называют и перфектным инфинитивом, поскольку с его помощью образуется перфектная и плюсквамперфектная временные формы глаголов. В осетинском языке нет подобной инфинитивной конструкции, но при спряжении осетинского глагола в прошедшем времени (а в осетинском языке в отличие от немецкого имеется только одна форма прошедшего времени), мы наблюдаем наличие тех же компонентов, что и в немецком (только в ином оформлении), например:

Perfekt

Ich bin gegangen

Æз аыдтæн

Du bist gegangen

Ды аыдтæ

Er (sie, es) ist gegangen

Уый аыдтæ

Рассмотрим состав компонентов Ich bin gegangen букв. я есть ушедший.

Æз аыдтæн — аыд — Partizip II от глагола ацауын + тæн — это вспомогательный глагол уын — быть в I-м лице, единств. числа, только в отличие от немецкого употребляется в качестве личного окончания смыслового глагола ацауын. В немецком языке вспомогательный глагол употребляется самостоятельно.

Infinitiv II Aktiv в немецком языке выражает законченное действие.

Infinitiv II passiv

Образуется от переходных глаголов из спрягаемого глагола и Infinitiv II глагола. Только Partizip II глагола werden употребляется без частицы ge, например: gebaut worden sein. В осетинском языке нет подобной формы. (Да и в немецком эта форма употребляется редко). Вместе с другим глаголом он переводится на русский язык формой прошедшего времени страдательного залога или же придаточным предложением. На осетинский язык его можно перевести придаточным предложением. Sein Buch scheint von den Studenten gelesen worden zu sein. Кажется, его книга была прочитана студентами. Афгæмæм кæсы, цыма йын йæ чыныг студенттæ бакастысты (бакастысты — прочли) состоит из Partizip II глагола бакасын + сты 3 лицо, множ. ч. настоящее время глагола уын (быть).

В немецком языке после некоторых глаголов перед Infinitiv-ом употребляется частица zu. В осетинском языке такого явления не наблюдается, например:

Er begann zu sprechen.
Уый райдыдта дзурын.
Он начал говорить.

Немецкая конструкция *Akkusativus cum infinitivo* (фактически и термин и сама конструкция имеют точную копию в латинском), представляющая собой особенность немецкого языка, отсутствует в осетинском, но ее можно передать с помощью придаточного предложения.

Например: *Ich sehe die Kinder kommen.*
Я вижу идущих детей (или: как идут дети)
В осетинском эта конструкция выглядит следующим образом:
Æз уынын сывалдæттæ куыд æрбацауыныц, уый.

Немецкий *Infinitiv* без *zu* может передаваться на осетинский *Infinitiv*-ом в направительном падеже. Например, в немецком языке:

Das Mädchen geht Brot kaufen.
Девушка идет за хлебом (букв. покупать хлеб).

В осетинском языке:

Чызг цауы дзул æлхæнынмæ (æлхæнынмæ — в направительном падеже).

Инфинитивная конструкция немецкого языка с *im... zu*, *sine... zu*, *statt... zu* совершенно отсутствует в осетинском языке. В осетинском языке ее можно передать или придаточным предложением или простым распространенным предложением. *Die Studenten arbeiten viel, um die Prüfungen gut abzulegen.* Студенты много работают, чтобы хорошо сдать экзамены. *Studenten bira' кусыныц, цамай сæ экзаментæ хорз ралтой.* Можно передать на осетинском и деепричастным оборотом. *Er ging vorbei ohne zurückzuschauen.*

Он прошел мимо, не оглядываясь.
Уый ацыди мæ рæзты аиæ фæстамаæ фæкасгайæ.

Оборот: *statt...zu*

можно перевести простым предложением с помощью послеслова *бæсты* — вместо.

Statt nach Kiew zu fahren, fuhr er nach Moskau.
Вместо того, чтобы поехать в Киев, он поехал в Москву.
Киевмæ ацауыны бæсты Мæскуымæ ацыди.
(сам *Infinitiv* ацауыны стоит в родительном падеже)

В немецком языке *Infinitiv* глагола может употребляться в качестве повеления. В осетинском не наблюдается такого явления. Например: *aufstehen!* встать!

В немецком языке *Infinitiv* может употребляться как часть сложной глагольной формы, например *Futurum*. В осетинском языке *Futurum* образуется с помощью суффикса «дзын» и префикса «а».

В немецком языке *Ich werde gehen* я пойду. В осетинском языке *Æз ацаудзынæн.*

Инфинитивом в немецком языке может быть выражен любой

член предложения (подлежащее, часть сказуемого в сочетании с модальным глаголом, обстоятельство цели).

Infinitiv — подлежащее.

Rauchen ist verboten — курить воспрещается.

Infinitiv как обстоятельство цели.

Ich esse um zu leben.

Я ем, чтобы жить.

Infinitiv как часть сказуемого.

Я должен прочитать книгу.

Сказуемое muss lesen «должен прочитать» — сложное глагольное, состоит из модального глагола müssen — долженствовать и Infinitiv-а смыслового глагола lesen — читать.

В осетинском языке предложение можно передать следующим образом:

Æз хъуамæ чныг бакæсон.

Модального глагола в осетинском предложении нет, но имеется модальное слово хъуамæ, а Infinitiv глагола кæсын — lesen (читать) для обозначения будущего времени принимает приставку ба-

Infinitiv в качестве дополнения.

Ich lehre die Kinder deutsche Texte übersetzen.

Я учу детей переводить немецкие тексты (следует заметить, что место немецкого Infinitiv-а всегда в конце предложения).

Æз ахуыр канын сывæллæттæ немыцаг текстæ тæлмац канын. (или каныныл — местный внешний падеж). «Канын» в данном случае служит в качестве вспомогательного глагола и вместе с именной частью «тæлмац» образует составной глагол переводить (букв. перевод делать).

Infinitiv в качестве определения.

Ich setze mir das Ziel, die Univesität zu hetreten.

Я поставила себе целью поступить в университет.

Infinitiv выступает в качестве определения.

В осетинском языке это звучит следующим образом:

Мæхицæн хæсæн савæрдтон университетæ бацауын. Или же: Университетæ бацауын (бацауын — Infin. стоит в родительном падеже) хæс мæхицæн савæрдтон. Как видим, в инфинитивных конструкциях немецкого и осетинского языков есть много общего, но имеется и целый ряд отличий. Одной из особенностей осетинского инфинитива является то, что он без всякой субстантивации (т. е. без дополнительного грамматического оформления, как в немецком языке) может склоняться и даже иметь форму множественного числа (недаром его называют глагольным именем). Он может иметь при себе определительные слова (подобно существительному), употребляется с послелогами (тоже подобно существительному).

Фастамæ рацауыны тыххæй мын куы нныцæ загъта.

Он ничего не сказал мне о том, что вернется обратно (тыххæй — послелог «о»).

Такое же явление наблюдается и в армянском языке. Неопределенная форма глагола может (без субстантивации) склоняться как существительное (только в единственном числе) и как существительное может быть членом предложения (подлежащим, дополнением и пр.).

Сравним склонение Infinitiv-a в немецком и осетинском языках.

das Singen — пение

немецкий

N. das Singen

G. des Singens

D. dem Singen

Akk. das Singen

осетинский

Им. зарын

Род. зарыны

Дат. зарыпан

Направ. зарынамæ

Отлож. зарынаӕй

М. внутр. зарыны

М. внешн. зарынул.

В немецком Infinitiv не имеет форм множественного числа, в осетинском имеет и форму множ. числа и склоняется в форме множественного числа.

Зарынтæ маæ бон нал уыди.

Я больше не могла петь.

(Зарынтæ—им. пад., мн.число),

Зарынтыл нал уыди.

Ей (ему) не до пения было.

(Зарынтыл М. внешн. падеж множеств. число),

зарынтыл в местном внешнем падеже является частью составного именного сказуемого.

КРАТКИЕ ВЫВОДЫ

Infinitiv — неопределенная форма глагола — имеет много сходных черт в немецком и осетинском языках, есть и существенные различия между ними. Выступает в обоих языках в целом ряде инфинитивных конструкций и может быть членом предложения.

Инфинитив — форма, пограничная между именем и глаголом (его и называют глагольным именем) и поэтому, имеет много сходных черт обоих явлений.

Основной отличительной чертой осетинского Infinitiv-a по сравнению с немецким является тот факт, что он безо всякой субстантивации может склоняться (как в армянском) и даже имеет формы множественного числа. Функционирует как имя существительное, может выступать в послеложенных конструкциях и иметь при себе определительные слова.

ЛИТЕРАТУРА И ПРИМЕЧАНИЯ

1. А х м а н о в а О. С. Словарь лингвистических терминов. Москва, 1966, с. 182.
2. Т у м а н я н. Древнеармянский язык. Москва, 1971, с. 356.
3. Указанный глагол является полнозначным, но в данной конструкции утрачивает собственное значение, переходя в разряд вспомогательных.
4. В русском языке это — неопределенная форма глагола.

Э. Г. Чамокова,
Н. Ф. Свинаяева
СОГУ

Некоторые особенности коммуникативной организации отрицательных предложений

После работ Я. Фирбаса² принято считать³, что отрицание в силу своего семантического значения и отношения к контексту обладает постоянным коммуникативным значением, по силе превосходящим другие средства, определяющие коммуникативную значимость членов немаркированных высказываний, такие, как положение в предложении, контекстуальная зависимость и смысловой объем. Он приравнивает отрицание к словам-интенсификаторам типа *even, only* и др., которые способны менять информативный центр высказывания и тем самым всю структуру коммуникативной организации, задаваемую другими средствами.

Подобная оценка коммуникативной нагрузки отрицания, по-видимому, основывается на положении Г. Суита⁴, который считает, что отрицание имеет эмфатическое значение, так как оно опрокидывает значение предложения. Это предполагает выводимость всех элементов из контекста и, следовательно, их контекстуальную зависимость, на фоне которой отрицание становится наиболее важным в коммуникативном отношении элементом. Однако, грамматическое значение отрицания гораздо шире, чем значение опровержения того, что известно из предыдущего опыта. Говоря об оценке коммуникативной значимости отрицания, надо исходить из его лингвистической сущности. Общее отрицание в английском языке, будь оно вы-

ражено отрицаниями *pos*, по или *pot* *anu* всегда связано с предикацией⁵. Поскольку отрицание непосредственно участвует в акте предикации и вместе со сказуемым и его темпорально-модальными указателями (ТМУ) несет начало новой информации, отличающей данное высказывание от других, естественно предположить, что в коммуникативном отношении оно должно занимать то же место на шкале коммуникативной значимости элементов высказывания, что и глагол-сказуемое. Согласно данным Я. Фирбаса⁶, глагол-сказуемое, особенно его ТМУ, имеет значение перехода. Следовательно, и отрицание в немаркированных высказываниях должно занимать позицию перехода.

Проведенное исследование коммуникативной организации отрицательных предложений, подразделяемых на три группы в зависимости от структуры отрицания: 1) предложения с отрицанием по или его производными; 2) предложения с отрицанием *pot* 3) предложения с отрицанием *pot... anu* показало, что только частное отрицание можно считать средством уровня особого порядка, которое неизменно рематизирует элемент высказывания, к которому относится. Таким же коммуникативным значением обладает отрицание в некоторых эмфатических конструкциях:

1) в сравнительных, присоединяемых союзом *no more... than*; 2) в противительных, присоединяемых союзом *pot... but*. Что касается общего отрицания, какой бы формой оно не было выражено, оно не может рассматриваться как средство особого уровня, потому что элемент, с которым оно связано, может занимать различное место на шкале коммуникативной значимости, начиная от рематического и кончая тематическим. В более 75% случаев элемент, связанный с отрицанием, имеет рематическое значение, в остальной части случаев он имеет значение перехода. Случаи тематического значения отрицания или элемента, с которым оно связано, очень редки и возникают при контекстуальной зависимости отрицания, как в следующем примере:

Of what Arthur and Vanessa said to one another I
Th Th
 know nothing. I asked nothing. I was told nothing.
 Vanessa is better than ever. (Walpole, 38).

Преобладание рематического значения у элементов высказывания с отрицанием зависит, во-первых, от того, что часто отрицание является единственным контекстуально независимым компонентом; во-вторых, благодаря подвижному характеру отрицания, содержащего элемент *no*, и местоимения *anu* в отрицании *pot... anu*, они могут связываться с любыми семантически и коммуникативно значимыми элементами. Интересно отметить, что в предложениях с отрицанием *pot* чаще, чем в других отрицательных структурах «положительные» члены предложения становятся коммуникативным центром (29%). В предложе-

ниях с отрицанием not... апу благодаря тому, что апу подвижно и действует как второй центр отрицания, такие случаи составляют только 12%.

Случаи, когда отрицательная группа имеет релативное значение, неоднородны в коммуникативном отношении. Собственно ремой может быть само отрицание под влиянием контекста, смыслового объема слов и др.:

R Th

I was expecting Pyle at ten but he did not turn up.
(G. Green, 35).

В этой ситуации turn up предсказывается контекстом и отрицание становится коммуникативным центром. Коммуникативная структура следующего высказывания аналогична предшествующему:

R

They waited for the German to make a sound. There
was no sound. (J. Aldridge, 52).

В следующем предложении коммуникативным центром оказывается подлежащее, а отрицание оказывается на периферии ремы:

R₁ R₂

There was no aggravation in Ron, no self-pity and no
bitterness. (J. Aldridge, 28).

В тех случаях, когда отрицание не достигает релативского конца шкалы коммуникативной значимости, любой элемент, не выводимый из контекста, или семантически более значимый, может составить коммуникативный центр высказывания.

Например:

I had heard him called Joe a number of times but.
R

I had never learnt his surname. (Ja Salinger, 62).

K

Nobody noticed the Vietminh agents who had joined
the procession. (G. Green, 68).

R

Talbot was not pleased with children who put in an
appearance after their bedtime, or before their rising
time. (J. West, 51).

Очень часто это элемент высказывания, находящийся в дистантном положении по отношению к отрицанию и связанный с новой глагольной идеей, выраженной инфинитивом, герундием или причастием, которые могут образовать вторичную предикацию.

Например:

R₁

Nobody 's going to make me *sit out* there on the road

and have *my throat cut*. (G. Green, 118).

R

I couldn't resist reminding her that she hadn't answered his question. (T. Capote, 144).

Коммуникативная организация отрицательных предложений зависит и от смыслового объема глагола-сказуемого. Так, в предложениях с глаголами «be» и «have» элементы высказывания, непосредственно не связанные с отрицанием, реже имеют значение коммуникативного центра, чем в высказываниях, в которых глагол-сказуемое имеет выраженное лексическое значение. Во всех трех группах для глагола have они составляют от 8—10%, для be 20—22%, для глаголов с четким лексическим значением 66—70%. С другой стороны, сами глаголы «be», «have» в функции сказуемого или глагола-связки редко достигают речематического положения на шкале коммуникативной значимости. Его занимает их «распространитель первого ранга»⁷ — предикатив, дополнение, обстоятельство и др.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что коммуникативная организация отрицательных предложений определяет средства, характерные для других видов высказывания — положение в предложении, контекстуальная зависимость и смысловой объем элементов высказывания, что лишает отрицание особого речематического значения, позволяющего вывести его в ранг ФПП особого порядка.

ЛИТЕРАТУРА И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Теоретической основой нашей работы является учение о функциональной перспективе предложения (ФПП) в том виде, в каком оно представлено в работах Ф. Данеша и Я. Фирбаса.
2. Firbas J. Thoughts on the Communicative Function of the Verb in English, German and Czech. Brno St. in English, vol. 1. Praha, 1959.
3. Firbas J. From Comparative Word-Order Studies. Brno St. in English, vol. 4. Praha, 1964.
4. Черняховская Л. А. Перевод и смысловая структура. М., 1976.
5. Sweet H. A New English Grammar, Oxford, 1955.
6. Шендельс Е. П. Отрицание как лингвистическое понятие. «Ученые записки МГПИИЯ им. М. Тореза», т. 19, М., 1959.
7. Фирбас Я. Функции вопроса в процессе коммуникации. «Вопросы языкознания» 1972, № 2.
8. Firbas J. Thoughts on the Communicative Function of the Verb in English, German and Czech. Brno St. in English, vol. 1. Praha, 1959.

О Г Л А В Л Е Н И Е

БАГАЕВА Л. К. Вариантность частного отрицания в разносистемных языках (На материале английского и осетинского языков) . . .	3
БУТАЕВА Ф. Г. О некоторых факторах, обуславливающих перевод ломаной речи	
ГЕЛЬБЕРГ С. Я. Об одной разновидности бессоюзных сложных предложений с пояснением	17
ГОНЧАРЕНКО Г. Е. Окказиональное словообразование и окказиональное варьиро- вание на базе устойчивых сочетаний слов	25
ГРИНШТЕЙН Т. Д. К вопросу о синтаксической природе парцеллятов	34
ДАНИЛОВА И. Д. Вариативность структурных моделей сложноподчиненного предложения. (На примере произведений Теккерера)	40
ДЕЛШЕВА Л. М. Слово о сопоставительном исследовании языков	53
ГЛОЕВА А. М. Способы сохранения эмфатической функции инверсии как сти- листического приема. (На материале английских переводов романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени»)	58
ИВАНОВ Л. М. К характеристике модели двойного управления прилагатель- ных	65
ИВАНОВА Л. А. О категориальной принадлежности союзов	68
КОМАЕВА А. З. Семантическая структура глагольных образований с первым компонентом овет-	75

ЛЕДОВСКАЯ Т. А.	
Варианты сохранения равнострочия при переводе на русский язык стилистических приемов оригинала. (На материале перевода поэмы Дж. Байрона «Дон Жуан»)	86
ЛИСС А. Н.	
Выявление оптимальных вариантов значений фразеологизмов для отбора эквивалентно-адекватных единиц в разносистемных языках	92
ПИГАРЕВА Л. П.	
Некоторые стилевые особенности употребления глагола <i>voir</i> в трагедии Корнеля «Сид»	98
СОХИЕВА Г. Х.	
Синтаксические варианты эллиптических вопросительных конструкций в драматургии Д. Голсуорси	108
СЧАСТНОВА О. А.	
Терминологическая лексика в общих словарях	118
ХУБЕЦОВА З. Р.	
К вопросу об инфинитивных конструкциях в немецком и осетинском языках	126
ЧАМОКОВА Э. Г., СВИНАКОВА Н. Ф.	
Некоторые особенности коммуникативной организации отрицательных предложений	133